

ОГОНЁК
№ 32 АВГУСТ 1949
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В Московском Северном порту. Погрузка товаров для Сталинграда.
Фото М. Савина.

На первой странице обложки: Москва. Охотный ряд.
Цветное фото И. Шагина.

На последней странице обложки: На реке.
Цветное фото И. Шагина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 32 (1157) 7 АВГУСТА 1949

27-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Лаборантка-отличница Вера Романенко берет анализ зерна нового урожая, сдаваемого колхозом «Социалистична перебудова» (Переяслав-Хмельницкий район, Киевская область).

Фото Я. Рюмкина

В колхозе „ГАЙСМА"

Председатель колхоза «Гайсма» Теодор Янович Кокле (слева) показывает гостям из волости колхозные хлеба.

Фото А. Моклецова

Татьяна ТЭСС

I

У входа в дом, упершись рогами в изгородь, словно молодые бычки, стоят велосипеды. Цветет жасмин. Над шиповником, растущим у дороги, кружатся стрекозы. Горячий воздух душист и неподвижен, шмель гудит на басовой ноте, как виолончель. Окруженный деревьями, кустарниками, стоит коренастый дом кирпичной кладки, тяжеловатый, прочный, как крепость. Бывший кулацкий дом, в котором сейчас находится правление колхоза.

Из комнаты слышится сухое постукивание костяшек: за столом трудится колхозный счетовод. Напротив него сидит женщина, на ней мужские черные брюки; седые волосы уложены узлом, на носу очки. Женщина смотрит на меня сквозь очки испытующе и строго, как учительница.

— Могу я видеть председателя колхоза?

— Лудзу [1],— говорит женщина.

Она встает, и мы выходим из дома. В одной из пристроек лезем вверх, на чердак. Пахнет зерном. На чердаке человек в майке ремонтирует небольшой мотор. Он что-то неторопливо говорит по-латышски и смотрит на нас светлыми, зоркими, как у птицы, глазами. Потом нажимает кнопку — и все вокруг него приходит в движение.

Мотор гудит; стучит, как пулемет, установленная в стороне дробилка; раздробленный овес, подпрыгивая, сыплется в большой ковш; светлая, сухая пыль вьется в воздухе. Человек удовлетворенно кивает головой и обтирает руки куском пакли.

— Это есть наш председатель,— с сильным латышским акцентом говорит моя провожатая.

Бывает что-то неуловимо приметное в осанке фронтовиков. На белой запыленной майке нет ни орденских ленточек, ни нашивок ранений, но по тому, как стоял председатель колхоза, по его выправке, по упрямым, точным движениям рук, когда он исправлял мотор, можно было предположить, что этот человек служил в армии.

И это действительно было так.

Теодор Кокле ушел на фронт в июне сорок первого года и вернулся из армии только после Дня Победы.

У Кокле никогда не было своей земли. Когда-то, в старой Латвии, он работал слесарем и кузнецом. Он приходил на хутор к кулаку, и тот нанимал его. Кокле ремонтировал машины, слесарил, ковал. Работал он с рассвета до ночи, всегда молча и только иногда тихонько насвистывал, как иволга.

— Фиу-фить...— свистел он и останавливался, словно смутившись, через секунду слышалось опять: — Фиу-фить...

Работа кончалась, и Кокле шел дальше, взвалив на плечо ящик с инструментами. В одной из деревень у него была семья; он приходил домой, оставлял гроши жене и шел в поисках заработка дальше. Он мечтал купить гектар земли и построить домик — будочку с двумя окнами. Но денег нехватало ни на землю, ни на будочку. И он опять взваливал на плечо ящик с инструментами и шел дальше, от хутора к хутору. И опять слышались то в риге, то в сарае постукивание инструмента, удары молотка и тихое, мелодичное, как у иволги, посвистывание...

Жизнь Кокле изменилась только тогда, когда Латвия стала советской.

Он начал работать механиком; по вечерам занимался на курсах. Теодор Кокле увидел новую жизнь, она блеснула перед ним, подобно тому, как блещет в окнах солнце, подымаясь на небо, и вот щедрое золото его лучей уже лежит на деревьях, на полях, на лицах людей...

С первых дней войны Теодор Кокле сражался за могучий Советский Союз и за свою маленькую Латвию, за ее будущее, за ее счастье. В армии Кокле был принят в ряды коммунистической партии. После демобилизации он вернулся в родную деревню.

Прошедший 1948 год и начало 1949 являются временем становления колхозов в Латвии. Трудовое крестьянство Советской Латвии бесповоротно и твердо пошло по единственно правильному пути — пути социалистической, колхозной жизни.

Колхоз, о котором идет речь, был организован в феврале 1948 года. Сперва в него вступило только девять семейств. Три из них не имели раньше своей земли. Такими были семьи Теодора Кокле, Яна Плумита и старого Саарса.

Председателем колхоза избрали Кокле. Колхозники чувствовали, что Кокле ясно видит и знает направление того большого пути, на который они только что встали.

Колхоз назвали «Гайсма», что по-латышски означает «Свет».

Наступила первая весна колхоза «Гайсма». Из МТС на поля пришли тракторы — большие, мощные машины. Скрежеща гусеницами, они двигались по дороге, и старики, глядя на них, пожимали плечами.

— Хо! Зачем такой большой трактор? — говорили они. — Что ему делать на лоскутке земли?

Но лоскутков больше не было. Лежал колхозный массив, широкий, как озеро, и тракторы вспахали его быстро и глубоко.

Чуть свет все девять семейств выходили в поле. Они чувствовали на себе десятки глаз, недоверчивых, внимательных, дружеских. Они слыхали подчас и злой шепоток:

— Какой прок может быть из общего хозяйства? Испортят скот, загонят лошадей... Хлеб не вырастет на такой земле...

И старухи, качая головами, шелестели:

— Не вырастет, не вырастет...

Раньше были десятки примет, следуя которым начинали сев. Надо было следить, как цветет рябина и придорожная ива, прислушиваться к голосу кукушки, треску сверчков... Но главная примета была одна: нельзя сеять, когда месяц неполный. «Что хотите думайте, но если посеять, когда месяц неполный, не будет ни удачи, ни урожая»,— так твердили старики на селе.

А колхозники начали сеять, когда месяц был неполный, и управились с севом быстро и хорошо. И в начале колхозного поля прибили на столбе плакат:

«Посеяно, когда месяц был неполный».

Ну, что тут скажешь? И агроном Цирулис тоже был с ними заодно — Ян Цирулис, который учился на гроши и вышел из бедняков.

Это невысокий человек, с медным, обветренным лицом и яркоголубыми глазами, словно в медь капнули две капли лазури. По характеру Цирулис и Кокле очень различны. Кокле хладнокровен, всегда спокоен, говорит не торопясь. Цирулис живой, как ртуть, поминутно загорается, словно внутри него включают фонарик. Оба они — Цирулис и Кокле — новаторы по самой своей природе.

— Надо добиться правильного севооборота! — восклицает Цирулис, и глаза его вспыхивают голубым пламенем. — Для зерновых надо класть навоз штабелями на поле, пока еще лежит снег!..— произносит он вдохновенно, словно читает стихи.

Он сделал плакат и сам нарисовал в красках, как улетучивается азот, когда навоз складывают неправильно. И азот был изображен в виде большой бабочки с пышными зелеными крыльями...

В первое же колхозное лето агроном Цирулис затеял осушить болото. Вместе с Кокле они продумали весь план осушения; план обсудили и приняли на колхозном собрании. Силами колхоза работы были произведены, болото превратилось в сочный, цветущий луг. И опять кое-кто шептал из-за угла:

— Ох, все, все провалятся в трясину, быть беде!..

Но на новый луг уже вышла чистопородная корова «Гита», широкая грудь ее лоснилась, и вымя, огромное, тяжелое вымя, покачивалось на ходу, как мешок. Вслед за «Гитой» вышли бурая «Балва» и другие колхозные коровы и стали щипать сочную траву. А Ян Цирулис стоял возле них, лицо его сияло, и он восклицал:

— О, вот это есть настоящее дело! — и грозил пальцем, словно спорил с кем-то.

Первый урожай в колхозе «Гайсма» был обилен. Его убрали быстро и дружно. На трудодни колхозники получили много зерна, картошки, сена, денег. Никогда в жизни батраки не получали у хозяина белый хлеб, и никогда латышский бедняк не имел в доме белой муки. Осенью колхозники повезли зерно на мельницу, чтобы смолоть его на белую, или, как здесь говорят, «сортовую», муку.

Ян Плумит, бывший батрак, восседал на колхозной линейке возле своих мешков с зерном, как на троне.

— Добрый день, Плумит! — здоровались с ним крестьяне, идущие по дороге. — Далеко ли держишь путь?

— На мельницу, хочу получить сортовую муку,— важно отвечал Плумит.

[1] По-латышски лудзу — пожалуйста.

Добрые кони бежали рысью, линейка покачивалась, и Плумит, задумавшись, кивал головой, словно отвечал своим мыслям.

И опять кто-то кричал с дороги:

— Эй, Ян, здравствуй! Куда это ты собрался?

— За сортовой мукой,— с достоинством отвечал Плумит.

Через час во всем селе, даже в самых дальних домах, уже знали, что Плумит привез сортовую муку. Люди качали головами: у бывшего батрака, безземельного Плумита, впервые в жизни был белый хлеб!

Осенью, в Октябрьский праздник, в колхозе устроили вечер.

Сварили пиво, накрыли большие столы, расставили угощение. На праздник пригласили единоличников. Угощение было богатое — гости, разглядывая угощения, значительно подымали брови.

Хозяином стола был Кокле. Он наливал в кружки золотое пиво, подкладывал гостям то курятины, то сала, то пирогов. Ян Плумит хватил на радостях пива и малость захмелел. Он ходил от одного гостя к другому и рассказывал, как он жил, когда был батраком.

— Горькая жизнь, как полынь! — говорил он, и на глазах его блестели слезы. — Что я знал? Нищету, заботы да тяжкий труд... И страх, что отберут последний кусок хлеба. Я поседел от этого страха, вот мои седины... — и он показывал на свою голову.

— А сейчас? Сейчас я колхозник, свободный человек! — продолжал Плумит и ударял себя в грудь. — Я больше не знаю страха, не боюсь потерять кусок хлеба. Вот мои седины, но я помолодел, чорт возьми, помолодел за один год! Мы узнали другую, настоящую жизнь, и эту жизнь дала нам советская власть... Правду я говорю?

И он сел на свое место и поглядел на всех победным взглядом.

— Ты говоришь о страхе, Ян? — сказал Кокле медленно и повернул голову к соседу по столу; то был высокий, крепкий старик, в колхоз он еще не вступил: все приглядывался да примеривался. — Вот ты, Карл,— сказал Кокле, обращаясь к нему. — Ты никогда не был батраком, как я или Плумит, у тебя был свой клочок земли. Но ты всегда дрожал за этот клочок. Ты день и ночь боялся, что у тебя отнимет землю «серый барон» — кулак. А у «серого барона» были жадные руки, мы все это знали. Сколько ночей ты провел без сна от забот, от страха? Только советская власть избавила тебя и всех тружеников от «серых баронов». Колхоз — вот наша правда, наша свобода, наш настоящий путь. Только колхоз, Карл!

— Правда! — закричал Плумит и вскочил с места.

— Правда! — послышались голоса, одни гости молчали в раздумье, другие повторяли:

— Правду, правду говоришь, Кокле...

Долго тянулся пир, долго гуляли и пили за столом гости. Стемнело. В доме зажгли свет, и яркий блеск его был далеко виден в сырой ноябрьской ночи, полной шелеста деревьев и запаха мокрой земли.

Агроном Янис Цирулис в мичуринской лаборатории колхоза «Гайсма» за анализом земли.

II

Колхозу «Гайсма» всего второй год. Но уже первый год его существования показал крестьянам силу и преимущества колхозного строя. Колхоз растет, укрепляется; молодые колхозы Латвии опираются на опыт и поддержку всех братских народов Советского Союза, в первую очередь великого русского народа.

С той поры, как Советская Армия освободила Латвию от фашистских захватчиков, много перемен произошло в республике. Восстали из праха разрушенные фабрики, появились новые заводы, новые отрасли индустрии. Изменился самый облик латышской деревни, стали иными ее люди. Появились зачинатели новых дел, колхозные строители, чьи помыслы, труд, душа отданы созданию нового, социалистического хозяйства.

Деревня получила возможность вооружиться современными сельскохозяйственными машинами. Работа самих колхозников, их стремление строить и развивать свои коллективные хозяйства соединились с организационной и технической помощью и руководством государства.

Колхоз «Гайсма», начавший с малого, разрастался. Зимой в него вступило еще десять семейств, а перед весенним севом — остальные.

По своему расположению латвийская деревня отлична от русских или украинских деревень. Здесь нет длинных, широких улиц, вдоль которых идут рядком золотистые срубы или слепящие белые мазанки. Вы едете по дороге и видите луга, и поля, и темные кущи деревьев; мелькнет за кленом или дубками крыша,— и снова тянутся поля. Дома стоят далеко друг от друга; долгие годы людей приучали к разобщенности, к одиночеству, к тому, что каждая семья — это свой очаг и своя судьба и нет другим до нее дела.

И вот сейчас эти самые люди дружно, плечом к плечу, строят новую жизнь. И колхоз стал для них родным домом.

Когда задумываешься над тем, какие характерные новые черты появились в духовном облике латышских крестьян, то прежде всего заметишь свойство, которое можно назвать «чувством будущего». Люди, жившие раньше только сегодняшним днем, его заботами, тревогами, повседневным трудом, сейчас смело и уверенно глядят вперед. Они стремятся планировать, раздвигают границы своих замыслов и надежд. Колхозник сейчас занят не только тем участком, на котором сам он работает: он думает о всестороннем развитии общественного хозяйства.

...Мы идем по колхозу «Гайсма». В ясный день краски здешней могучей природы обретают особую чистоту. Зелень трав и листьев, синева неба, белизна облаков...

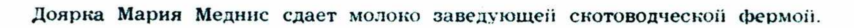
Председатель колхоза Теодор Кокле шагает и на ходу посвистывает, как иволга. Рядом с ним идет седая женщина в брюках; глаза ее строго глядят сквозь очки. Мы входим в здание молочной фермы.

Здесь чистота и прохлада. На плитках дорожки играют солнечные лучи.

— «Бруклена»... — говорит женщина, и я не узнаю ее голоса: он мягок и нежен.— «Бруклена»! — повторяет она, и золотистая корова медленно встает, огромное ее вымя с оттянутыми, словно замшевыми сосками, тяжело раскачивается...

За девять месяцев «Бруклена» дала 4 тысячи литров молока. Это чистопородная «латвийская бурая». Во многих колхозах Латвии с первых же дней их организации большое внимание уделяется развитию общественного животноводства. Создание животноводческих ферм, организация труда, стремление добиться высокой продуктивности скота — все это оказалось в центре внимания колхозников.

В колхозе «Гайсма» 120 голов крупного рогатого скота. Молодое животноводческое хозяйство поставлено хорошо, для ухода за

Доярка Мария Меднис сдает молоко заведующей скотоводческой фермой.

скотом подобраны люди опытные. Бывший слесарь Кокле оказался рачительным колхозным хозяином: ферма считается одной из лучших в уезде.

Кокле показывает колхоз с гордостью, и его нельзя осудить за это. Все здесь молодо и свежо, все сделано руками людей, создающих новое, социалистическое хозяйство.

Мы стоим на лугу: Кокле, я и седая молчаливая женщина в брюках. И вдруг женщина исчезает. Я оборачиваюсь и вижу, как она бежит к сараю. Туда подкатила линейка, долговязый парень осаживает лошадь, натягивая вожжи. Женщина подбегает к нему и что-то сердито кричит по-латышски. Вид у нее воинственный, она налетает на долговязого парня, как перепелка, а тот стоит перед нею смущенный, опустив руки...

— Эге! — говорит Кокле.— Сейчас она ему задаст за то, что у него лошадь темная от пота. Покушает парень красного перцу...

— Кто эта женщина?

— Это Хильда Прейс — наш зоотехник. Ну, я сроду не видал, чтобы так любили лошадей, как она любит! Сам уважаю лошадь, а все ж не так... Хороший зоотехник Хильда, образованный человек. В голосе Кокле звучит уважение.

Парень, суетясь, выпрягает лошадь, и Хильда, решительно отодвинув его, подходит к лошади сама. Она оглаживает ее, вытирает ей пот около глаз, осматривает копыта. Потом идет к конюшне, и лошадь, вытянув шею, идет за ней.

Большинство колхозников — люди с горячим сердцем, с увлечением строящие колхоз. Но есть еще и такие, которые вступили в колхоз с оглядкой и боятся дать больше, чем получат взамен, не решаются на трудовую и душевную щедрость.

За кленами видна крыша дома. Дом стоит далеко, один на холме. Кто живет под его крышей?

В ответ Кокле рассказал мне примечательную историю.

В этом доме живут три сестры и брат. Ни у кого из них никогда не было своей семьи, они прожили век бобылями. Всю жизнь они трудились на клочке земли, и состарились на этой земле, и стали такими, какие они есть сейчас: пожилыми людьми с сутулыми спинами и узловатыми, как корни, руками.

Они молчаливы и угрюмы. В их доме никогда не было слышно ни смеха, ни детских голосов. Главой семьи считалась старшая сестра, Элизабета. Никто не смел ее ослушаться. Брата Яна она всегда считала мальчишкой, хотя ему сейчас далеко за пятьдесят.

Они прожили всю жизнь, как рабы земли, в труде и одиночестве. Но в колхоз они вступили позже всех.

Элизабета приходила в правление, молча и недоверчиво слушала все, что ей говорили, и уходила назад. Она приглядывалась год, пока не увидела на фактах преимущества колхозного строя. Тогда Элизабета решилась — за себя, за сестер, за брата.

Они привыкли трудиться и работали в колхозе хорошо. Но душа их еще была закрыта; закрыта была и дверь дома: они никого не звали к себе, редко бывали на людях.

Однажды заведующий фермой попросил у Элизабеты разрешения поставить в ее коровнике несколько колхозных коров.

— Нет,— сказала Элизабета.— Там стоят коровы мои, сестер и брата.

— Ваших коров можно перевести во второй, маленький сарай,— объяснил заведующий.

— Нет,— сказала Элизабета. — В этом сарае плохая крыша.

— Мы сделаем вам новую крышу...

— Нет! — повторила Элизабета упрямо. — Там худые двери.

— Мы сделаем новые двери,— сказал заведующий, вздохнув.

— Нет! — сказала Элизабета, но тут послышался шум отодвинутой скамьи.

— Да! — сказал вдруг старый Ян и встал.— Да, мы поставим колхозных коров в наш коровник!

— Помолчи! — сказала Элизабета. — Тебя никто не спрашивает.

— Да! — повторил Ян и стукнул кулаком.— Рядом с нами хорошее пастбище, и незачем так далеко гнать коров с колхозной фермы. Пусть поставят несколько коров у нас. Я сказал.

— Помолчи! — крикнула Элизабета, но Ян опять стукнул кулаком, и она села.

Она сидела, растерянно уставившись на брата, а тот все стучал кулаком, словно молотом, пока заведующий не сказал ему:

— Да что ты колотишь, Ян, как в кузне?

Вечером докладчик, приехавший из Риги, читал в красном уголке лекцию о международном положении. Неожиданно на лекцию пришел Ян и сел в дальний угол. Ян был в праздничном костюме и в шляпе.

— Тебе будет плохо слышно, Ян... — сказал председатель. — Садись поближе...

И Яна пересадили в первый ряд. Он сидел в первом ряду, торжественный, прямой, положив на колени огромные, тяжелые руки.

...Кокле, рассказывая все это, шел со мной по полевой тропе, и мы дошли до небольшого белого домика. Возле дома стоял старик, очень дряхлый, легкий, как сухой лист.

— Кто живет в этом доме? — спросила я.

И тут председатель колхоза рассказал мне еще одну историю.

В этом доме живет Мария Меднис, лучшая доярка колхоза. Она родилась в семье бедняка. Когда Мария была подростком, ее взяла к себе дальняя родственница, которая вышла замуж за «серого барона», кулака. Мария ела вместе с батраками, ее не пускали в парадные комнаты, но денег ей не платили, и хозяйка говорила: «Какие там деньги? Ты живешь у нас, как родная...»

Мария доила коров, чистила хлев, убирала навоз. Она ходила в рваном платье, в стоптанных башмаках. Всю жизнь она работала на чужих людей, не зная ни тепла, ни ласкового слова. У нее не было своей жизни. Она не вышла замуж. Она не могла помочь своим старикам: у нее не было денег. День и ночь ей внушали, что она никому на свете ненужна и ее держат из милости. Юность, лучшие свои годы она отдала этой беспросветной работе — для чужого, холодного дома, чужого, алчного богатства. И однажды, словно проснувшись, увидела свои седые волосы, морщины на лице, жилистые руки... И подумала, вздохнув: «Вот и жизнь прошла...»

Но жизнь не прошла.

Жизнь только началась, все пошло по-иному. Латвия стала советской республикой. В бывшем доме «серого барона» теперь помещается правление колхоза. И сама Мария Меднис стала лучшей дояркой, уважаемым человеком в колхозе.

Ей дали домик недалеко от фермы, и она перевезла туда своих стариков. Они дряхлы и беспомощны, но им уже не надо думать о куске хлеба. Мария одна выработала за год около шестисот трудодней. В доме сейчас полный достаток. Мария работает с особым чувством,—так человек, припавший к чистому, свежему ручью, пьет и не может напиться...

Я видела Марию. На крыльце стояла немолодая женщина, седая, с натруженными, тяжело свисающими руками. У нее были голубые добрые глаза и детская улыбка.

Осанка Марии спокойна, полна достоинства. Она стояла на крыльце, как хозяйка, прочно уперев в пол ноги в крепких мужских башмаках. Все, что цвело и дышало кругом, принадлежало ей, Марии Меднис, принадлежало народу.

А по тропинке, среди шиповника и сирени, шел ее отец, очень старый человек, с мягкими, как у детей, седыми волосами. Голова его тряслась, он шел медленно и глядел на кусты жасмина, на травы, на стрекоз; глаза его были внимательными и удивленными, как у человека, который недавно вышел на свет из длинного темного тоннеля.

Песня дружбы

Сергей МИХАЛКОВ

**За дело Мира и Свободы,
Во имя Правды на земле
Стоят славянские народы,
Им светят звезды на Кремле.**

**Мы проливали кровь недаром,
И наша дружба на века.
Навек протянута болгарам
России верная рука.**

**Друзья! Славяне!
Рабочие, крестьяне
И весь трудящийся народ!
Под наше знамя
Вставайте с нами
И вместе с нами
Вперед! Вперед!**

**Народ Советского Союза
Пример болгарскому дает,
И наши дружеские узы
Никто ничем не разорвет.**

**Мы кровью связаны и словом,
И верен клятве наш народ.
Родное имя Димитрова
Народ Болгарии ведет!**

**Друзья! Славяне!
Рабочие, крестьяне
И весь трудящийся народ!
Под наше знамя
Вставайте с нами
И вместе с нами
Вперед! Вперед!**

**Опять захватчики мечтают
Нарушить счастье мирных стран,
Ну что ж, они еще узнают,
В чем единение славян!**

**Мы смотрим в солнечные дали
И ясно видим цель свою.
Великий вождь Иосиф Сталин
Сплотил славянскую семью.**

**Друзья! Славяне!
Рабочие, крестьяне
И весь трудящийся народ!
Под наше знамя
Вставайте с нами
И вместе с нами
Вперед! Вперед!**

г. София.

СЕМЬЯ ВОЛКОВЫХ

Текст В. Ефимовой

Фото О. Кнорринга

С конвейеров Горьковского автомобильного завода имени Молотова непрерывным потоком сходят грузовые и легковые машины советских марок. Вся страна знает грузовики марки «ГАЗ», легковые машины «Победа».

Вместе с заводом растут кадры советских автомобилестроителей. Среди них почетное место занимает семья знатной формовщицы литейного цеха серого чугуна Анны Семеновны Волковой.

Анна Семеновна работает на заводе с 1934 года. Она — лучшая формовщица поршневых колец. Ее самоотверженный труд отмечен многочисленными премиями и четырьмя почетными грамотами.

В 1946 году рядом с Анной Семеновной за формовочный станок встала ее дочь Катя. В следующем, 1947 году в литейный цех пришла и вторая дочь — Раиса. Мать учила дочерей своему мастерству, и девушки, переняв ее опыт, вышли в ряды лучших работниц цеха.

— Волковская линия в сборе, — шутят литейщики. Семья Волковых — Анна Семеновна, Катя и Раиса — идет на работу.

Анна Семеновна Волкова пристально следит за работой дочерей. — Недавно я учила их, — говорит она, — а теперь и мне у них поучиться приходится.

Однажды начальник участка сказал:

— Знаешь, Анна Семеновна, а ведь Раиса сегодня обогнала тебя. Она заформовала на 370 колец больше.

— А вы точно сосчитали? — спросила Анна Семеновна.

— Точно.

— Значит, я хорошо учила свою дочь, — удовлетворенно сказала мать.

Когда в цехе были объявлены проектные нормы 1950 года, Раиса сказала:

— Неужели нужно ждать несколько лет, чтобы их освоить? Давайте возьмемся за это сейчас, — и вместе с подругами повела строгий счет минутам и секундам, чтобы сэкономить каждый миг драгоценного рабочего времени.

Это было два года тому назад. Сейчас Раиса Волкова дает 140—150 процентов нормы 1950 года.

Рядом с четырьмя грамотами А. С. Волковой на стене появились три почетных грамоты дочери.

В выходной день на пароходе.

Они сидят рядом на этом ответственном совещании литейщиков: мать и дочь. Обе знатные стахановки пришли рассказать о своем опыте.

Детям — только хорошие вещи

Фото Дм. Бальтерманца

В нашей стране забота о детях — серьезное государственное дело.

Партия и правительство окружают детей повседневным вниманием, вникают во все их запросы и нужды.

Эта отеческая забота ярко проявилась и в постановлении Совета Министров СССР о расширении производства детских товаров и об улучшении снабжения детских учреждений промышленными товарами.

☆ ☆ ☆

— Десятки миллионов шерстяных и хлопчатобумажных детских пальто, платьев, сорочек, костюмов, брюк выпустят в этом году швейные фабрики, — рассказал нам начальник Главного управления швейной промышленности Министерства легкой промышленности СССР тов. А. Рыбаков.— Многие наши предприятия перевыполняют свои производственные планы. Но этого мало. Сейчас внимание работников предприятий направлено на то, чтобы детская одежда изготовлялась не только в достаточном количестве, но и высокого качества: прочной, удобной и красивой. Московскими фабриками разрабатываются новые модели, разнообразятся фасоны платьев. По 45 фасонам шьет детскую одежду фабрика № 19. Фабрика № 4 выпускает ежемесячно тысячи детских пальто пятнадцати моделей из цветного сукна, 25 фасонов детской одежды производит фабрика № 17.

Недавно Министерство легкой промышленности вместе с Министерством просвещения РСФСР утвердило 93 фасона детских платьев, костюмов, пальто. В ближайшее время фабрики начнут выпускать одежду по этим моделям.

По решению Совета Министров СССР в каждой отрасли промышленности, производящей детские вещи, создаются художественные советы. Ни одна новая модель не будет пущена в производство без одобрения совета.

Правительство обязало Министерство легкой промышленности разработать не менее 26 образцов новых красивых шерстяных тканей для детской одежды.

Как сообщает начальник «Главшерсти» тов. В. Гусев, образцы новых тканей уже разработаны. Из них десять видов тканей для платьев—коричневые, голубые с мелким рисунком и в клетку, четыре — для костюмов и брюк, четыре — для кепок, три — для пальто. Скоро пойдет в производство специальный «детский драп»—розовый и серый,— ткань бордо с синей клеткой для детских пальто, костюмные материалы светлых цветов и ткани для форменных ученических платьев.

Над новыми тканями с красивым рисунком работают сейчас коллективы Краснохолмского камвольного комбината, фабрики имени Петра Алексеева, фабрики «Освобожденный труд» и другие.

Значительно увеличено в этом году производство трикотажа для детей: кофточек, белья, чулок, носков, варежек и перчаток. Перед началом летнего сезона был проведен общественный просмотр фасонов и расцветок трикотажных изделий. В августе предполагается такой же просмотр образцов зимнего трикотажа. Предприятиям дано задание изготовлять детский трикотаж разнообразных рисунков. Особенно рекомендуются голубые, васильковые, сиреневые и зеленые расцветки.

— Как обстоит дело с выпуском детской обуви? — спросили мы тов. И. Стешева, исполняющего обязанности начальника «Главобуви».— К вашим фабрикам у покупателя больше всего претензий: не всегда можно найти в магазинах обувь наиболее ходовых размеров, да и качество ее порой неважное.

— В этом году,— заявил нам тов. Стешев,— мы должны выпустить 51 миллион пар детской обуви.

Чтобы выполнить эту программу, пущены в ход новые предприятия и цехи. Так, на фабрике «Парижская коммуна» начинает работать цех, который дает в день 3 тысячи пар обуви для девочек. Скоро вступят в строй такие же цехи на фабриках Тбилиси, Ленинграда и других городов.

Половина детской обуви изготовляется из цветной кожи ярких тонов; к зимнему сезону будет выпущено большое количество хромовых ботинок.

Над новыми моделями обуви работают лучшие модельеры.

Министерство местной промышленности РСФСР особенное внимание уделяет теперь выпуску разнообразного ассортимента детской мебели, посуды и игрушек.

— Намного расширяется выпуск предметов санитарии и гигиены: губок, талька, борной кислоты, специальных сортов детского мыла, а также сосок улучшенного качества, клеенок и других предметов, необходимых для ухода за ребенком,— сообщил начальник Главного аптечного управления Министерства здравоохранения СССР тов. Н. Поляков.

☆ ☆ ☆

— Детскую одежду нельзя шить холодными руками,— так говорят работницы фабрики № 19.

Здесь шьют платья, костюмы, пижамы для девочек и мальчиков от ясельного до юношеского возраста.

Деловой, веселой суетою наполнены цехи фабрики. С легким звоном вертятся колеса швейных машин, мелькают проворные руки стахановок.

Запускальщица лучшей молодежно-комсомольской бригады второго пошивочного цеха Фаина Сергеевна Туркина еле успевает складывать готовую продукцию. Пестрая стопка маленьких пижам возвышается перед ней.

С большой любовью работает коллектив фабрики над изготовлением детского платья. В день здесь выпускают около двух тысяч различных изделий.

За эту весну фабрика дала магазинам Москвы и периферии

Маленькая покупательница примеряет новые туфли.

45 разнообразных моделей детской одежды. Все 15 производственных бригад, следуя почину Александра Чутких, соревнуются между собой, и 11 из них уже завоевали звание бригады отличного качества.

В адрес министерства приходят письма от матерей с благодарностью за красивое, прочное, удобное платье, сшитое фабрикой № 19.

— Как мы можем без души относиться к своему делу, если шьем для наших детей? — говорит стахановка-мотористка Александра Леонтьевна Усачева.—Я всегда помню, как рада бывает моя дочка, когда надевает новое красивое платье, и хочу, чтобы так же радовались все дети.

Рабочий день окончен. Усачева спешит в лабораторию, где сегодня будет технический смотр новой модели платья. Такие смотры устраиваются регулярно при активном участии работниц-стахановок. Каждую новую модель детально обсуждают, вносят поправки, внимательно следят за ее спросом.

В лаборатории уже все в сборе. Рассматривают новый образец платья для девочки-подростка.

— Хорошо. Юбка из двенадцати клиньев. Это очень красиво. Надо немедленно пустить в массовое производство.

☆ ☆ ☆

Около этого дома на улице Кирова всегда особая публика. Громко беседуя, размахивают покупками девочки-подростки. Сосредоточенно разглядывая новую игрушку, шагают за родителями малыши. Бережно, еще неумело несут свою драгоценную живую ношу, завернутую в белый кружевной конверт, молодые отцы и матери. Незнакомые люди переговариваются между собой, показывают друг другу обновы, купленные ребятишкам.

Над входом вывеска: «Детский мир».

Заглянем внутрь магазина.

Это сюда стекаются красивые разнообразные товары, так заботливо сделанные коллективным трудом рабочих многих фабрик.

Весело и шумно в залах магазина. Вокруг красочного макета толпится народ; здесь останавливаются все: и годовалые малыши и старшие школьники. Макет изображает известную народную сказку «Репка».

Особенное оживление возле игрушек. Чего только тут нет! Мишки, лошадки, автомобили, ружья, сабли, солдатики и куклы всех цветов и размеров. С жужжанием кружатся пестрые волчки, мчатся по прилавку заводные кошки, звенит колокольчик красной пожарной машины. А вокруг прилавка — детвора. В руках крепко стиснуты купленные сокровища.

В отделе «Для самых маленьких» вы найдете вышитое нарядное детское приданое, кружевные конверты с розовыми и голубыми бантами, платья, костюмчики, пижамы, распашонки, ботиночки, пинетки и «гусарики».

Годовалому Вове примеряют новые ботинки, но ему не до этого. Сидя на прилавке, он испытывает прочность заводной автомашины: изо всех сил старается оторвать ее переднее колесо.

Мы разговорились с директором магазина Анной Платоновной Циренщиковой.

— Магазин наш богатый,—говорит она с гордостью.— За день мы выдаем около 80 тысяч покупок. Продавцы подобраны хорошие, они очень любят детей. Некоторые уже много лет здесь работают. Взять хотя бы Елизавету Ароновну Метальчук — продавщицу отдела головных уборов. Ей 65 лет. Сколько шапочек она примерила на детские головы! Она знает и любит свое дело. И таких у нас много: Софья Ивановна Новикова и Елизавета Ивановна Богданова в отделе игрушек, Анна Ивановна Чекалина в отделе «Для самых маленьких» и другие.

...Не утихает веселый гомон в залах «Детского мира».

Довольные, немного смущенные, в красивых обновах, шумят и смеются маленькие покупатели— счастливые дети счастливой страны.

В игрушечном отделе «Детского мира» особенное оживление.

Зерно идет по конвейеру

По стальным магистралям мчатся поезда с зерном нового урожая. Особенно широко развернулись хлебные перевозки на дорогах Юга. Редакция «Огонька» связалась по прямому проводу с Минераловодским отделением Орджоникидзевской железной дороги. К аппарату подошел начальник отделения тов. Колеух.

МИНЕРАЛЬНЫЕ ВОДЫ. Бесконечной чередой днем и ночью тянутся к станциям автомобили и подводы с зерном нового урожая. Хлеба поступает гораздо больше, чем в прошлом году. Ежедневно на станции нашего отделения подвозятся сотни вагонов зерна. Особенно большой его поток идет к Буденновску, Карамыку, Аполлонской.

МОСКВА. Давно стали готовиться к перевозке хлеба?

МИНЕРАЛЬНЫЕ ВОДЫ. Еще ранней весной. По инициативе станционных коллективов Буденновской ветки началось соревнование за образцовую доставку хлеба нового урожая между работниками отделения, заготовителями и колхозниками. Были дополнительно построены зернохранилища, хлеб грузится ночью и днем, полностью механизированы погрузочные работы и увеличен их фронт.

В начале уборки хлеба 450 железнодорожников во внеурочное время помогали колхозникам на полях. Силами транспортников Минераловодского узла в колхозе имени Калинина электрифицированы все работы по уборке урожая. Для более быстрого подвоза зерна к местам погрузки мы выделили 19 автомашин и 46 подвод.

МОСКВА. В чем видны результаты содружества железнодорожников, заготовителей и хлеборобов?

МИНЕРАЛЬНЫЕ ВОДЫ. В быстрой погрузке зерна. Среди грузчиков организованы пятнадцать бригад отличного качества. Работают две передвижные транспортные колонны. Поезда уходят с гарантийной маркой. Нет потерь зерна ни на станциях ветки, ни в пути следования. Большое внимание уделено весовщикам. Они прошли специальную подготовку, изучили передовые методы погрузочной работы. Весовщики тт. Суслов и Пирогов при активном содействии дежурного по станции тов. Ивченко и составителя тов. Теляпова применяют новый способ уплотненной погрузки зерна. Это дало возможность в течение нескольких дней высвобождать 120 вагонов для сверхплановой доставки хлеба.

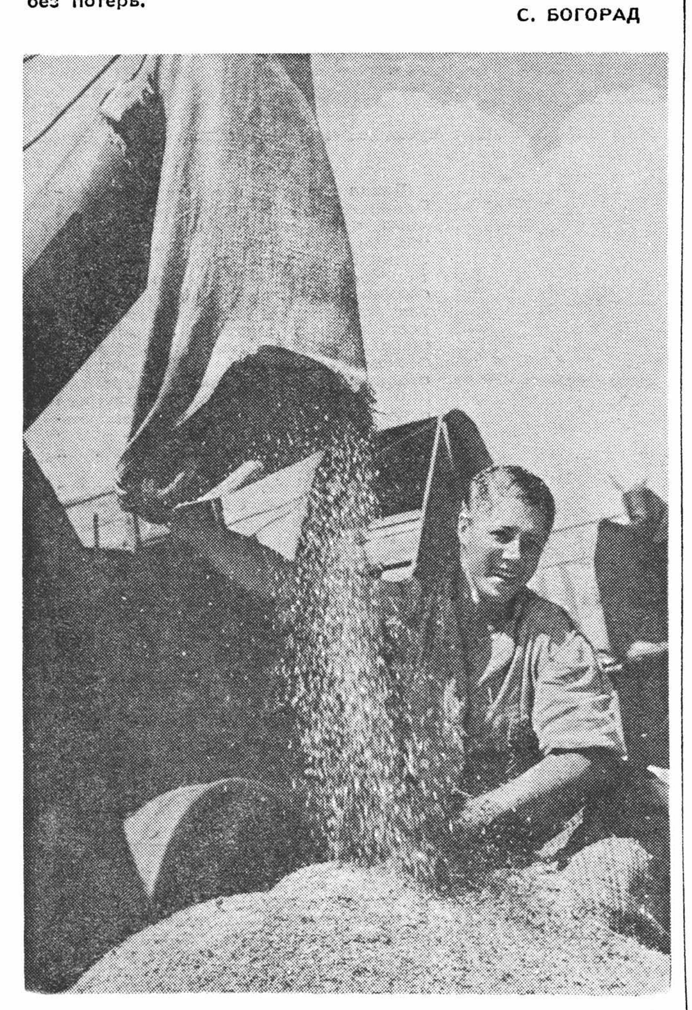
МОСКВА. Как работают люди других профессий?

МИНЕРАЛЬНЫЕ ВОДЫ. Паровозники и движенцы борются за скоростное продвижение поездов с хлебом. Недавно бригада машиниста Минераловодского депо тов. Ленивого провела к пункту назначения зерновой маршрут, загруженный на 300 тонн более нормы, на двадцать минут раньше срока.

Многие железнодорожники во внеурочное время помогают ремонтировать вагоны, предназначенные для перевозки хлеба. За два с половиной месяца на станции Минеральные Воды проводники, работники вагонного участка и депо отремонтировали 200 вагонов.

Коллектив отделения обязался доставить хлеб в срок и без потерь.

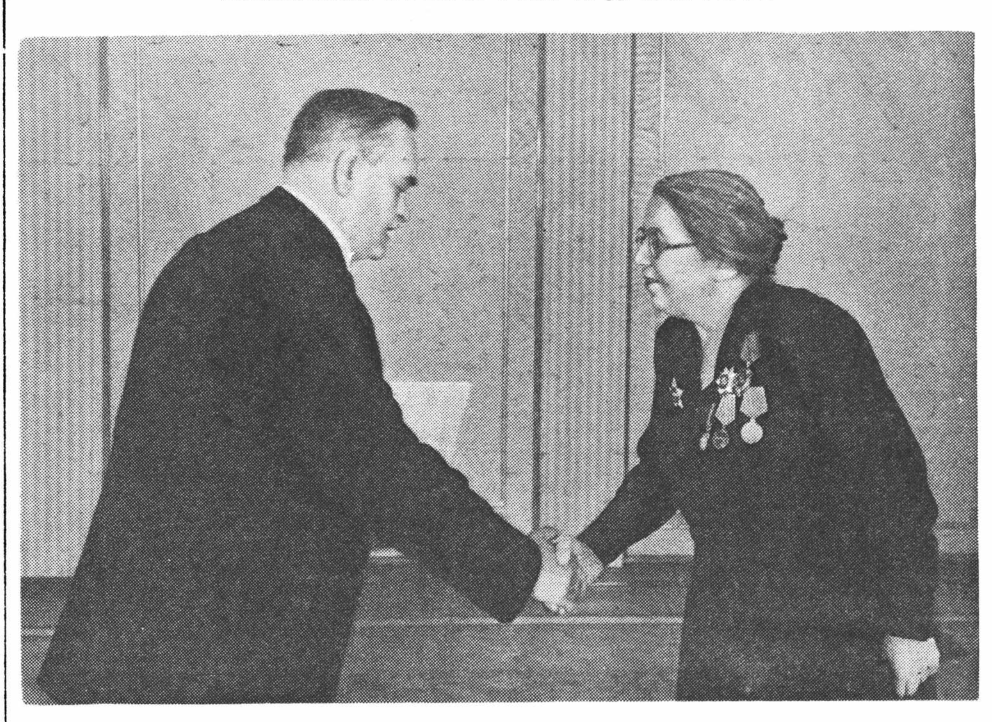
С. БОГОРАД

Елена Олексеенко, обслуживающая комбайн лучшего в Лозовской МТС (Кировоградская область) комбайнера Феофана Басистого, регулирует подачу зерна из бункера в бестарку.

Фото П. Бернштейна (ТАСС)

ВРУЧЕНИЕ ВЕРИТЕЛЬНЫХ ГРАМОТ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР Н. М. ШВЕРНИКУ БОЛГАРСКИМ ПОСЛОМ г-жой С. Д. БЛАГОЕВОЙ

28 июля в Кремле Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Шверник принял Чрезвычайного и Полномочного Посла Народной Республики Болгарии в СССР г-жу С. Д. Благоеву, вручившую свои верительные грамоты. На снимке: Н. М. Шверник и г-жа С. Д. Благоева.

Фото Дм. Бальтерманца

МАСТЕРА ЧЕТЫРЕХ РЕСПУБЛИК

Узбекистан, Казахстан, Киргизия и Туркмения прислали на выставку в Москву работы своих лучших мастеров изобразительного искусства. Более 150 произведений живописи, скульптуры и графики собрано в залах Союза советских художников СССР.

Выставка радует тематическим разнообразием. Пытливый взгляд художников братских национальных республик умеет подметить в жизни новое и значительное, достойное быть темой большого произведения. Душевная красота советского человека, его созидательный вдохновенный труд — таковы сюжеты большинства экспонированных работ.

Абдулхак Абдуллаев, молодой узбекский живописец,— яркий и своеобразный портретист реалистического толка. Удачен его портрет Героя Социалистического Труда Н. Ниязова. Автор создал волнующий образ славного труженика. Полна лирической прелести картина народного художника Узбекской ССР У. Тансыкбаева «Обеденный перерыв в колхозе». О возвращении на родину воина-победителя рассказывает полотно «Встреча героя» Л. Абдуллаева.

«Обязательство выполним!» — так называется картина Н. Кашиной. В колхозе, собравшись возле статуи И. В. Сталина, знатные хлопкоробы дают слово выполнить свои обязательства, взятые в письме к великому вождю советского народа.

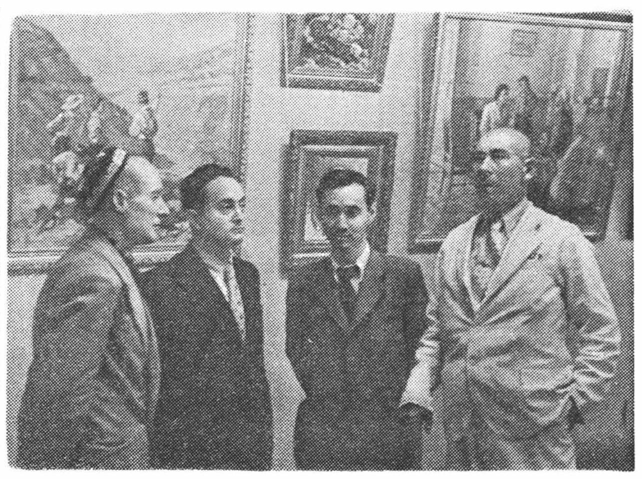
Образу Владимира Ильича Ленина посвящает картину «В. И. Ленин в сибирской ссылке» народный художник Узбекистана В. Уфимцев.

Народный художник Казахской ССР А. Кастеев представил на выставку картину «В гостях у героя» и цикл акварелей на колхозную тему. Мастерски владея трудным материалом, автор любовно доносит до зрителя пленительную красоту казахского колхозного пейзажа.

Интересны графические работы киргизской художницы Л. Ильиной. Хочется выделить ее гравюры на дереве на темы киргизского народного героического эпоса «Манас».

Молодой туркменский живописец Я. Анануров, помимо уже известной москвичам картины «Бибиджан», выставил интересный портрет Героя Социалистического Труда Аттакаррыева. Один из самых молодых участников выставки 22-летний Н. Ходжа Мухамедов, показал пейзаж «Окрестности Багира».

Выставка пользуется заслуженным интересом у московского зрителя.

В залах выставки. Художник А. Николаев (Усто-Мумин), (Узбекская ССР), народный художник Узбекистана И. Икрамов, художник К. Ходжиков (Казахская ССР) и народный художник Туркменской ССР Нурали Бешим.

Фото А. Гостева

Столетие открытия Г. И. Невельского

Исполнилось 100 лет со дня открытия, совершенного русским военным моряком Г. И. Невельским на Дальнем Востоке.

Плавая на транспорте «Байкал» вдоль южного побережья Охотского моря, Г. И. Невельский 3 августа 1849 года первый из европейцев установил, что Сахалин является островом, а не полуостровом, как предполагалось раньше. Невельский исследовал также Амурский лиман и опроверг существовавшее представление о том, что вход в реку для морских судов невозможен. В 1851 году им было основано в устье Амура зимовье, ставшее впоследствии морским портом Николаевск на Амуре. В 1852 году Невельский объявил о присоединении Сахалина к России.

Работы выдающегося русского мореплавателя Геннадия Ивановича Невельского явились ценнейшим вкладом в мировую географическую науку, содействовали упрочению влияния России на Дальнем Востоке.

Праздник возрождения

Делегация архитекторов и градостроителей.

Народная демонстрация проходит над тоннелем.

Возложение венков у памятника бойцам Советской Армии-освободительницы.

Пятая годовщина возрождения Польши совпала со знаменательным днем в жизни польской столицы Варшавы — открытием вновь проложенной трассы Восток — Запад, пересекающей Варшаву и ее завислянский пригород Прагу. Строительство трассы было делом чести всего польского народа, возрождающего свою дотла разрушенную немецко-фашистскими оккупантами столицу. И на праздник Возрождения Польши, на торжественное открытие трассы собрались не только варшавяне, но и гости — участники всенародной стройки из всех воеводств Польши.

Днем 22 июля по новой улице мимо возведенных над вчерашними руинами домов, по новому красивому мосту через Вислу, сквозь вновь пробитый тоннель на варшавском берегу реки двинулась могучая народная демонстрация, которую с трибуны приветствовали президент республики Болеслав Берут, правительство. Яркое, незабываемое зрелище представляла эта демонстрация. Мимо трибуны маршировали колонны варшавян, гости из воеводств, одетые в яркие национальные костюмы, представители армии, представители польской молодежи, колонны славных героев возрождения Варшавы — ее строителей, молодых и старых, мужчин и женщин, чьему трудовому героизму обязана польская столица своим поистине сказочным возрождением.

Нескончаемо звучали над колоннами приветственные возгласы в честь президента республики, в честь народного правительства, в честь героев возрождения Варшавы. С огромным вниманием была выслушана речь маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского, приветствовавшего польский народ от имени советского правительства и советских Вооруженных Сил. Неумолкаемыми возгласами приветствий в честь великого друга поль-

Польши

ского народа Генералиссимуса И. В. Сталина, в честь Советской Армии, которая бок о бок с Войском Польским сражалась за освобождение и возрождение Польши, откликнулись демонстранты на речь тов. Рокоссовского.

Под знаком воли к мирному созидательному труду, строительству социализма, воли к борьбе за мир между народами прошла эта демонстрация, продолжавшаяся несколько часов. По окончании ее, до глубокой ночи, продолжались народные гуляния в городе и на вновь открытой трассе, происходили открытия восстановленных памятников, была открыта выставка возрождения Варшавы — строительства трассы Восток — Запад, а также выставка достижений польской литературы.

На другой день в огромном зале возрожденного Варшавского политехникума состоялся Всепольский конгресс восстановления Варшавы. Две тысячи делегатов со всех концов Польши продемонстрировали на этом конгрессе свою твердую волю к выполнению всех огромных работ по шестилетнему плану возрождения столицы. Конгресс, на котором присутствовали президент республики, премьер-министр и члены кабинета министров, маршал сейма, а также гости из ряда стран, явился новым доказательством огромной творческой силы нового общественного строя, избранного польским народом. И почти во всех речах делегатов конгресса прозвучали слова благодарности Советскому Союзу за братскую поддержку польской демократии. Появление в зале заседаний делегации советских писателей и журналистов было встречено бурной овацией в честь народов Советского Союза.

Ал. СУРКОВ

На заседании Всепольского конгресса восстановления Варшавы.

Праздник Возрождения. Шествие одной из колонн строителей.

ВСЯ СТРАНА ОТМЕТИЛА ДЕНЬ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКА

Как большой всенародный праздник отметила вся наша страна Всесоюзный День железнодорожника.

В Москве состоялось торжественное заседание Моссовета и МГК ВКП(б) совместно с представителями партийных, советских и профсоюзных организаций. В зале Центрального Дома культуры железнодорожников собрались железнодорожники Московского узла, многочисленные гости — знатные люди транспорта, приехавшие на праздник в столицу с разных дорог страны.

Под бурные, долго не смолкающие аплодисменты в почетный президиум избирается Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с товарищем Сталиным.

Доклад о Сталинском Дне железнодорожника сделал министр путей сообщения СССР тов. Б. П. Бещев.

В послевоенные годы железнодорожный транспорт СССР добился больших успехов. Он уверенно и неуклонно идет вперед. Еще в прошлом году железные дороги превысили довоенный уровень грузооборота. В нынешнем году они из месяца в месяц перевыполняют план перевозок. Растет техническая вооруженность транспорта. Это достигнуто благодаря тому, что партия, правительство и лично товарищ Сталин повседневно заботятся о развитии железнодорожного транспорта, оказывают ему огромную помощь.

Тов. Бещев отмечает самоотверженный труд и творческую инициативу московских железнодорожников.

Железные дороги еще не полностью используют свои внутренние резервы. Сейчас главные задачи железнодорожников — улучшить качественные показатели, повысить культуру работы, добиться слаженности всех звеньев транспорта и строгого соблюдения графика движения поездов, образцово подготовиться к зиме.

С огромным подъемом, под бурные овации всего зала собравшиеся приняли приветствие товарищу И. В. Сталину.

Торжественные собрания, посвященные традиционному празднику железнодорожников, состоялись также в Ленинграде, Киеве, Таллине и других городах Советской страны.

День железнодорожника был отмечен на предприятиях железнодорожного транспорта, в клубах, во дворцах культуры. На Октябрьской и Ленинградской дорогах свыше 5 тысяч стахановцев встретили праздник выполнением 4, 5 и более годовых заданий.

ПАМЯТИ ШАНДОРА ПЕТЕФИ

В пышных белых цветах утопает портрет Шандора Петефи на сцене Большого зала Московской консерватории, украшенного национальными флагами СССР и Венгерской республики. В этом зале трудящиеся Москвы отметили 30 июля 100-летие со дня смерти великого венгерского поэта-революционера.

О жизненном подвиге Петефи, борца за народное счастье, говорил в своем докладе заместитель генерального секретаря Союза советских писателей СССР поэт Николай Тихонов. Он напомнил, что в архиве Меттерниха был обнаружен список главных врагов Австрийской империи. Первым в этом списке стояло имя Карла Маркса, третьим — Шандора Петефи. Имя великого венгерского поэта навечно вошло в золотую книгу достижений прогрессивной мировой литературы. «...Я буду иметь решающий голос»,— писал он, думая о будущем. И сегодня в полный голос звучат революционные стихи Петефи, в которых бьется его горячее сердце.

Шандор Петефи боролся за счастливую жизнь своего народа, за свободную Венгрию. Его вольнолюбивые мечты осуществились в сегодняшней Венгрии, которая при помощи Советского Союза стала свободной, демократической республикой. Об этом говорил Чрезвычайный и Полномочный посол Венгерской Республики в СССР г-н Э. Мольнар.

С чтением стихов Петефи выступили поэты Н. Тихонов, С. Маршак, А. Гидаш, В. Левик, Н. Чуковский, мастер художественного слова Вс. Аксенов.

Н. С. Тихонов выступает с докладом.

Фото В. Евграфова

В концерте приняли участие ведущие мастера искусства Москвы. Особый интерес слушателей вызвало исполнение романсов советских композиторов на слова венгерского поэта.

Вечер в Московской консерватории состоялся одновременно с торжественным заседанием в Будапеште. Советский и венгерский народы чествовали память Шандора Петефи, подчеркивая свою крепкую дружбу. В то время как в Москве стихи Петефи звучали и на венгерском и на русском языках, в Будапеште поэт Степан Щипачев вручал участникам торжеств книги Петефи, вышедшие в Советском Союзе не только на русском, но и на украинском и грузинском языках. Всему советскому народу дорог великий сын венгерского народа.

Заседание Всесоюзного совета ДОСАВ

В Москве состоялось заседание Всесоюзного совета добровольного общества содействия авиации — ДОСАВ.

Созданное год назад, это массовое добровольное общество объединяет сотни тысяч трудящихся, интересующихся воздушным спортом. В аэроклубах ДОСАВ рабочая и колхозная молодежь, советское студенчество овладевают летным искусством, учатся управлять планерами, прыгать с парашютом. В авиамодельных кружках занимаются сотни тысяч пионеров и школьников — конструкторов и строителей «малой авиации».

ДОСАВ ведет большую работу по пропаганде авиационно-технических знаний.

Всесоюзный совет ДОСАВ утвердил Устав, эмблему и флаг общества. Был избран исполнительный орган Совета — Центральный комитет ДОСАВ — во главе с председателем Героем Советского Союза Н. П. Каманиным.

К ЭТОМУ НОМЕРУ ПРИЛАГАЕТСЯ МНОГОКРАСОЧНАЯ ВКЛАДКА — РЕПРОДУКЦИЯ КАРТИНЫ И. Е. РЕПИНА «БУРЛАКИ НА ВОЛГЕ».

На концерте польских артистов в Большом зале консерватории в ознаменование пятой годовщины возрождения Польши. В концерте приняли участие русские и польские артисты. Слева направо: профессор Высшей музыкальной школы в Кракове Я. Гоффман, заслуженный артист РСФСР С. Кнушевицкий, В. Вайнбаум, солист Силезской оперы в Катовицах Б. Папроцкий, народная артистка РСФСР Н. Шпиллер, профессор Варшавской консерватории Г. Бацевич, солист Познаньской оперы Е. Адамчевский, народная артистка РСФСР Н. Казанцева, солистка Польского радио М. Древняк, профессора Высшей музыкальной школы в Лодзи В. Рачковский и К. Бацевич.

Фото А. Гостева

ГАСТРОЛИ ПОЛЬСКИХ АРТИСТОВ

Представители культуры и искусства стран народной демократии стали частыми гостями в нашей стране. Приехавшие недавно в Москву польские музыканты выступали с концертами в Большом зале консерватории, в концертном зале сада «Эрмитаж», во Дворце культуры автозавода имени Сталина. По окончании гастролей в Москве польские артисты дали ряд концертов в столице УССР — Киеве.

Высокий уровень художественной культуры и профессионального мастерства, большая эмоциональная сила отличают выступления польских музыкантов.

Пианист Станислав Шпинальский, профессор Познаньской консерватории, исполняя 2-й концерт Шопена, показал безупречную технику и тонкую нюансировку. Строго и сдержанно играет пианист поэтические эпизоды первой части концерта. Вместе с тем он подчеркивает эмоциональную яркость драматических образов этого произведения. Мазурку и фантазию Шопена С. Шпинальский исполнил изящно, легко.

Ян Гоффман, профессор Высшей музыкальной школы в Кракове, обладатель мягкого, певучего звука, с большой тонкостью и одухотворенностью сыграл мазурку и полонез Шопена. Выразительно прозвучали и польские народные песни молодого композитора Витольд-Лютославского.

С большим вниманием отнеслись любители музыки к Гражине Бацевич, выступившей как скрипачка и композитор. Гражина Бацевич, профессор Варшавской консерватории, обладает виртуозной техникой. Тепло встретила публика исполненные ею собственного сочинения польские танцы для скрипки.

Хорошие голосовые данные и большую музыкальность показали польские певцы: солист Познаньской оперы Ежи Адамчевский, солистка Польского радио Мария Древняк и солист Силезской оперы в Катовицах Богдан Папроцкий.

Ежи Адамчевский обладает сильным, мягким баритоном. Артист свободно берет высокие ноты, отлично владеет дыханием, поет с большой выразительностью.

Мария Древняк — хорошая камерная певица. Она глубоко проникает в авторский замысел произведения. Звонкий голос певицы, чистоту ее интонации, яркую выразительность пения особенно оценили слушатели, прослушав в ее исполнении романс Рахманинова «Весенние воды».

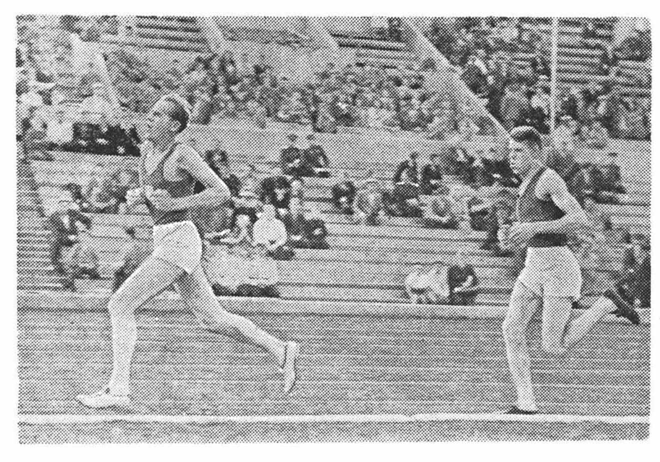
Богдан Папроцкий — представитель польской вокальной молодежи. У него звучный лирико-драматический тенор, очень насыщенный по тембру. Наиболее удались певцу арии из оперы «Янек» Желеньского и особенно арии Ионтека из оперы «Галька» Монюшко.

Говоря о польских артистах, нельзя не назвать профессоров Высшей музыкальной школы в Лодзи Кейстута Бацевича и Владислава Рачковского. Они выступали на концертах в качестве аккомпаниаторов. Однако эти артисты по праву должны разделить тот успех, которым сопровождалось каждое выступление польских музыкантов.

Гастроли польских артистов в Москве и Киеве — свидетельство высокого культурного уровня новой, демократической Польши. Нет сомнения в том, что на путях к реалистическому творчеству и исполнительскому мастерству польские музыканты добьются еще больших успехов.

Ю. КОРЕВ

БЕГ ЭМИЛЯ ЗАТОПЕКА

Эмиль Затопек — чемпион и рекордсмен мира в беге на 10 тысяч метров — выступил недавно на московском стадионе «Динамо».

На старт десятикилометровой дистанции, кроме Затопека, вышли: Владимир Казанцев, Никифор Попов, А. Тюленев и Я. Шаурек. Бегунам предстояло пройти 25 кругов.

Со старта и до конца соревнования лидером бега был Затопек. Он показал исключительное умение правильно распределять свои силы и хорошо выдерживал темп, взятый им в начале бега. Достаточно сказать, что первый круг (400 метров) он прошел за 73 секунды и вышел из этой «нормы» только на 15-м круге, который он пробежал на секунду тише.

С поразительной легкостью и красотой Затопек продолжал бег в хорошем темпе и в заключение показал бурный трехсотметровый финиш.

Дневник ОГОНЬКА

Победитель прошел свою коронную дистанцию за 30 минут 11,8 секунды и был награжден дружными аплодисментами зрителей.

Вторым был В. Казанцев, третьим — Н. Попов.

На снимке: Эмиль Затопек и Н. Попов на дистанции.

Фото Э. Гутгарца

СОРЕВНОВАНИЯ ПО КОННОМУ СПОРТУ

Закончилось первенство Москвы по конному спорту. В соревнованиях участвовали сильнейшие клубы столицы: «Пищевик», «Спартак», ВВС и клуб Высшей кавалерийской офицерской школы. Все они имеют прекрасных всадников, которые показали мастерство верховой езды.

Соревнование происходило в манеже, в условиях пробега, кросса и в конкур-иппике (скачка с препятствиями).

В конкур-иппике высшего класса большого успеха добился спортсмен общества «Пищевик» А. Туманов. На коне «Миф» он прошел скачку с минимальным количеством потерянных очков и занял первое место. Вторым был также представитель «Пищевика» — Лилов.

У женщин лучшие результаты показала Мерперт.

В соревновании спортсменов второго и третьего разрядов победительницей вышла молодая всадница общества «Пищевик» Куликовская, которая отлично провела скачку с препятствиями, не получив ни одного штрафного очка.

Победитель соревнования в конкур-иппике А. Туманов на коне «Миф» берет высокий барьер.

Фото В. Бондаревской

КОРОТКО

СЕМИДЕСЯТИПЯТИЛЕТИЕ со дня рождения замечательного русского ученого-химика Сергея Васильевича Лебедева отметила научная общественность Ленинграда. Имя академика С. В. Лебедева неразрывно связано с одним из величайших достижений современной науки: он является основоположником промышленного метода получения синтетического каучука. В 1932 году в СССР были пущены первые в мире крупные заводы по получению искусственного каучука, работающие по методу С. В. Лебедева.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ А. Н. Радищева заканчивает изданием Институт русской литературы Академии наук СССР. Еще до войны вышли первые два тома этого академического издания произведений великого русского писателя-революционера и философа. Сейчас подготовлен третий, заключительный том. В него включаются главным образом неизвестные работы А. Н. Радищева, разысканные в последнее время в архивах и книгохранилищах. Литературный музей Пушкинского дома в Ленинграде открывает юбилейную выставку к 200-летию со дня рождения писателя.

ПЕРВЫЙ ВЫПУСК специалистов состоялся во Львовском лесотехническом институте. 22 выпускника получили звание инженера лесной промышленности, дипломные работы 15 из них удостоены отличной оценки.

(Из блокнота корреспондента)

О. ОРЕСТОВ

Мне доводилось не раз наблюдать на главной улице Калькутты такую сценку. Утром на тротуаре появлялся нищий старик, одетый в фантастическое тряпье, невиданное даже в Индии. Руки и ноги старика украшали многочисленные браслеты, в носу и ушах висели кольца. Это было в дни войны, когда Калькутта была наводнена американскими войсками, привезенными якобы для того, чтобы защитить Индию от японского нашествия. Американские солдаты и офицеры выстраивались в очередь около старика, фотографируя экзотического шарлатана. Некоторые из этих военных опубликовали затем в США свои впечатления об Индии...

Книги, изготовленные по таким рецептам, писались об этой стране много десятилетий подряд. Индию всегда старались подать читателю лишь как заповедник экзотики и дешевой романтики. Заклинатель змей, играющий на флейте перед очарованной коброй, у которой, отметим, предварительно выдергивают ядовитые зубы; раджа на слоне; тощий факир, лежащий на острых гвоздях,— таков несложный ассортимент «чудес», из которых стряпались бесчисленные мемуары, путевые заметки и романы об Индии.

Эти лубочные россказни, естественно, вызывали только раздражение и возмущение культурных индийцев. Но такого рода литература была нужна западным колонизаторам, чтобы скрыть от читателей правду об Индии.

К счастью, басни об индийских «чудесах» все меньше удовлетворяют мыслящих людей даже в капиталистическом мире. Что же касается советского читателя, то он всегда стремился составить себе правдивое представление об Индии.

Во власти кастовых предрассудков

Кастовая система с рождения обрекает индуса на жизнь внутри тесного, ограниченного круга людей. Когда-то, в древности, принадлежность к касте определялась профессией. Были касты браминов — жрецов, кшатриев — воинов, вайшья — купцов, судра — земледельцев. Все, не входившие в эти четыре касты, считались «неприкасаемыми», были обречены на вечное прозябание в качестве людей вне общества.

И теперь, в двадцатом веке, кастовая система поколеблена в очень небольшой степени. Даже в городах ее власть еще очень крепка. Очень сильны кастовые предрассудки в вопросах брака. Каждая из четырех основных каст делится на десятки подкаст, те в свою очередь — на еще более мелкие группы. Член одной подкасты не может отдать дочь замуж за юношу из другой подкасты. Юноша-брамин, женившийся на девушке из другой касты, перестает быть брамином, и его родные не будут есть с ним за одним столом.

В деревнях брамины и старейшины бдительно следят за соблюдением всех кастовых ограничений. Сотни книг посвятили индийские писатели несчастной любви двух молодых людей, которые не могут соединиться из-за кастового различия.

Как-то раз ко мне в гости пришел один из моих знакомых прогрессивных индусов с женой и матерью. Старуха охотно откликнулась на приглашение, принимала оживленное участие в беседе, но со смущенной улыбкой отказалась от всякого угощения, ссылаясь на отсутствие аппетита. Когда же я спросил своего знакомого, почему его мать ничего не ест, он откровенно ответил:

— Вы должны простить ее, но мать не ест ничего, приготовленного руками не брамина...

Укрыться от кастового гнета немыслимо. В селах браминам известна родословная каждого крестьянина. В городах принадлежность к касте можно большей частью определить по фамилии.

Если кастовые перегородки сковывают общественную жизнь принадлежащих к ним людей, то они являются кошмаром для тех, кто стоит ниже всяких каст, для «неприкасаемых», число которых определяется в 50—70 миллионов человек. Эти люди лишены всех человеческих прав. Они живут за пределами не только городов, но и деревень, в отдельных, грязных поселках, не могут пользоваться общими дорогами и колодцами. Женщины «неприкасаемых» не имеют права делать прически или носить украшения. Нередки случаи, когда «неприкасаемую» девушку избивают за то, что та надела браслет или серьги — обычное украшение в Индии.

Одному из «неприкасаемых» удалось с помощью богатых покровителей выбраться на широкую дорогу. Он получил в Англии высшее образование и при поддержке англичан занял государственный пост в Индии. К нему на поклон из его родного города приезжали в Дели купцы, чиновники, промышленники, ждали у него аудиенции и заискивали перед ним, выпрашивая ту или иную льготу. Но вот однажды он посетил свой родной город. Несмотря на его высокое положение, все двери были для него закрыты. Те же люди, что искали в Дели его покровительства, отказывались пустить его к себе в дом. Они смущенно объясняли:

— Там нас никто не видел, но здесь мы должны считаться с общественным мнением. Если мы будем сидеть с вами за одним столом, мы подвергнемся бойкоту нашей касты, лишимся уважения, а заодно и... кредита.

Партия индусской реакции

В верхах государственного аппарата Индии есть люди, отстаивающие кастовую систему и создающие специальные партии и организации для охраны ортодоксального индуизма от «новшеств».

Одной из таких партий является партия Хинду Махасабха, получившая широкую известность после организованного ею убийства Ганди. Эта партия имеет полувоенные отряды, носящие название «Раштрия Севак Сангха».

Партия Хинду Махасабха была создана индусской буржуазией прежде всего для борьбы с сепаратистскими тенденциями мусульман. Она выдвинула лозунг: «Акханд Хиндустан» — «Неделимая Индия». Один из съездов Махасабха происходил в Дели. Большой «пандал» — шатер, в котором в Индии обычно проводят съезды и конференции,— был украшен оранжевыми флагами и плакатами (оранжевый или, точнее, шафранный цвет — священный цвет индусов). На флагах — изображение карты Индии и непременный знак свастики. Надо сказать, что свастика — древний индийский знак, встречающийся на всех старых памятниках. Однако за последнее время реакционные организации Индии с подозрительной демонстративностью популяризируют этот «святой символ»,— повидимому, совсем не в честь древней Индии...

Съезд проходил под лозунгом безжалостной борьбы против мусульман. После каждых двух—трех ораторов выступали поэты, стихами разжигавшие страсти делегатов. А во главе собрания на высоком троне под опахалом восседал древний старец — святой брамин в оранжевой мантии, привезенной откуда-то из глубины Индии...

Махасабха усиленно вовлекала в свои ряды индусских фанатиков, разжигая в них ненависть к мусульманам. В противовес всему мусульманскому воспевалось величие Древней Индии и прежде всего кастовая система и религия индуизма. Одновременно на деньги индусских капиталистов отряды «Раштрия Севак Сангха» проходили военную тренировку. По утрам за городом можно было видеть группы молодых парней в трусиках цвета хаки, белых рубашках и черных шапочках, упражнявшихся с палками и маршировавших в строю.

Однако Махасабха направляет свои удары не только против мусульман. С благословения англичан она постепенно превращается в оплот всей реакции в Индии и в орудие борьбы против прогрессивных демократических элементов. Из числа головорезов «Раштрия Севак Сангха» готовились террористические группы, находившиеся на службе у индийской буржуазии и английской разведки.

«Под зеленым знаменем пророка»

Недалеко ушло в прошлое то время, когда Индией правили могучие мусульманские властители — Великие Моголы. Еще сейчас в Дели сохранилась как музей громадная крепость «Красный форт», где жили последние мусульманские императоры Индии. Здесь они отдыхали, блаженствовали в садах гаремов и в те времена, когда их империя уже трещала по всем швам под напором европейских колонизаторов.

Мне приходилось бродить по паркам Великих Моголов на крайнем севере Индии, в пригородах Сринагара, столицы Кашмира. Покрытые пестрым ковром цветов террасы парков Нишат и Шалимар спускаются к тихим кашмирским озерам. По мраморному ложу с верхней террасы к озеру бегут каскады прозрачной воды. Над потоком возвышаются беседки.

Неподалеку от Дели, в городе Агра, находится самый величественный памятник эпохи Великих Моголов — Тадж Махал — мавзолей императрицы Нур Джехан. Посмотреть это сказочное здание, как бы сотканное из белого мраморного кружева, приезжают люди со все-

Правительственное здание в Дели.

Картина голода в Бенгалии 1943 года (зарисовки из альбома «Голодающая Бенгалия» индийского художника Шиттапросада).

го света. Неслучайно Тадж Махал считался одним из «семи чудес мира».

Феодальная империя Великих Моголов рухнула, как карточный домик. Стремясь сломить власть мусульманских феодалов, завоеватели-англичане заигрывали с индусами, подкупали их высшие классы, вербуя из их среды послушную местную бюрократию. Разорявшаяся мусульманская знать попадала в сети индусов-ростовщиков, отступала в жизни Индии на задний план. Империалистическая политика англичан уже тогда создавала пропасть, рознь, вражду между двумя религиозными общинами.

Мусульмане отстали от индусов и в области экономики. В промышленности господствовала индусская буржуазия, во внешней торговле участвовали главным образом индусские фирмы. Верхушка мусульманской общины продолжала сидеть на земле, владея поместьями, как и во времена Моголов.

Английские правители умело использовали недовольство мусульманских имущих классов создавшимся положением. При открытой поддержке англичан была организована Мусульманская Лига, которая повела агитацию за создание независимого государства — Пакистана — «страны чистых».

В основу проекта была положена идея раздела страны по религиозному признаку, хотя мусульмане разбросаны почти по всей Индии и давно уже считают себя коренными жителями всей огромной страны.

Идея Пакистана была наруку англичанам, так как ее осуществление должно было расколоть единый фронт национально-освободительной борьбы индийского народа. Лидеры Мусульманской Лиги беззастенчиво заявляли: «Мы не можем допустить, чтобы англичане ушли из Индии, оставив нас с глазу на глаз с тремястами миллионами индусов». Негласным лозунгом Лиги было: «Лучше англичане, чем индусы».

Как англичане «уходили» из Индии

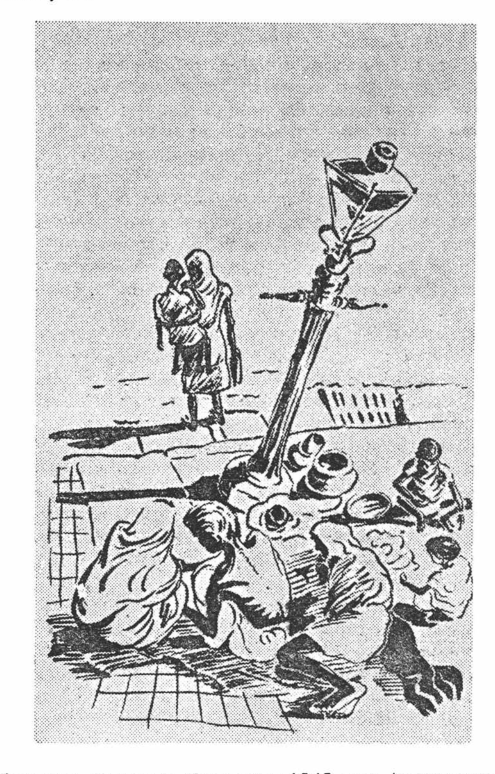
Летом и осенью 1947 года вся Северная Индия пылала огнем индусско-мусульманских столкновений. Это были плоды английской политики «разделяй и властвуй». Психоз раздела Индии, возбуждаемый английскими агентами через индусских шовинистов и мусульманских сепаратистов, вызвал невиданную по своим масштабам братоубийственную резню.

Мне пришлось видеть эти кровавые столкновения в Дели, где большинство составляют индусы и страдающей стороной являлись мусульмане. Уже за две—три недели до резни по городу ходили зловещие слухи. Приводились нарочито раздутые астрономические цифры убитых где-то в Бенгалии и Пенджабе индусов, рассказывалось о зверствах и жестокостях мусульман и т. п. На улицах индусов останавливали члены Махасабха и говорили:

— Оставите ли вы неотомщенными наших братьев в Бенгалии и Пенджабе? Надо выгнать всех мусульман из Дели, пусть убираются в свой Пакистан. Подождите, скоро мы и здесь до них доберемся!

Еще через несколько дней был пущен слух, что какие-то мусульмане похитили у индуса корову (священное животное индусов) и зарезали ее. Повсюду собирались возбужденные группы индусов; в домах чистили старые ружья, готовили колья и ножи; в магазинах раскупали револьверы и патроны.

И вот как-то ночью город проснулся от громких криков. Выйдя во двор, я увидел зарево пожаров.

Картина голода в Бенгалии 1943 года (зарисовки из альбома «Голодающая Бенгалия» индийского художника Шиттапросада).

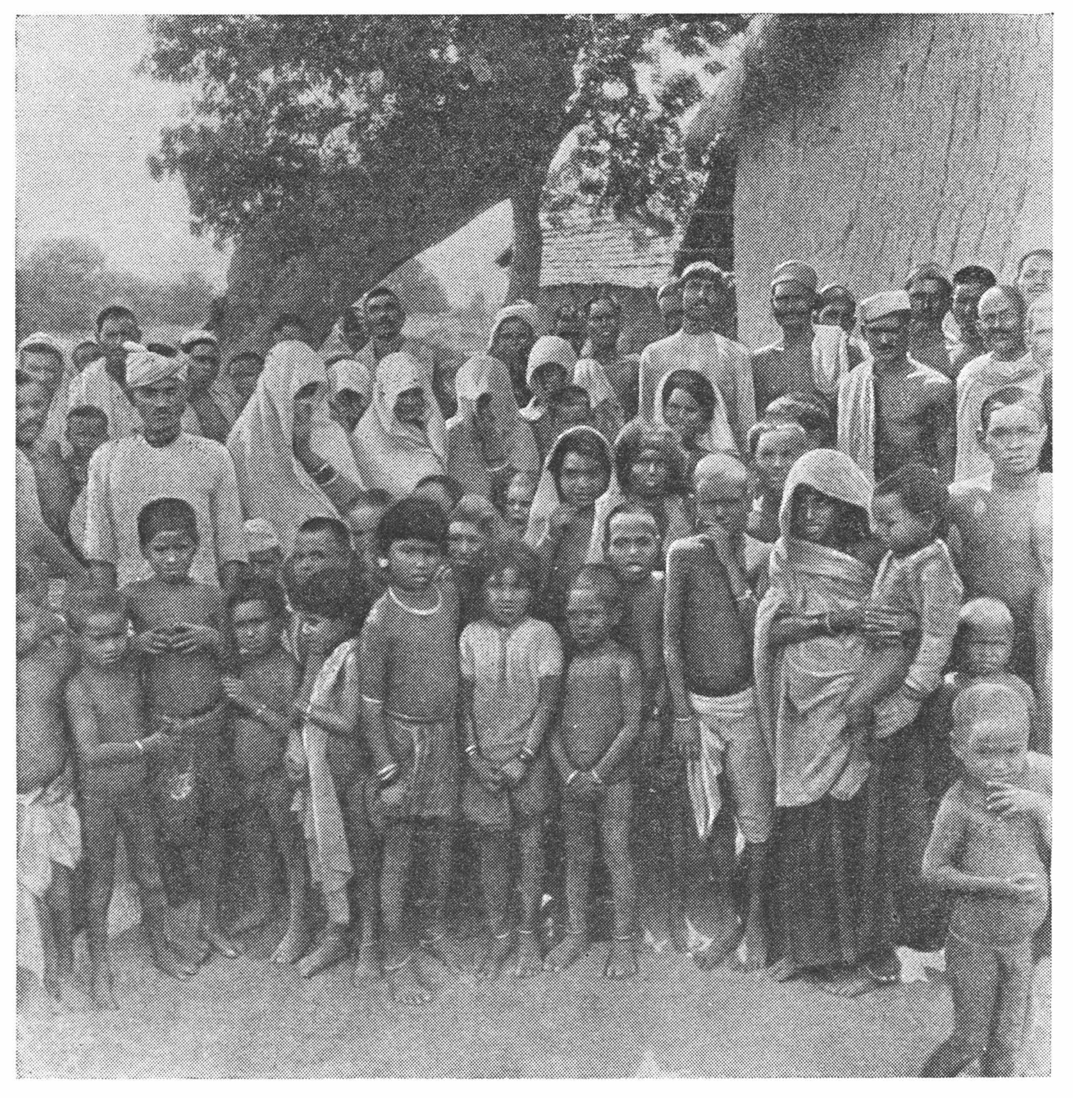
Наутро в городе начались грабежи: я стоял у ворот и видел, как индусы, мои соседи, врывались в дома мусульман, тащили все, что можно было унести, и поджигали здания. Вот бежит индус, хозяин соседней лавки; он только что ограбил дом портного-мусульманина, у которого он всю жизнь в долг шил одежду и с которым не раз сиживал за чашкой чая в чайхане. Пробегая мимо меня, он кричит: «Вот мы их как!»

На улице показался дряхлый старик-рыбак, который много лет носил рыбу с берегов Джамны всем индусам нашего квартала. Пришел он, на свою беду, и в этот день. «Мусульманин!» — раздались крики, и десяток индусов с ножами в руках бросился к старику. Через несколько минут они облили труп рыбака керосином и сожгли его в канаве.

Грабежи и убийства продолжались до вечера. Полицейский участок помещался в соседнем квартале. Там, конечно, слышали вопли, видели пожары, но ни один полицейский не показался на улице. Только вечером, когда грабившие и убивавшие разошлись, появился патруль полиции. Он прошел по кварталу, «не обнаружил» беспорядков и удалился...

Нападения на мусульман в Дели носили характер явно организованной провокации. У членов организации, руководившей избиением, был даже отличительный знак — белая повязка на голове. Они ходили по домам и требовали от индусов денежных взносов на «отряды обороны» и участия в преследовании мусульман.

И все же случаи, когда индусы спасали мусульман, были весьма многочисленны. Особенно ярко солидарность проявлялась среди ра-

Жители деревни на севере Индии.

бочих. Так, в Калькутте трамвайщики, запершись в депо, в течение двух дней выдерживали осаду индусских шовинистов и не выдали ни одного рабочего-мусульманина.

Такая обстановка вызвала повальное бегство мусульман из Дели. Ежедневно толпы мужчин, женщин, детей, калек и дряхлых старцев, нагруженных скарбом, покинув веками насиженные места, двигались за город, в... Пакистан, где их ждали новые страдания. Дорога через Пенджаб была усеяна трупами индусов, шедших на восток, и мусульман, двигавшихся на запад. И все же миллионы людей шли в обе стороны, подвергаясь нападениям, умирая от голода и разразившихся эпидемий.

Так, на крови и пепелищах рождалась расчлененная надвое Индия — детище коварного плана британского империализма. Создание двух государств, разумеется, не удовлетворило никого: ни трудящихся мусульман, ни трудящихся индусов; оно принесло не облегчение, а лишь дополнительные мучения народу Индии. Довольны были только авторы плана раздела — англичане, которые достигли своей цели: они снова могли властвовать над разделенной и обескровленной страной.

Крупнейшая политическая партия Индии — Индийский национальный конгресс,— во главе которой стоял Ганди и стоят Неру, Петель и другие лидеры, до сих пор приписывает себе заслугу «ухода» англичан из страны. Лидеры конгресса утверждают, что «независимость Индии» достигнута в соответствии с программой конгресса — «мирными средствами, не прибегая к насилию». Приверженцы конгресса, однако, не возражали, когда под ударами ножей гибли тысячи мусульман; и они же, получив власть из рук англичан, нисколько не стеснялись применять насилие и бросать в тюрьмы тысячи прогрессивных деятелей.

Англичане никогда не боялись движения конгресса, в котором ведущую роль играют индийские капиталисты и либеральные адвокаты. Они заигрывали с местной буржуазией, входящей в конгресс, рассчитывая именно ей передать политическую власть в стране, чтобы эта власть не попала в руки представителей трудящихся.

Англичане всегда боялись другого: все усиливавшегося народного движения против их хозяйничанья в Индии.

Этой борьбой народных масс руководили и руководят компартия Индии, сотрудничающие с ней профсоюзы, организации крестьян, студентов. Поэтому, придя к власти путем сделки с Англией, лидеры конгресса прежде всего обрушили репрессии на головы коммунистов и демократов.

Когда англичане громогласно объявили, что последний отряд британских войск покинул Индию на пароходе, отплывшем из Бомбея, конгресс немедленно объявил Англию «самым верным другом» Индии. Как по мановению жезла, вся конгрессистская печать начала твердить о том, что «пора забыть старые обиды», что в общем-то «англичане сделали Индии много добра, принесли свою культуру», что надо «всемерно укреплять связи с Англией» и т. п. Предоставление Индии статуса доминиона характеризовалось как «благородный акт английского правительства».

Англичане «уходили» из Индии под звуки фанфар и льстивые речи конгрессистов. Они «уходили», сохранив английских генералов во главе индийской армии и множество английских агентов в государственном аппарате, полиции, разведке. На месте оставались и английские промышленники и плантаторы, которые спешно сливали свои капиталы с капиталами индийских магнатов, чтобы для надежности прикрыться их вывеской.

Дели

Дели, столица Индии, существует очень давно. На его окраинах сохранились развалины древнего города, носившего имя Индрапрашта. Столица состоит из двух частей. Старый Дели построен еще мусульманскими завоевателями, новый — совсем недавно английскими колонизаторами.

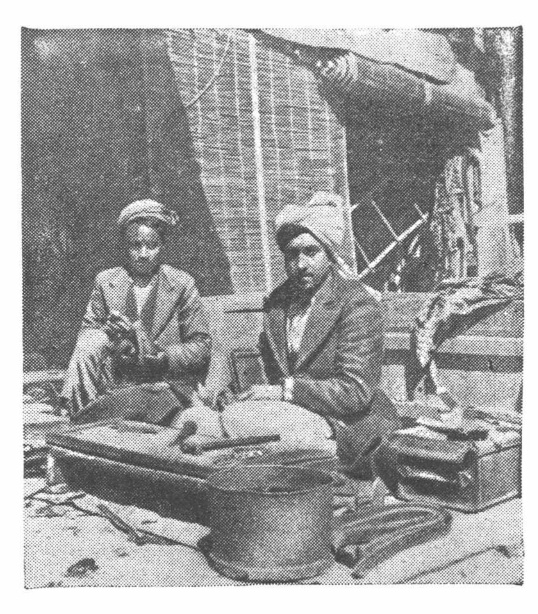
Новый Дели создавался по продуманному плану как город колониального чиновничества. От центра в разные стороны расходятся зеленые улицы, вдоль которых в садах стоят одноэтажные особняки — «бангалоу». В центре круглая площадь с огромными правительственными зданиями и магазинами. Если идти от этой площади по улицам, напоминающим аллеи сада, то не встретишь ни одной лавчонки, ни одного ресторана или киоска. На протяжении пяти—шести километров нельзя купить и коробки спичек.

В Новом Дели нет никакого коммунального транспорта. Кто недостаточно богат, чтобы иметь свою машину, пусть живет в Старом городе и не суется в вотчину белых сагибов! Тысячи служащих в правительственных учреждениях приезжают на велосипедах из Старого города.

Мне приходилось бывать и в «бангалоу» сагибов и в кирпичных казармах индийских мелких служащих. «В бангалоу» есть все: души, ванны, воздушное охлаждение в летние месяцы, прохладные гостиные, террасы, в садах — цветники и фонтаны. В казармах семья интеллигентного служащего из пяти—шести человек ютится в одной, редко двух комнатах с цементным полом. В жилище пара грубых топчанов, камышовая подстилка на полу, несколько сундуков. За дверьми вместо двора грязный закоулок.

Новый Дели отделяет от Старого древняя стена. В стене ниши, в нишах «квартиры». Своды ниш как-никак защищают от дождя. Можно поставить веревочную кровать и улечься на ней вместе с детьми. Здесь живет делийская беднота. За городом теснятся хибарки «неприкасаемых», жалкие, развалившиеся.

Если чопорный Новый Дели обычно малолюден и скучен, то Старый город бурлит и кишит людьми, как муравейник. Бесконечные ряды

Индийские ремесленники.

лавок, мастерских ремесленников, базары, харчевни и чайные. Улицы запружены народом так, что по ним невозможно проехать на велосипеде или на автомобиле.

Особенно шумным и оживленным становится Старый город в дни праздников.

«Девали» — праздник огней. На крышах и карнизах всех домов устанавливаются бесчисленные плошки с горящим маслом. Все запасаются ракетами, шутихами и бенгальскими огнями. Поздно вечером город озаряется иллюминацией и фейерверками.

«Холи» — праздник весны. В этот день разрешаются на улицах шуточные проделки. Излюбленная забава — обливать прохожих жидкими красками всех цветов. Выходя на улицу, индийцы одевают самые старые одежды, так как домой они неизбежно вернутся измазанными в красный, зеленый, фиолетовый цвета. Если вам выльют за ворот стакан воды, вымажут лицо краской или если вы упадете, зацепившись о веревку, незаметно протянутую через тротуар,— не обижайтесь. Сегодня праздник весны!..

Когда наступало лето — палящее, знойное,— начинался великий исход англичан из Дели. Правительство со всем скарбом переезжало в летнюю, горную резиденцию — Симлу. За английскими высокопоставленными чиновниками тянулась огромная армия клерков и слуг — индийцев. У белых сагибов в Симле были отели и свои особняки, но их не касалось, как устроятся индийцы, которым приходилось ютиться в бараках, лачугах, оплачивая в то же время из своего мизерного жалованья и квартиру в Дели.

(Окончание следует.)

БЫТ И НРАВЫ ЗА РУБЕЖОМ

ЛАКЕИ УОЛЛ-СТРИТА ВЫСЛУЖИВАЮТСЯ

В одной из самых дорогих гостиниц Нью-Йорка — отеле «Коммодор» — происходил банкет. Собравшиеся за богато сервированным столом реакционные профсоюзные деятели Луис Голландер, Томас Мэрфи и другие публично чествовали — кого? Может быть, какого-либо убеленного сединами рабочего, всю жизнь тянувшего лямку на заводе и боровшегося против своих эксплоататоров? Профсоюзного активиста, смело организующего рабочих, несмотря на жестокие преследования и полицейский террор? Нет, желтые лидеры чествовали... семью нефтяных магнатов Рокфеллеров. За столом, где вперемежку сидели профбюрократы и члены нефтяной династии, произносились хвалебные речи в честь людей, жестоко эксплоатирующих десятки и сотни тысяч американских и иностранных рабочих.

На этом завтраке, как сообщала газета «Нью-Йорк таймс», Луис Голландер провозгласил сыновей Джона Д. Рокфеллера «образцом того, чем должны быть сыновья богатого человека». Голландер хвалил нынешнее поколение Рокфеллеров за то, что они исходят из «философии», согласно которой они, Рокфеллеры, являются «скорее опекунами, нежели владельцами своих богатств»...

Так выглядел этот «идиллический» банкет, на котором профсоюзные приказчики американских финансовых магнатов старательно лизали сапоги своих хозяев.

СОБАКИ И ДЕТИ НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫ

«Разве грешно иметь детей?» — этот вопрос был задан на страницах одного из последних номеров американского журнала «Вуменсхоум компенион».

«Я никогда не представлял себе,— пишет автор статьи Говард Уитмэн,—насколько дети непопулярны в нашей стране, даже, если хотите, насколько их ненавидят, пока я не поездил по Америке в поисках жилища. У меня в ушах до сих пор звучат мрачные выкрики домохозяев: «Только взрослые! Собаки и дети нежелательны!»

Многие домовладельцы, как указывает Уитмэн, стараются избавиться от жильцов, у которых родились дети уже после того, как они сняли квартиру.

Ю. МИРСКАЯ

Из года в год американская издательская машина выбрасывает на книжный рынок США и усердно экспортирует в другие страны миллионы экземпляров так называемых «покетбуков». Это дешевые книги, карманного формата, в пестрых, многокрасочных обложках, с крикливыми, рекламными заглавиями. Многие из них поучают, «как приобрести друзей и стать влиятельным человеком» или «как познакомиться с мировой историей, не читая много книг». Но большое место отводится в «покетбуках» и «художественной» литературе, разумеется, в сугубо торгашеском понимании этого слова.

Американские бизнесмены объявляют все искусство прошлого «пресным и старомодным», а современную, прогрессивную литературу подвергают жестокой травле. Изгоняя свободную мысль и слово, американская реакция выдвигает своих собственных «поэтов» и «мыслителей» — поставщиков уголовщины и порнографии, — вроде Эрла Стенли Гарднера или Эллери Квина. В «светилах» такого сорта литературы, назначение которой не только оболванивать обывателя, но и раздувать военный психоз, числится и некий Дэймон Ренион, возведенный его почитателями в звание «современного О. Генри». Сочинения Рениона на все лады рекламируются прессой и непрерывно переиздаются в виде «покетбуков».

...С лицевой стороны обложки тридцатого издания «Избранного Дэймона Рениона» на читателя глядят мрачные, оскаленные физиономии, подкрашенные какой-то мертвенной, желто-зеленой краской. А на обороте помещено лаконичное, но весьма красноречивое рассуждение издателей.

Читателю предлагается усвоить, что «сборник избранных произведений знаменитого Дэймона Рениона, который знает о Бродвее, спорте и подонках общества больше, чем любой другой из ныне здравствующих писателей, необходим каждому, кто интересуется американской жизнью, описанной в богатом, образном, чисто рениононском стиле... Рассказы Рениона сперва заденут струны вашего сердца, а затем заставят вас хохотать так, что вы запросите пощады... Они полны волнующей неизвестности и написаны на странном, великолепном, вдохновенном жаргоне».

Чем же все-таки так отличился Дэймон Ренион в глазах буржуазной публики, составляющей круг его читателей? Ведь фигура гангстера—героя всех без исключения его новелл — уже в течение многих лет заполняет с благословения реакционеров голливудские фильмы и уверенно шествует по страницам детективных романов. Почему же именно за Ренионом утвердилась репутация нового «властителя дум» американского буржуа?

Дело, оказывается, в том, что герой Рениона — это гангстер «нового, современного образца», не просто кустарь, действующий в одиночку, с ножом и отмычкой, а представитель целой отрасли уголовного бизнеса, широко разветвленной, поставленной с коммерческой солидностью, владеющей всеми видами «новейшей техники» и тесно связанной с деловыми кругами Америки. Иными словами, герой Рениона — представитель высокоорганизованной и признанной де факто «индустрии» грабежа и разбоя. А взгляд, что «деньги не пахнут», пользуется, как известно, большой популярностью среди проповедников мирового господства США.

«Реформа» Рениона в области гангстерской литературы этим, однако, не исчерпывается. В конце концов бандитов и такого типа можно встретить в книгах других американских писателей. Но Ренион идет дальше своих коллег. Он без малейшего колебания изображает гангстера как... тип современного американца. Под ловким пером Рениона убийца превращается в беспечного и почти приятного весельчака, «рубаху-парня». Он убивает и при этом... весело смеется. Эту «гангстерскую улыбку» исследователи «творчества» Рениона безапелляционно выдают за высшее проявление американского юмора. Что там для них Марк Твэн, когда есть Дэймон Ренион!..

Гангстеру по имени «Ржавый Чарли» не нравится фасон чьей-то шляпы. Ха-ха-ха! Чарли одним выстрелом убирает с дороги безвкусного простака. Шофер такси везет взломщика «Гарри-Лошадь» не так быстро, как тому нравится,— хлоп! — и тело шофера летит на мостовую, а его место занимает подвыпивший «Гарри-Лошадь». Разве тут не лопнешь от смеха?

В одном из рассказов Рениона говорится о том, что этот юмор есть юмор кошки, «заигрывающей с мышью, которую она держит в зубах». Это — наилучшее определение самого Рениона, его издателей и почитателей. Литература, воспевающая торжество звериного начала и разгул низменных инстинктов, литература, глумящаяся над человеком, над его достоинством, над его правом на жизнь, — это, видимо, и есть последнее слово буржуазной «атлантической культуры».

Некоторые американские «литературные критики», услужающие Рениону и его заказчикам, стараются уверить публику, что Ренион добивается комического эффекта «удивительно тонким сочетанием жестокого с трогательным». Правда, кровь льется едва ли не в каждом рассказе Рениона, но, восклицают критики, «сердце писателя открыто для добрых чувств».

Но вот «сюжеты» некоторых рассказов Дэймона Рениона.

После «мокрого» дела четыре бандита собираются в ночном кабачке на Бродвее. Любители музыки, они хотят отвести душу в хоровом пении. В самый разгар самодеятельного концерта гангстер из конкурирующей шайки прострелил одному из певцов голову. Приятели огорчены, они искренно скорбят: у покойника «был такой хороший тенор, без него расстроился квартет...»

Многоопытный громила нянчит грудного сынишку. Приятели-гангстеры просят его помочь взломать сейф в банке. Приглашение так заманчиво, отказать друзьям так неудобно, что папаша отправляется на «работу», не выпуская из рук уснувшего младенца...

Вот с какими «трогательными» происшествиями знакомит своих соотечественников Ренион. У всякого нормального человека похождения его героев могут вызвать только возмущение. Но издатели и почитатели Рениона не желают считаться с такими пустяками. В защиту своего «чемпиона юмора» они выдвигают еще один мощный аргумент: вы не растроганы, вас это не веселит? Значит, ваше сердце безнадежно зачерствело, значит, вы жалкий «европейский провинциал», которому недоступен американский юмор в его самом «совершенном» выражении!

«Веселые» рассказы о гангстерах так пришлись по вкусу хозяевам американской желтой прессы, что Ренион в короткий срок стал одним из наиболее преуспевающих поставщиков легкого чтива.

Самая ничтожная подробность личной биографии Рениона преподносится как выдающийся факт «литературной жизни» Нью-Йорка. Дело доходит до того, что Рениона сравнивают с... Бальзаком — это сравнение построено на страсти обоих к кофе. Оказывается, Ренион даже превзошел Бальзака. «Он способен проглотить от десяти до пятнадцати чашек в один присест», — восторгается журналист Уолтер Уинчелл.

Поклонников Рениона особенно восхищает то, что он сумел «найти путь к сердцу гангстера», стать своим человеком в среде социальных отбросов Нью-Йорка, досконально усвоить их жаргон, — словом, «смотреть на вещи их глазами».

Ренион, действительно, так прочно усвоил роль бытописателя нью-йоркских бандитов, что убрал из своих рассказов все, напоминающее нормальную человеческую речь.

В жаргоне Рениона нет, например, слов «мужчина» или «женщина», а только «ферт» и «кукла» (иногда — «пышка» или «помидорчик»). Самые распространенные человеческие слова подменяются условными, уродливыми, «блатными» обозначениями. А американские литературные снобы тем временем восторгаются «богатством писательской манеры Рениона», тем, что «свежий и красочный» язык бродвейского бандита якобы обновляет и обогащает привычные формы литературного английского языка!

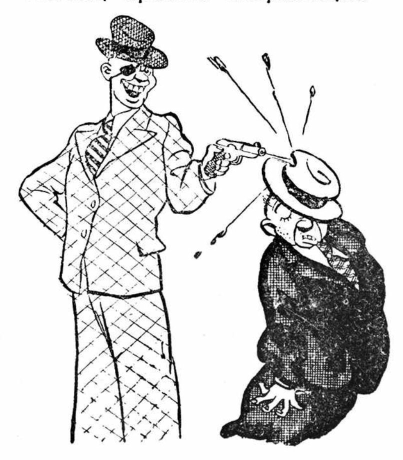
Три книжицы рассказов Рениона представляют как бы краткую энциклопедию порока и преступления. В портретной галлерее американского юмориста перед читателем проходят гангстеры всех видов — специалисты по грабежам с убийством, отравители, скупщики краденого, контрабандисты, организаторы лотерейных бумов, лошадиные барышники, врачи-шантажисты, железнодорожные воры, вымогатели, держащие под угрозой целые городские районы.

Ропс Мак Гонигл — профессиональный душегуб. Его специальность — «убийство в мешке». Он сперва оглушает человека, грабит его, затем запихивает в мешок, предварительно соединив веревкой или проволокой шею и ноги жертвы.

«Испанец Джон» похищает «стоящих» людей и вымогает за них выкуп. Есть в галлерее Рениона и уголовники более «деликатных» профессий—такие, как «Луи Последняя Карта» и «Маленький Мануэль». Это шулеры высокого класса, совершающие рейсы на атлантических пароходах и общипывающие доверчивых пассажиров.

В среде, описываемой Ренионом, трудно установить различие между жуликом, который не в ладах с полицией, и жуликом, перед которым полиция лебезит. Многие герои рениононских «покетбуков», владеющие банками, торговыми фирмами, домами, яхтами, нажили свои капиталы на обмане, шантаже, преступлении.

Мир, в котором живут герои Рениона,— вырождающийся мир; это дикие джунгли капитализма, кичливо именуемые «центром атлантической цивилизации». И как ни «веселится» Ренион, как ни пляшет с ножом в зубах, от его рассказов несет запахом тления. Та Америка, которую воспевает Ренион, Америка крови и бизнеса, трестов и гангстеров, поджигателей войны и угнетателей колониальных народов, дошла до последней стадии духовного одичания. «Америка» Рениона не имеет ничего общего с Америкой честных, простых американцев.

И. Е. Репин в Пенатах пишет портрет Ф. И. Шаляпина. Фотография 1914 г. Портрет был уничтожен автором. Областной исторический архив. Ленинград.

НОВОНАЙДЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ РЕПИНА

И. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН

Илья Ефимович Репин — любимейший художник советского народа. Из всех великих русских мастеров Репин изучен исследователями наиболее полно и подробно. Тем не менее следует признать, что до сих пор разысканы и обнародованы далеко не все его произведения.

Объясняется это прежде всего тем, что Репин, проживший долгую жизнь — 86 лет — и обладавший необыкновенной работоспособностью, оставил огромное художественное наследие. Но оно оказалось разбросанным по всему миру, произведения мастера и сейчас еще находят в самых неожиданных местах. Причем часто удается обнаружить такие картины, портреты, этюды, рисунки Репина, которые не отмечены ни в обширной литературе о художнике, ни в существующих списках его работ. И, напротив, многие его произведения, которые в свое время он сам экспонировал на разных выставках, утрачены и не найдены до сих пор.

Так, на первой персональной выставке в 1891 году художник показал около трехсот своих вещей, а сейчас не менее двухсот из них в подлинниках нам неизвестны и где они находятся, не выяснено. Не удалось также до сих пор обнаружить многих картин Репина, которые когда-то были в Пенатах, где Илья Ефимович прожил последние 30 лет своей жизни.

Кроме живописных работ, Репин хранил у себя в Пенатах около сотни альбомов, содержавших рисунки и акварели. В 1923 году, в один из последних годов жизни художника, количество рисунков исчислялось в Пенатах тысячами.

Углубленные розыски, предпринятые в последнее время, привели к обнаружению работ Репина, которые по разным причинам были до сих пор неизвестны или считались утраченными. Некоторым из них мы и посвящаем настоящий очерк.

* * *

Многие альбомы Репина содержали рисунки, этюды и эскизы к его монументальным картинам. «Бурлаками на Волге» был занят не один альбом. В своих воспоминаниях о путешествии на Волгу, куда он отправился в 1870 году собирать материалы для «Бурлаков», Репин подробно описал, как настойчиво он «охотился» за бурлаками, с каким упорством «зарисовывал» их в свой карманный альбомчик и как «отводил душу», когда ему удавалось наконец упросить «желанного бурлака» позировать. Лишь немногие из этих драгоценных листов известны в печати, а из всей массы рисунков, исполненных Репиным во время волжского путешествия, у нас в стране сохранилось в оригиналах всего около десяти.

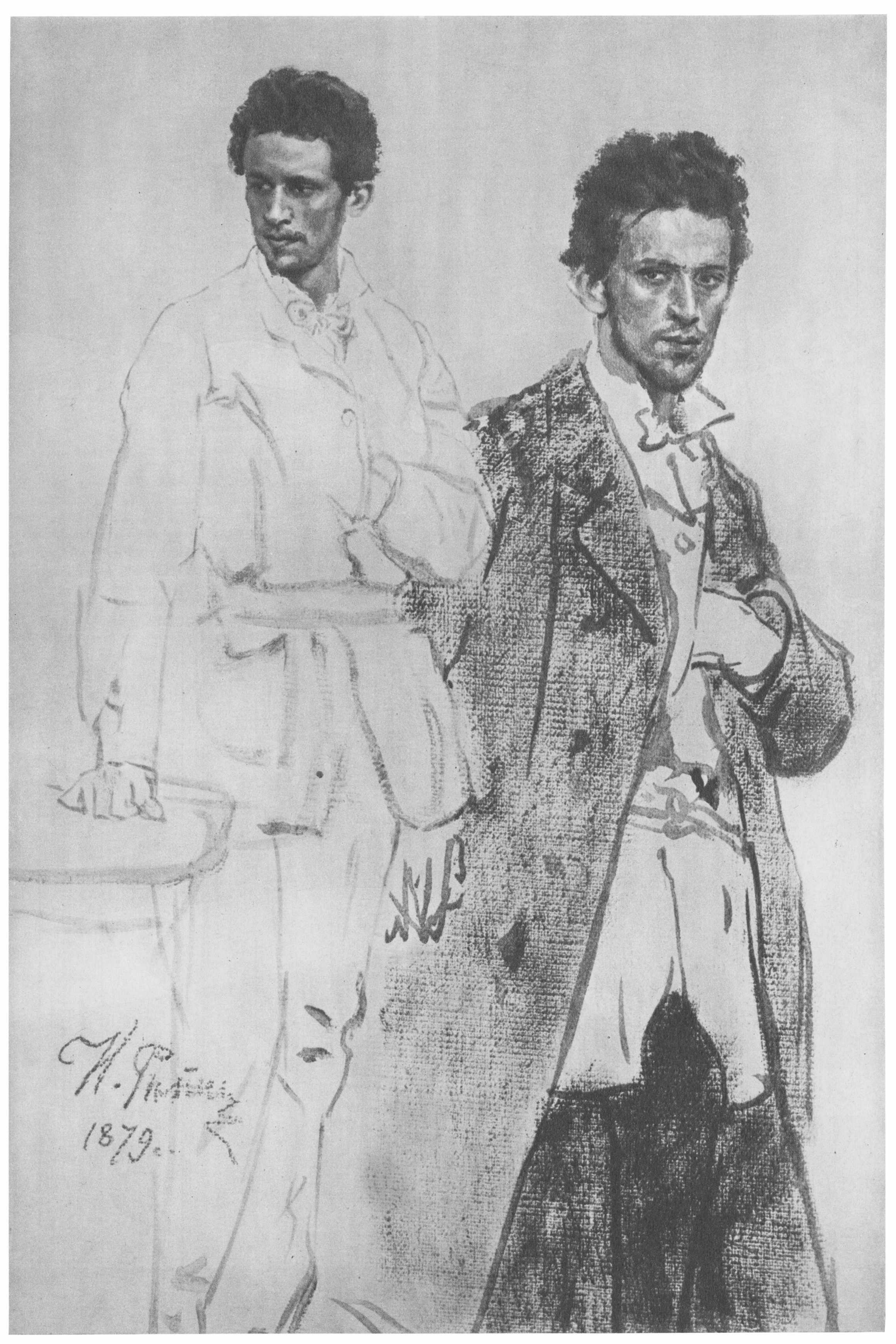
Благодаря случайно уцелевшей фотографии мы имеем возможность впервые опубликовать изображение «молодого бурлака» (как гласит пометка самого художника), доселе не бывшее в печати. Рисунок этот (где находится подлинник, неизвестно), безусловно, принадлежал к числу наиболее острых и, повидимому, высоко ценимых самим художником,— недаром, решив в 1916 году издать свои воспоминания, Репин предполагал воспроизвести его в числе немногих рисунков того времени. Но издать воспоминания тогда не удалось, и «молодой бурлак» остался доселе неопубликованным.

Даже старая, выцветшая фотография дает представление о том необыкновенном искусстве, с каким Репин несколькими скупыми штрихами запечатлел облик юноши-крестьянина, о той выразительности, с какой художник передал всю трагедию «молодого бурлака», измученного непосильным трудом.

Зарисовка Репина — это целая повесть: в ней вся биография юноши, оставившего родной дом в разоренной, вымирающей от

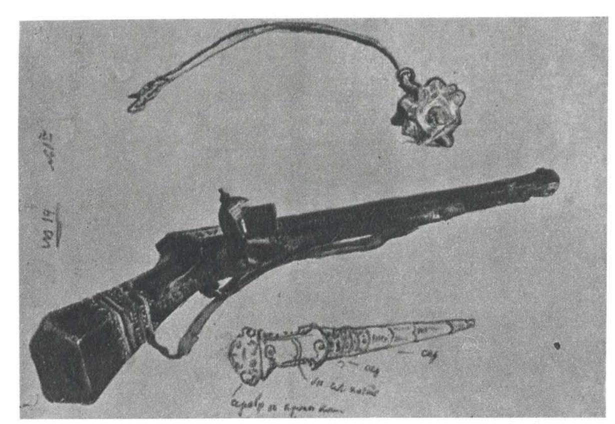
Встреча Н. И. Пирогова в Москве на вокзале 22 мая 1881 г. Картина И. Е. Репина, 1883—1888 г. Военно-медицинский музей. Ленинград.

Эпоха Пушкина. Этюд И. Е. Репина (масло), исполненный в 1916 г. с Алеши Репина (внучатный племянник художника). Государственная закупочная комиссия. Ленинград.

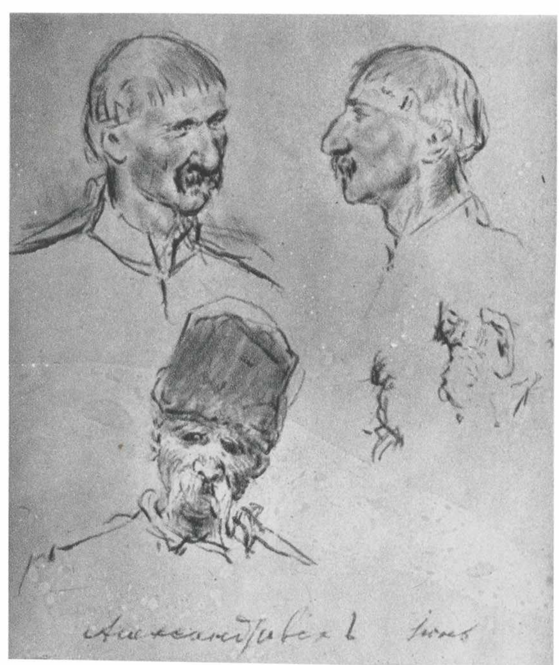

Пропагандист. Этюд И. Е. Репина (масло) к картине «Арест пропагандиста». 1879. Частное собрание. Москва.

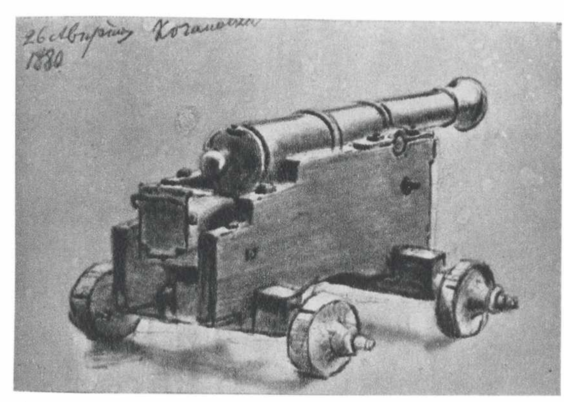
Гетман. Этюд И. Е. Репина (масло) к картине «Запорожцы», 1880 г. Нынешнее местонахождение неизвестно.

Старинное оружие запорожцев. Акварель И. Е. Репина, исполненная в Одессе (коллекция М. М. Толстого) в 1890 г. Нынешнее местонахождение неизвестно.

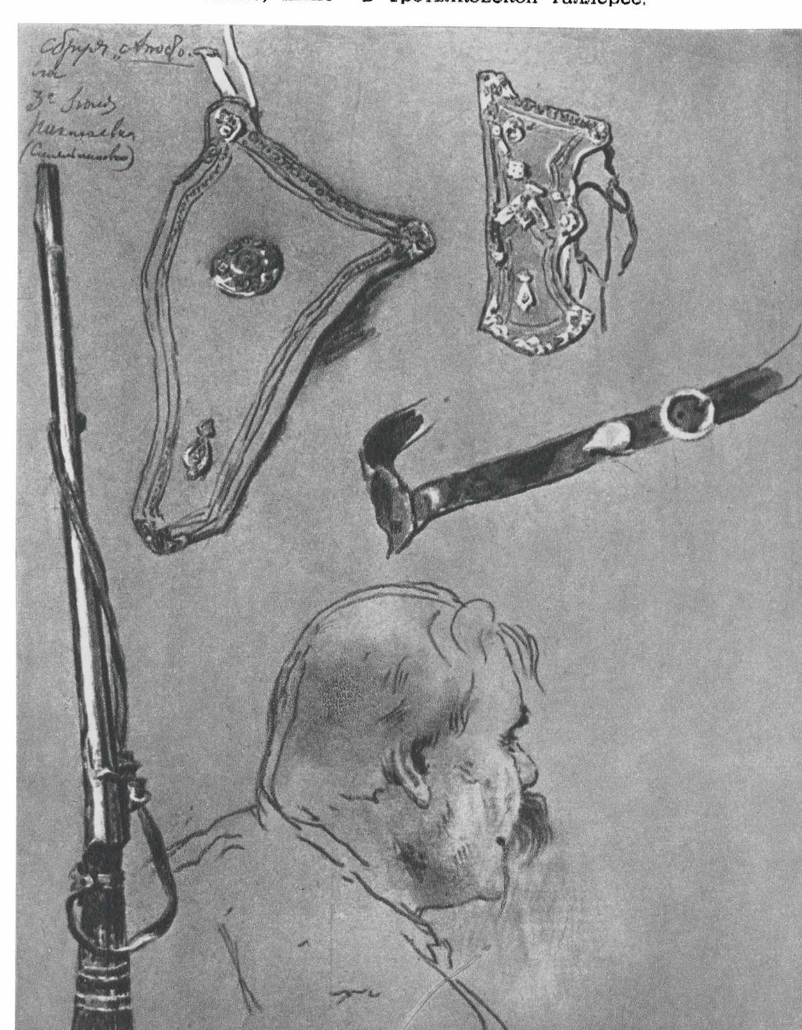

Типы украинцев. Зарисовка И. Е. Репина, исполненная в Александровске в 1880 г. Историко-археологический музей. Днепропетровск.

Запорожская пушка. Зарисовка И. Е. Репина, исполненная в Каченовке (коллекция В. В. Тарновского) в 1880 г. Историко-археологический музей. Днепропетровск.

Тип украинца и предметы запорожской старины. Акварель И. Е. Репина, исполненная в Николаевке в 1880 г. Находилась в частном собрании в Стокгольме, ныне — в Третьяковской галлерее.

постоянного недорода волжской деревни, чтобы страшным, изнуряющим трудом кое-как прокормить себя. В его лихорадочно блестящих глазах можно прочесть и горький упрек и безнадежность. В согбенной фигуре юноши, в его необычайно худой шее и измученном молодом лице, красивом, но искаженном нуждой и лишениями, видна обреченность.

В. В. Стасов, восторженно встретивший 75 лет назад появление «Бурлаков на Волге», особенно восхищался тем, что молодой художник «окунулся с головой во всю глубину народной жизни, народных интересов, народной щемящей действительности», что Репин «глубоко проникнут был и потрясен теми сценами, которые проносились перед его глазами». Стасов писал тогда о молодом Репине: «...его поразили виденные типы и характеры, в нем жива была потребность нарисовать далекую, безвестную русскую жизнь, и он сделал из своей картины такую сцену, для которой ровню сыщешь разве только в глубочайших созданиях Гоголя». Найденный рисунок является новой и блестящей иллюстрацией к этим словам проницательного критика.

Возникает вопрос: почему же Репин не ввел «молодого бурлака» в картину?

По всей вероятности, потому, что художник для контраста всем другим персонажам картины, чьи фигуры, по выражению В. В. Стасова, «рассказывали про каждого целую повесть длинных тяжких годов», поместил в центре полотна другого мальчика-бурлака — того, который «один только шумит и задорно кипятится», воплощая в себе «протест и оппозицию могучей молодости» против тогдашней рабской действительности. Вот почему, как можно предположить, упорно добиваясь, «общей гармонии картины» («сколько жертв надо принести в пользу общей гармонии»,— говорил Репин не раз), художник и не ввел в композицию «молодого бурлака» с угасающим взглядом, со смертельной усталостью на изможденном лице, облик которого сохранила его замечательная зарисовка.

⁂

Большой интерес представляет также разысканный нами недавно этюд к другой прославленной картине Репина, «Арест пропагандиста». Этюд этот, ни разу не упомянутый в литературе о Репине, дает возможность уяснить историю создания центрального образа картины.

С достаточным основанием можно предположить, что задуман был сюжет картины «Арест пропагандиста» под непосредственным впечатлением от знаменитого процесса «193-х», закончившегося в начале 1878 года. На процессе разбиралось «Дело о революционной пропаганде в империи»: царское правительство судило участников «хождения в народ». При всей ошибочности и вредности народнических взглядов, при всем непонимании народниками классовой природы крестьянства, за осуществление программы хождения в народ «взялась,— по словам В. И. Ленина,— масса энергичнейших и талантливых работников». Их, в частности, и имеет в виду Ленин, когда говорит о «блестящей плеяде революционеров 70-х годов». По своему замыслу картина Репина могла бы явиться превосходной иллюстрацией к ленинским словам о том, что русские революционеры того времени, «геройски стремясь поднять народ на борьбу, оставались одинокими и гибли под ударами самодержавия».

Недаром В. В. Стасов со всем присущим ему пылом и темпераментом, убеждая Репина довести работу над персонажами картины до полной выразительности, прежде всего подчеркивал, что она является «страницей современности», вкладывая в эти слова любовь к тем, кто боролся с царизмом, и ненависть к самодержавному строю. И до конца своих дней картину эту, вместе с «Не ждали» и «Отказом от исповеди перед казнью», Стасов ставил в ряд самых значительных созданий Репина прежде всего потому, что считал ее ярким художественным памятником общественно-политической жизни России XIX века.

Изображая революционера-семидесятника, Репин принялся за поиски типичных и характерных лиц, которые могли хотя бы в некоторой степени служить прообразом для главного героя. «Задумав картину, я всегда искал в жизни таких людей, у которых в фигуре, в чертах лица выразилось бы то, что мне нужно для моей картины»,— говорил Репин друзьям. Юноша, с которым повстречался художник в 1879 году, показался ему подходящей натурой.

Постараемся же вкратце описать этюд и выяснить, кто позировал для него художнику, в ком увидел Репин черты героя своей будущей картины.

На небольшом куске холста размером 29 × 20 сантиметров набросан кистью в двух вариантах общий абрис фигуры молодого человека в рост. Сперва художник изобразил на левой стороне холста молодого человека в блузе: голова, с устремленными в сторону глазами, повернута влево, правой рукой он оперся о край стола, левая заложена за борт блузы. В его задумчивом взоре ощущается какая-то нерешительность, чувствуется, что мысль его ищет, но не находит ответа на какой-то важный вопрос. Совсем другое выражение лица у человека, набросанного кистью на правой стороне холста,— там, где тот же юноша изображен в пальто: лицо у него сосредоточенное и решительное; он смотрит на кого-то в упор.

Молодой бурлак. Рисунок И. Е. Репина. 1870 год. Нынешнее местонахождение неизвестно.

В обоих вариантах фигура выполнена крайне эскизно. Только голова юноши выписана самым тщательным образом. Голова эта полна прелести мгновенно и метко схваченной натуры. Чувствуется, что художник в первую очередь дорожил удачно найденным выражением лица.

Ответить же на вопрос, кто послужил художнику моделью для образа «пропагандиста», помогла надпись на бумаге, приклеенной к оборотной стороне рамы, в которую вделан этюд. Почерком художника на этом куске плотной желтой оберточной бумаги написано: «Николаю Николаевичу Вентцелю от И. Репина». Одновременно с этими строками рядом был написан адрес; позже он был замазан, но все же прочесть его можно.

В самом начале наших разысканий, после того, как удалось установить, что Н. Н. Вентцель был не чужд литературы, мы обнаружили ценный документ, благодаря которому оказалось возможным дать ответы на все вопросы, перечисленные выше. Это автобиография Н. Н. Вентцеля, найденная в архиве историка русской литературы С. А. Венгерова.

В автобиографии Вентцеля прежде всего обращают на себя внимание строки, которые он посвятил молодым годам своей жизни; в рассказе его можно найти немало черт, типичных для целого поколения революционно настроенного юношества семидесятых годов: «Мы зачитывались Добролюбовым и Писаревым и издавали гимназический журнал «Фонарь» — довольно наивное подражание добролюбовскому «Свистку». И дальше: «Влияние Писарева оказалось сильным при выборе факультета: в 1874 г. я поступил в Медико-хирургическую академию, а год спустя на естественный факультет С.-Петербургского университета. Здесь был блестящий подбор профессоров — Менделеев, Бутлеров, Сеченов, Овсянников и другие выдающиеся ученые».

Из числа юношей этого круга чаще всего и формировались в те годы кадры профессиональных революционеров, кадры «пропагандистов». У нас нет сведений о том, принимал ли Н. Н. Вентцель какое-либо участие в тогдашнем революционном движении, но в его внешнем облике и в его манере держаться несомненно проявлялись типические черты «семидесятника». Это и привлекло к нему Репина. Художник познакомился с Вентцелем у профессора А. В. Прахова.

⁂

В конце 1880 года в передовых общественных кругах Москвы возникла мысль отпраздновать пятидесятилетний юбилей научной деятельности Николая Ивановича Пирогова. Московский университет в марте 1881 года направил в имение «Вишня» (Винницкого уезда), где жил в те годы семидесятилетний Пирогов, делегацию во главе с профессором Н. В. Склифасовским. Делегация просила великого ученого приехать в Москву для участия в юбилейных торжествах, назначенных на двадцатые числа мая.

Репин жил в это время в Москве и был среди тех, кто встречал знаменитого ученого на вокзале. В письме от 14 июня художник писал Стасову: «Я теперь леплю бюст Н. И. Пирогова. В Москве, во время его приезда на юбилей, я сделал его портрет и рисунки для бюста. Какую трогательную картину представляла его встреча на дебаркадере железной дороги (стоит написать). Юбилей тоже необыкновенное происшествие! Это самое большое торжество образованного человечества! Сколько говорилось там глубокого, правдивого, человеческого».

Особенный интерес представляют для нас те строки этого письма, в которых художник вспоминает о встрече, устроенной Пирогову на вокзале, и о том, что ее «стоит написать». Можно не сомневаться, что тогда же на вокзале Репин зарисовал в альбом эту трогательную встречу. Несколько лет спустя, когда портрет Пирогова уже занял почетное место в галлерее Третьякова, а работа над бюстом была завершена, Репин действительно выполнил свое намерение, выраженное им в письме к Стасову, и написал небольшую картину «Встреча Н. И. Пирогова в Москве на вокзале 22 мая 1881 г.» (на ней стоит авторская дата: «1883—1888»).

Сам художник, почти неизменно относившийся к своим собственным произведениям с острым чувством неудовлетворенности, ценил эту картину. Недаром он показал ее в 1891 году на своей первой персональной выставке. Эту работу Репина рецензенты отметили как «весьма живую картину», исполненную с «остротой постижения жизни».

После 1917 года следы картины затерялись, и только недавно картина эта была обнаружена в фондах вновь организованного в Ленинграде Военно-медицинского музея.

⁂

Одно из самых популярных произведений Репина — «Запорожцы» — плод многих лет упорного труда. Дата «1880—1891», проставленная на этом монументальном полотне рукой художника, лишь в самой общей форме свидетельствует о той огромной работе, которая была проделана Репиным. Художник совершил три больших путешествия: на Украину, на Кубань и на юг России,— в 1880, в 1888 и в 1890 годах, собирая необходимые материалы, в частности, непосредственно в местах, где некогда была знаменитая Запорожская Сечь. Там же он разыскивал и воспроизводил типичных украинцев, потомков запорожцев.

Из трех своих поездок Репин вывез огромное количество этюдов и рисунков. Ни один из русских художников, кроме Александра Иванова, не проводил для своей картины такую огромную подготовительную работу, какую провел для «Запорожцев» Репин.

Писатель П. Н. Полевой, близко соприкасавшийся с Репиным в пору создания «Запорожцев» и часто посещавший в те годы его мастерскую, рассказывал в 1892 году: «С целью изучения остатков запорожской старины, художник объехал все местности, связанные с воспоминаниями о Запорожской Сечи, посетил все храмы, построенные «сечевиками» и сохранившие в ризницах своих запорожские знамена, хоругви и иные войсковые клейноды... Не довольствуясь вещественными памятниками, И. Е. Репин для своей будущей картины входил в тесное общение с простонародьем в местностях, близких к бывшему Запорожью, и среди этого люда искал типов, которые по прямому родовому преемству могли сохранить нам облик древних «лыцарей»...»

Из большого числа этюдов и рисунков, скопившихся у Репина за годы работы над «Запорожцами», он в 1891 году отобрал тридцать лучших и демонстрировал их на своей первой персональной выставке одновременно с самой картиной. Этюды эти привлекли внимание зрителей и критиков и заслужили самые одобрительные отзывы. Один из рецензентов отмечал: «Картина так хороша, что о ней даже трудно писать. Интерес ее увеличивается еще оттого, что рядом помещено почти 30 этюдов, относящихся к ней. Иные этюды положительно сто́ят картины. Глядя на них, зритель видит, как зародилась и выросла в голове художника эта удивительная поэзия казацкой вольницы».

В недавние годы большая часть этих этюдов и рисунков еще сохранялась в Пенатах. Когда в 1923 году в Праге подготовлялась выставка произведений Репина, художник писал В. Ф. Леви: «Знаете ли — у меня есть основательные залежи (с 1880-го года), которые могут их (т. е. братьев славян) интересовать. Это этюды к «Запорожцам». Это те же наши братья (хохлы), что и сербы и болгары, которые пополняли часто кадры лыцарей Украины. Когда приедете, мы разглядим папку с этими минералами и отберем». И на выставку в Прагу Репин отправил из этой папки около семидесяти рисунков.

С сожалением приходится констатировать, что вся эта масса этюдов и рисунков, из которой ныне в поле зрения исследователей находится лишь весьма небольшая часть, никогда не подвергалась изучению. За двумя—тремя исключениями, этюды и рисунки к «Запорожцам» остаются до сих пор неизданными. Сейчас мы имеем возможность опубликовать пять репинских этюдов и рисунков к «Запорожцам», которые весьма существенны для понимания творческого метода художника.

Большой интерес представляет портретный этюд «Гетман», исполненный Репиным, повидимому, в 1880 году, в Черниговской губернии, в Каченовке, имении Тарновских. Владельцы Каченовки принадлежали к просвещеннейшим людям своего времени, и их имение приобрело широкую известность. Здесь жили и работали Н. В. Гоголь, М. И. Глинка, художники В. И. Штернберг и А. А. Агин, Т. Г. Шевченко, Н. И. Костомаров. Несколько месяцев провел здесь в 1880 году и Репин. Тогдашний владелец Каченовки был страстным собирателем запорожской старины — оружия, утвари (в вышедшем в конце прошлого века «Каталоге украинских древностей коллекции В. В. Тарновского» описано свыше 900 предметов). Коллекция эта дала художнику ценнейший материал для изучения бытового уклада Запорожской Сечи.

В «Гетмане» Репин изобразил В. В. Тарновского, одетого в богатый запорожский костюм XVII века, с саблей и пистолетом за поясом. «Гетман стоит, облокотившись левой рукой на запорожскую пушку. Весьма возможно, что художник намерен был использовать этот удачно задуманный и интересно решенный этюд, изображающий запорожского военачальника, в своей большой картине, но по каким-то причинам впоследствии отказался от этой мысли. Черты лица В. В. Тарновского он использовал для одной из главных фигур картины — для сидящего слева худощавого казака в высокой черной шапке. В начале века «Гетман» хранился в собрании издателя А. Ф. Маркса. Где теперь находится этюд — неизвестно.

Один из дорожных альбомов Репина, в котором он делал наброски во время путешествия по Украине в 1880 году, принадлежал профессору Д. И. Яворницкому, известному украинскому историку и археологу (Д. И. Яворницкий помогал художнику своими советами и позировал для фигуры писаря).

Альбом Репина, содержащий тридцать два листа, на которых зарисованы украинцы, а также предметы запорожской старины, хранится теперь в Днепропетровске, в Историко-археологическом музее (дар Д. И. Яворницкого). Мы воспроизводим здесь два листа из этого альбома. На одном из них Репин нарисовал пушку XVII века на деревянном лафете, принадлежавшую запорожцам. На другом — пять мужских голов с типичными для украинцев чертами лица (второй этюд исполнен в Александровске — ныне Запорожье).

В бумагах Репина сохранился снимок с одного листа из того дорожного альбома, которым пользовался художник во время путешествия по южной России в 1890 году (у Репина альбом числился под № 16). На этом листе художник изобразил старинное, богато украшенное оружие запорожцев. Любопытно, что, зарисовав кинжал, Репин здесь же пометил для себя, из чего сделана оправа. Судя по надписи, сохранившейся на обороте снимка, Репин видел эти вещи в коллекции графа М. М. Толстого в Одессе. Где сейчас находится альбом, лист которого мы воспроизводим, пока неизвестно.

Четвертый публикуемый здесь лист входил когда-то в наиболее интересный альбом, который художник заполнял рисунками в годы создания картины. После смерти Репина лист этот — в числе многих других работ художника — перешел при разделе имущества к его дочери Татьяне Ильиничне, у которой был приобретен В. Ф. Леви, проживающим в Стокгольме. Недавно этот лист поступил в Третьяковскую галлерею. На нем сделаны многочисленные наброски акварелью. Как свидетельствует пометка самого художника, наброски эти были исполнены им в селе Николаевке, находившемся на правом берегу Днепра, близ порога Ненасытец. Здесь, очевидно, у владельцев Николаевки Синельниковых хранилось собрание украинских древностей, заинтересовавшее художника и подвергнутое им тщательному изучению. Многие экспонаты этого собрания Репин зарисовал.

На публикуемом листе изображены голова украинца, запорожское ружье и конская сбруя, принадлежавшая гетману Апостолу.

Публикуемые здесь этюды лишний раз свидетельствуют о том, как пытливо изучал Репин подлинные предметы эпохи, с каким рвением разыскивал он характерные типы. Значительная часть всего того, что было им тогда запечатлено кистью и зарисовано, не вошло в картину, но огромная предварительная работа, проделанная художником, не пропала даром: она дала ему возможность освоиться с бытовой обстановкой, с духом и характером изображаемой им эпохи.

Т. С. Репина, мать художника. Рисунок И. Е. Репина 1879 года. Частное собрание. Прага.

* * *

Художник А. М. Комашка, которому в 1915—1918 годах, еще юношей, довелось жить в Пенатах у Репина, рассказывает в своих воспоминаниях: «Однажды за обедом, всматриваясь в лицо своего внучатного племянника Алеши, Илья Ефимович произнес: «А пожалуй, Алешка, если тебя нарядить в сюртук, дать тебе гусиное перо в руки и вот так посадить, как ты сейчас изволил замечтаться,— ты будешь похож на молодого Пушкина! Как вы, А. М., находите, не прав ли я?» И уже на другой день с утра мы писали с Алеши Репина юного Пушкина. В гардеробе мастерской был превосходный пушкинский костюм. Алеша нарядился в сюртук с широким темнолиловым бархатным воротником, надел белое жабо, манжеты. Светлозолотистые кудри Алеши вились пышными кольцами, черты юного лица были привлекательны и действительно имели некоторое сходство с молодым Пушкиным. Дав ему гусиное перо, мы усадили его за стол. Писали Алешу — «Пушкина» в кабинете И. Е., который был залит светом (весна 1916 г.)».

О судьбе этого репинского этюда, которому сам художник дал название «Эпоха Пушкина», никаких сведений до сих пор не было. И лишь совсем недавно он найден у одного частного владельца в Ленинграде и приобретен Государственной закупочной комиссией. Несмотря на то, что художник не придавал значения этой своей работе, этюд «Эпоха Пушкина» можно причислить к наиболее интересным из произведений Репина тех лет Превосходно написан фон, и этюд в целом привлекает выразительностью и колоритом.

* * *

Огромная требовательность к себе, часто заставлявшая Репина многократно переделывать картины, даже весьма удачные, приводила иногда к тому, что в припадке неудовлетворенности он уничтожал плоды своих многолетних трудов.

О таком произведении, тоже уничтоженном художником «в час какого-то нелепого искушения», дает нам понятие воспроизводимая здесь фотография. На ней запечатлены мастерская Репина в Пенатах и Ф. И. Шаляпин, позирующий художнику. Перед большим холстом с палитрой в левой руке стоит Репин. Взгляд его устремлен на Шаляпина, свободно откинувшегося на спинку огромного дивана. Желая, видимо, изобразить Шаляпина в живой беседе, художник предложил артисту отставить правую руку—этот жест был характерен для Шаляпина. Левой рукой Шаляпин ласково прижимает к себе собачку Бульку. В глубине мастерской, за столиком,— слуга Шаляпина, китаец Ненбо. На фотографии прекрасно видны фигура Шаляпина и его выразительное лицо, набросанные Репиным на холсте. Когда фотограф К. К. Булла снимал мастерскую, художник уже проходил на холсте красками голову Федора Ивановича; ясно чувствуется, что Репину уже тогда, в самом начале работы, удалось схватить сходство, передать улыбку Шаляпина...

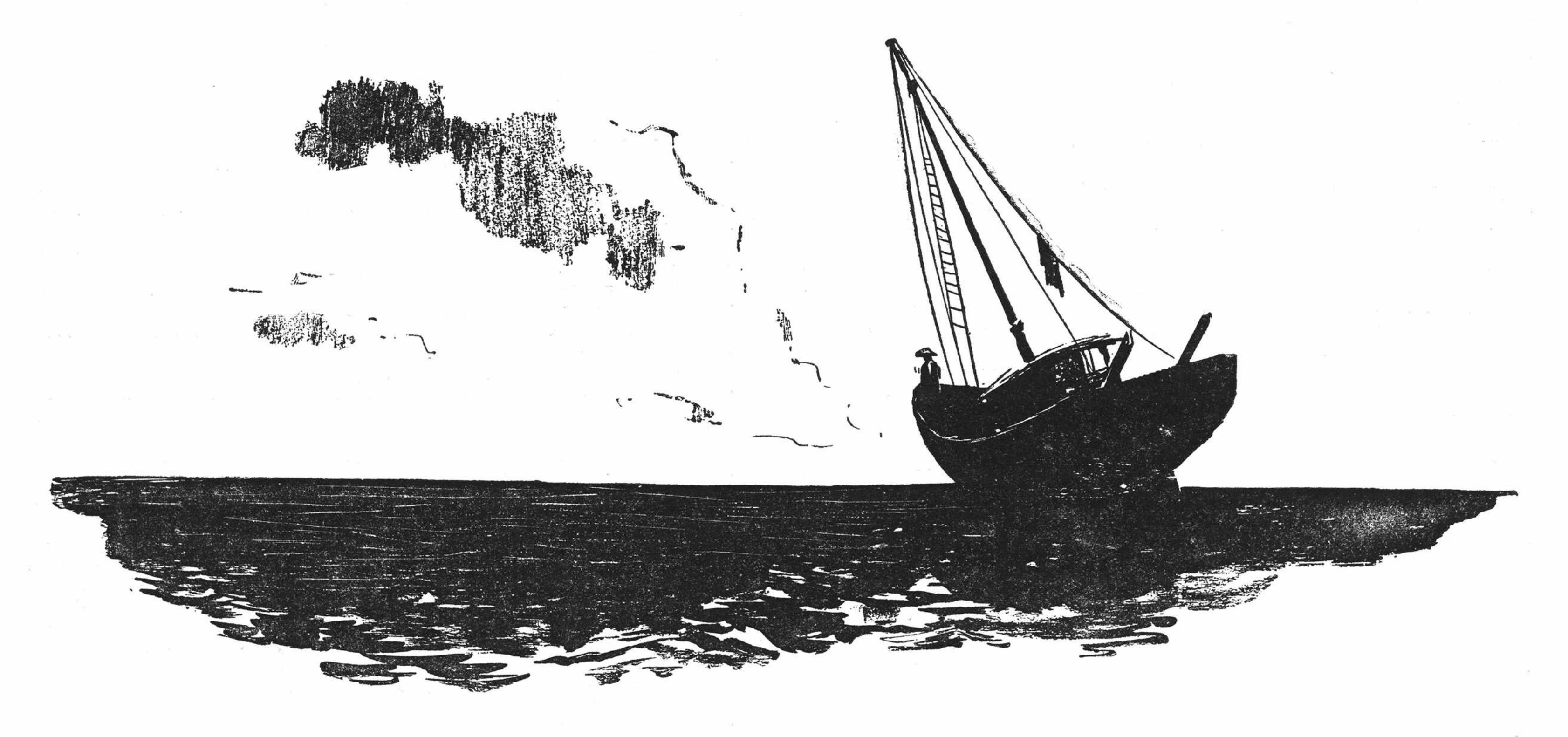
Судьба этого портрета поистине прискорбна. Художник, работая уже не с натуры, а по памяти, вносил в него так много изменений, что в конце концов не улучшил, а, повидимому, ухудшил портрет. Кончилось это тем, что, неудовлетворенный «неудачным портретом», Репин уничтожил его, записав холст женской фигурой (по акварели с Н. Б. Нордман). «Так и пропал большой труд»,— с горечью вспоминал впоследствии Репин.

Публикуемая здесь фотография — единственный след, оставшийся от портрета Шаляпина, так удачно начатого Репиным в Пенатах тридцать пять лет тому назад.

* * *

Утраченные когда-то и теперь снова появляющиеся в поле зрения исследователей произведения Репина не всегда относятся к числу наиболее совершенных его работ. Однако такие находки весьма ценны: они расширяют наше представление о творческой мощи одного из самых замечательных русских художников.

«ТУЧИ ПРИХОДЯТ И УХОДЯТ, А НЕБО ОСТАЕТСЯ»

Рассказ

Олег ЭРБЕРГ

Рисунки П. Караченцова

На океане устойчиво держался штиль.

Трехмачтовая шхуна «Актиния», убрав паруса и перейдя на работу двигателя, уже двое суток бродила южнее тридцатой параллели в поисках тунцов. К вечеру, на исходе третьих суток, мы, наконец, обнаружили их по взлетам из воды летающих рыб, которых они преследовали.

Впереди по нашему кругу нависал непроницаемой густоты туман, окрашенный закатным солнцем в сизо-лиловые и коралловые тона. «Актиния» легла в дрейф, чтобы ранним утром начать охоту. Капитан вначале опасался, как бы туман не помешал охоте, но, взглянув на барометр, быстро успокоился.

В полном безветрии туман клубился вдали, поднимаясь пурпурными языками в потемневшее небо и бесследно растворяясь в нем. Перед тем как солнце затонуло в океане, пробили склянки, и с грот-мачты был спущен советский флаг. После долгого жаркого дня в быстро нараставшей темноте стала ощущаться ночная прохлада, и все свободные от вахты люди высыпали на палубу.

Зажглась низкая луна и, проложив на спокойной поверхности океана золотистый трап к борту шхуны, поднялась бледными лучами на ее чисто надраенную палубу.

Свежая, еще не просолившаяся икра горбуши, лежавшая в открытых бочонках, начала фосфоресцировать голубовато-зеленым светом, более ярким, чем свет луны.

Было уже заполночь, когда команда разошлась по кубрикам. Мне не хотелось спать, и я оставался на палубе. Прислонившись к вантам, я глядел на отдаленные клубы тумана, которые теперь, при лунном свете, походили на растрепанную мочалу.

Под бортом шхуны тихо всплескивали волны и однозвучно работала помпа, непрерывно подавая свежую воду в брезентовый бассейн с морскими окунями, которых мы держали для приманки тунцов.

Мой взгляд долго и бесцельно блуждал по ночной поверхности океана, пока на меня не стала находить дремота. Внезапно в одном из разрывов туманной пелены мне показались неясные очертания небольшого судна, вероятно, так же дрейфовавшего, как и наше. Однако вахтенный помощник, вышедший из штурманской рубки на мой вызов и поглядевший в бинокль, ничего не обнаружил. Должно быть, клочья тумана вновь сошлись в том месте и скрыли судно.

На утренней заре мы подняли флаг, и капитан приказал начать охоту.

За ночь туман заметно поредел и позволил нам ближе подойти к его кромке, где разыгрались тунцы, гонявшиеся за макрелями. Нам хорошо были видны в воде их быстро сновавшие продолговатые тела. У них были блестящие голубые спины и серебристо-серые бока.

Мы протянули перемет вдоль борта шхуны. Потом начали сачками выхватывать из брезентового бассейна окуней и выбрасывать их за борт перед переметом. Окуни, которых мы выдерживали под тентом в течение нескольких дней в полной темноте, ослепленные утренним светом, никуда не уплывали и не ныряли на глубину. Они кучно держались возле крючков перемета. Жадные тунцы тотчас же устремлялись на живую приманку, и тут охотники ловко поддевали крючками этих двухметровых и трехметровых рыб за голову, за бока или за брюхо.

Днем туман почти рассеялся, и перед нами возникло маленькое судно, дрейфовавшее на расстоянии не более одной мили от нас. Это было рыбацкое моторное судно, национальность которого мы не могли установить, потому что на его единственной мачте не было флага.

Время от времени мы наблюдали судно в бинокль, но там никто не проявлял такого же интереса к нам: никто не выходил на капитанский мостик и не появлялся у борта. Судно казалось безлюдным.

На шхуне уже давно шла разделка и засолка увесистых и жирных туш, когда капитан приказал спустить на воду моторный бот. Он взял с собой судового механика, исполняющего обязанности парторга, двух матросов и меня, и мы направились к неизвестному судну.

Через пятнадцать минут мы подошли к нему со стороны кормы, на которой позолоченными китайскими иероглифами было написано его название и под ним на английском языке — порт приписки.

Китайских иероглифов никто из нас не знал, но название порта мы прочли. Порт назывался Киилун и находился на северной оконечности острова Формоза.

Капитан приставил ко рту ладони рупором и крикнул по-английски:

— Кто есть на судне, отзовись!

Эхо, отраженное от борта судна, понесло в простор океана его слова. Но никто не отозвался и не подошел к борту.

Тогда мы обошли судно вокруг и увидели, что оно в нескольких местах было прострелено. По нем стреляли не только из ружей. Крупные пробоины, тянувшиеся по фальшборту в строчку или сплошной линией, говорили о том, что сюда угодили пули тяжелого пулемета.

Мы причалили борт о борт к судну и поднялись на его палубу по шторм-трапу, который зацепили за кнехты.

Палуба была так густо промаслена нефтью, что нам приходилось ступать по ней очень осторожно, чтобы не поскользнуться. На корме лежали рыбацкие сети, перепутанные и давно не чиненные. Из трюма тянуло запахом гниющей рыбы. Вход в кубрик был забит снаружи бамбуковыми шестами.

На пороге штурвальной рубки механик заметил следы кровяного пятна, вылинявшего на солнце, а у основания мачты глубокие зарубки, сделанные ножом. Он насчитал их двенадцать.

Мы заглянули в рубку, потом в трюм, на дне которого лежали небольшие запасы вяленых кальмаров, спускались в машинное отделение, но нигде не нашли ни одного человека.

— Должно быть, это было пиратское судно,— заключил механик, пожилой человек, плававший с юных лет на дальневосточных морях,— а рыбацкие сети здесь только для отвода глаз. Помнится мне, в двенадцатом году однажды пришлось иметь дело с китайскими пиратами близ устья Жемчужной реки, когда я плавал кочегаром на пароходе «Российского общества торговли».

— Нет,— возразил ему капитан,— проще предположить, что судно было в руках контрабандистов и что их настиг катер портовой полиции. А после того, как команду загребли, судно могло пригнать сюда южным течением...— но тут капитан запнулся.— А впрочем...— продолжал он,— непонятно только: что помешало полиции взять судно на буксир и отвести его в порт?..

Мы собирались уже уходить с брошенного судна, как один из матросов доложил капитану, что ему показалось, будто возле лебедки под ворохом рогож что-то шевелится.

— Верно, крысы,— предположил капитан,— ведь теперь они здесь единственные хозяева.

Однако мы все направились к лебедке и стали растаскивать рогожи из рисовой соломы. Под одной из них мы нашли полуобнаженного человека в одних холщевых штанах. Это был старик-китаец. Его тело, почерневшее от загара, исхудало настолько, что казалось высохшей мумией трехтысячелетнего погребения. Бронзовая кожа так туго обтягивала лицо, что просвечивала на выступавших скулах, как бледножелтый воск. Нижняя губа, искусанная зубами, отвисла и распухла, как морская губка. Тощие, скрюченные руки нелепо подергивались, как у куклы из китайского театра теней.

Старик, не поднимая опущенных век, что-то невнятно бормотал, и нам казалось, он просил воды. Мы положили умирающего на рогожу и перенесли на моторный бот.

* * *

Спустя несколько месяцев одна из владивостокских больниц переслала мне тетрадь, содержавшую запись беседы с выздоровевшим китайским подданным, который уже выписался из больницы и уехал к себе на родину. Я придал этой записи некоторую последовательность и теперь предлагаю ее читателям:

«Меня зовут Ли Сяо-энь. Мне шестьдесят два года. Я родился на острове Формоза за восемь лет до прихода туда японцев.

Когда японцы пришли и стали захватывать все самое лучшее и ценное на острове, отец мой сказал: «Тучи приходят и уходят, а небо остается». Отец верил, что японцы скоро будут изгнаны с китайской земли. Однако японцы не собирались уходить. Они закрыли китайские школы и не позволяли печатать китайских газет и книг.

Японцы во всем подражали европейцам и в городах загнали нас в грязные кварталы за каменные стены и колючую проволоку. Моего отца они прогнали с его крохотного клочка рисового поля, потому что собирались поблизости возводить батарею крепостных орудий. И отец был вынужден идти в услужение к новым японским хозяевам. (Кому не приходилось наклонять головы под низким навесом?) Отец выращивал у них сахарный тростник, упаковывал на заводе ящики с ананасными консервами, рубил в лесу камфарные деревья и гнал из них масло.

В тот год, когда меня отдали учиться в школу, на наш остров завезли холеру.

Я помню мой первый день в школе. Учитель-японец заставлял меня повторять за собой фразы по-японски: «Я — бедный китайский мальчик. Перед тем как сюда пришли добрые японцы, я погрязал в невежестве, как буйвол в топком болоте. Теперь мой великодушный учитель учит меня полезным вещам».

Мне было трудно выговаривать японские слова, и учитель перед всем классом испробовал на моих пятках свою новую бамбуковую палку.

Возвратясь из школы, я застал наш дом в огне. Рядом с ним горело еще несколько домов. Японские солдаты оцепили их и поливали из пожарной кишки. Я думал, что они поливают водой, черной от ила, но они поливали мазутом. И солдаты стреляли в тех, кто пытался спасать свое добро из огня. Я видел, как под их выстрелами упал наш соседкули. Он вынес из огня самое ценное, что имел: курильницу предков и бронзовую фигурку бога счастья.

Потом я узнал, как все это произошло.

Мой отец болел несколько дней после того, как его обварило паром на сахарном заводе. Японский полицейский, обходя квартал, донес, что отец заболел холерой. Наш дом сожгли и в нем — заживо моего отца. Дом соседей тоже сожгли, чтобы не пустить дальше «холеру».

После этого жители китайских кварталов стали прятать трупы умерших от холеры, от голода или от старости и тайно хоронить их по ночам.

* * *

Со смертью отца я остался один и лишился домашнего очага. Знакомый владелец сампана взял меня к себе на службу матросом за одну чашку риса в день. Мы перевозили с острова на китайский берег соль и уголь, но в двойных днищах сампана хозяин постоянно припрятывал опиум, скатанный в шары, как для игры в кегли.

К восемнадцати годам я уже плавал на крупных парусниках и моторных судах, а еще через пять лет мог держать испытания на шкипера. Но меня не влекло море. Мне хотелось обзавестись семьей и работать на рисовом поле, как когда-то работал мой отец. Я стал копить деньги и женился, когда мне было уже за сорок лет.

К этому времени я купил у японского помещика, распродававшего земельные излишки, участок рисового поля, заплатив четвертую часть его стоимости и обязуясь ежегодно погашать оставшуюся задолженность вместе с большими процентами.

Мой участок поля находился в долине между Киилуном и Тайпэ. В длину он имел двадцать шагов и в ширину пятнадцать, если его измерять шагами женщины, у которой ноги были забинтованы с детства, чтобы сделать ее движения хрупкими и пленительными.

Мне оставалось уже совсем немного выплатить долгу, когда японцы внезапно напали на американцев и англичан.

Мы не верили в победу Японии и не хотели ее.

Смельчаки думали, что Япония — это овца в шкуре тигра, которую растерзают волки. Японцы считали такие мысли опасными и отрубали их вместе с головами, в которых они зародились.

Война в самом начале нам принесла разочарование.

Японцы вскоре доставили на наш остров под конвоем, как военнопленных, английского губернатора Сингапура, а спустя немного времени и американского губернатора Филиппинских островов.

Но с того дня, как в нашем порту Шинчику упали первые бомбы американских летающих тигров и все портовые дома, краны и склады превратились в обломки, переплетенные вместе, словно выброшенные на берег после шторма листья морской капусты, мы поняли, что военное счастье отвернулось от японцев, как гулящая волчица от недокормленных волчат.

* * *

Мы встретили американских солдат праздничным шествием с флагами, флейтами, барабанами и бумажными фонариками. Девушки надевали им на шею венки с вплетенными цветами лотосов. Китайский народ ожидал, что американцы вернут ему все, что награбили у него японцы в течение пятидесяти лет.

На острове оставалось после них около четырехсот фабрик и заводов. Американцы прибрали их к своим рукам.

Они позволили гоминдановским генералам вывезти с острова все запасы сахара и продать их в Шанхае с большой прибылью, а нам привезли свой сахар с Филиппинских островов и продавали его в несколько раз дороже прежней цены.

Они позволили гоминдановским чиновникам вывезти весь наш рис и выгодно продать его, а потом стали доставлять нам по дорогой цене свою кукурузу.

Меня они прогнали с моего участка поля, не заплатив ни одного гроша, потому что в этой долине вместо рисовых полей они собирались строить огромное каменное поле для своих летающих тигров.

Они срывали с наших крестьянских парней соломенные шляпы, надевали вместо них стальные шлемы и заставляли маршировать.

Мы надеялись, что навсегда избавились от японцев. Но американцы стали привозить к нам японских военных инструкторов, которые обучали наших парней палками и зуботычинами.

Когда деревенские парни, умевшие искусно пересаживать колосья риса или общипывать листья чайного дерева, научились стрелять из автоматов и пулеметов, американцы гнали их на большую землю сдерживать наступление китайской освободительной армии.

Нас, стариков, призвали на работу и обещали платить.

Мы осушали рисовые поля, мостили их камнем, который дробили руками, заливали его цементом, который месили ногами, и по пятьсот человек впрягались в многотонные катки, чтобы утрамбовывать взлетные дорожки.

Нашу работу американцы называли самой современной и дешевой техникой, потому что один галон бензина на их доллары стоил дороже, чем дневной труд десяти землекопов.

Я спросил однажды у американского надсмотрщика:

— Зачем вы строите летное поле, будто хотите оставаться здесь надолго?

Он ответил:

— Мы пришли сюда не для того, чтобы уходить. Здесь мы будем защищать Америку.

— А кто же угрожает напасть на вас через наш остров? — снова спросил я.

— Пошел прочь, желтая образина! — ответил он и замахнулся хлыстом.

На следующее утро при перекличке рабочих мое имя не выкрикнули по списку.

Ко мне подошел американский солдат из лагерной охраны.

Он сказал мне, понизив голос:

— В Америке, дружище, есть много честных американцев. И они скажут в свое время: «Руки прочь от Китая!»

И он пожал мне руку.

Я попрощался с семьей и пешком ушел в Киилун.

* * *

Здесь я подобрал рыбаков, и мы сообща взяли в аренду у одного китайского купца старое японское морское судно, доставшееся ему как трофей за «особые» услуги американцам. Судно мы приписали к порту под названием «Золотой дракон».

Из всей нашей команды, состоящей из пяти человек, один только Чжао умел обращаться с двигателем. Он был коренаст, как многие уроженцы южной части острова, и работал машинистом на нефтеперегонном заводе, пока американцы не поставили вместо него привезенного из Японии специалиста.

Как только небо дало рыбакам передышку после непрерывных ливней, мы вышли в океан с недельным запасом риса и пресной воды. Впервые за много дней мы увидели наконец утром чистый горизонт и встающее солнце цвета бычьей крови, и Чжао заметил, что это добрая примета при лове сардин.

Фу Тан, пожилой, сутулый мужчина, никогда прежде не был рыбаком. В молодости он бегал по улицам Тайпэ с коляской и возил на ней японских чиновников и английских купцов. Но после того как однажды он сломал ногу, когда пьяный английский бездельник, которого он вез, заставил его состязаться в быстром беге с другим рикшей, он продал коляску за ненадобностью и поступил в порт грузчиком.

Однако с годами больная нога заставила его искать более легкой работы, и он долгое время плавал палубным матросом на каботажном угольщике. Поэтому у нас, на судне, он был поставлен у лебедки.

Несмотря на позднюю женитьбу, у него уже было пять душ детей.

Два остальных члена нашей команды: Син Вэнь, длинноногий, как болотная цапля, и Ма Инь-чу, в котором уживались вместе благочестие и сквернословие,— были опытными рыбаками. Но один из них, Син Вэнь, рыбачил только на реках, плавая на весельных джонках. Оба они были еще молоды, оба — холостяки.

Мы ушли за полтораста миль на север и начали лов кальмаров. Так как наша команда была малочисленна, то я исполнял обязанности шкипера, рулевого и командовал выброской траловых сетей.

Мы с утра до полудня тралили кальмаров, потом разделывали их, выскребывая из их «чернильных мешочков» сепию, солили и вялили под палящим солнцем. Ночью ложились в дрейф, и каждый из нас до утра по очереди нес вахту.

На третий день охоты, ранним утром, Фу Тан работал на лебедке, уже выбрал из воды вайера и осторожно подтягивал к борту сети с уловом; длинноногий Син Вэнь неожиданно почувствовал себя плохо.

Несмотря на то, что судно едва заметно покачивалось на легкой зыби, которую нагнал слабый ветер, тянувшийся с зюйд-веста, Син Вэня тошнило, и во время поднятия на палубу улова он часто перегибался за борт.

— И зачем тебе только было соваться сюда? — ворчливо сказал ему Фу Тан.— Плавал бы спокойно на речных джонках. Рыба, привыкшая к пресной воде, никогда не выходит в море.

— Желтобрюхая черепаха,— презрительно вставил Ма Инь-чу, которому теперь приходилось работать за двоих.

— Оставьте его,— вмешался я.— Пусть он идет в кубрик.

— Там отлежишься немного,— сказал затем я ему.— Под моей койкой в бутылке найдешь остатки водки.

В полдень Чжао по нашему распорядку остановил двигатель и спустился в кубрик за котелком, чтобы приняться за варку риса. Когда он вернулся в камбуз и начал растапливать печь сухими водорослями, я спросил у него:

— Как там себя чувствует Син Вэнь?

— Лежит, как гладильная доска,— насмешливо ответил Чжао.— И кожа у него на руках и пальцах сморщилась, как у прачки.

— Черепашье яйцо! Ему бы только и быть прачечником да стирать белье на речке,— добавил Ма Инь-чу, вытирая пот, обильно струившийся из-под широкополой соломенной шляпы по обнаженным плечам и спине.

Тогда я сам сошел в кубрик.

Здесь стояла знойная, парниковая духота.

Я нашел Син Вэня лежавшим на койке без движения, с полузакрытыми глазами. Кожа на его голой груди и животе казалась фиолетовой, словно от ушибов после кулачного боя. Губы пересохли, нос заострился, и кончик его посинел. Так же посинели и кончики пальцев у ногтей.

Я спросил у него:

— Нужно ли тебе что-нибудь, Син?

Он едва-едва смог покачать головой.

— Холодно,— проговорил он тихим, срывающимся голосом.— Очень холодно.

Я накрыл его одеялом, сшитым из старых джутовых мешков, и поднес к его губам чашку.

— Выпей еще водки,— сказал я ему, вытирая ладонью пот со своего лица.— Согреешься.

За обедом, когда мы съели по горсточке риса и принялись за щупальца кальмаров, обжаренные в жире, который Чжао вытапливал из печенок молоденьких акул, попадавшихся в наши сети, я объявил команде, что если к вечеру Син Вэню не станет лучше,— ночью мы ляжем на обратный курс в Киилун.

— А как же быть с нашей охотой? — нерешительно сказал Ма Инь-чу.— Удача не всегда повторяется дважды.

— Да, охота идет слаженно,— поддержал его Чжао.— Син Вэнь, должно быть, объелся вчера. Я видел: он из одной чашки пил акулий жир, а из другой — запивал его чаем.

— Хозяин «Золотого дракона» не спросит, почему мы вернулись,— сказал Ма Инь-чу, горячась.— Он потребует у нас денег. Только денег.

Фу Тан в продолжение разговора молчал. Нахмурившись, он неторопливо выбивал пепел из трубки и ногтем мизинца очищал ее края от нагара.

Мы запили обед рисовым отваром и собрались уже расходиться.

Тогда я сказал твердо:

— Син Вэнь заболел не от обжорства. Он, наверное, отравился чемнибудь. И если к вечеру ему не станет лучше, мы пойдем в Киилун и сдадим его в портовую больницу. И денег дадим на лечение.

Тут Фу Тан хлопнул меня по плечу.

— Верно говоришь, старый Сяо Энь!..— сказал он.— Помню, как-то раз в доке хозяин прогнал с работы одного нашего товарища, который заболел, надорвавшись при разгрузке парохода. Мы, грузчики, объявили хозяину забастовку. Двадцать один день бастовали, пока хозяин не оплатил больному товарищу лечение в больнице. Да, тогда мы крепко стояли все за одного.

Вечером, когда уже вызвездило небо, мы окончили укладку в трюм завяленных кальмаров, и я пошел навестить Син Вэня.

Мимо нас на расстоянии полумили проходил трехпалубный пароход водоизмещением не меньше двадцати тысяч тонн. Все его палубы были ярко освещены, и сиявшие иллюминаторы отражались в темной воде искрами праздничных ракет. С парохода доносилась музыка, какую я слышал в Тайпэ, когда проходил издали мимо гостиницы «Маджестик», где останавливались европейцы.

Перемена, которая произошла в Син Вэне за эти несколько часов, меня сильно встревожила.

У него ввалились щеки и глубоко запали глаза, обведенные темными кругами. Лицо осенила скорбь, будто он был актером ярмарочного театра и надел на себя маску, изображающую дух обезьяны. Его дыхание участилось, и длинные ноги, сведенные судорогой, не помещались на койке и торчали из нее деревянными ходулями.

Я выбежал на палубу и приказал Чжао быстро заводить двигатель, хотя и понимал, что нам уже не доставить бедного Син Вэня до Киилуна.

И тут мне пришла одна мысль. Я взбежал на мостик, что над штурвальной рубкой, и начал бить в гонг, как при густом тумане. С парохода нас тотчас же осветили ослепительными лучами прожектора. Тогда я поднял на мачту флажки, которые запрашивали неотложную врачебную помощь. Луч прожектора задержался некоторое время на флажках, а потом погас и больше не зажигался.

Пароход продолжал идти своим курсом, и музыка медленно удалялась вслед за ним.

— Напрасно ты старался, добрый Сяо Энь,— сказал мне Фу Тан.— Хоть и ночь, а сразу видно, что пароход этот плавает под английским флагом. Я хорошо знаю англичан.

«Золотой дракон» развил полный ход, зарываясь носом в пенистую зыбь, как крот в рыхлую землю.

Я проложил курс на Киилун и сам стал у штурвала. Фу Тан помогал Чжао выжимать из двигателя обороты. Ма Инь-чу растирал высушен-

ного трепанга, собираясь приготовить из него настойку, чтобы отпаивать больного Син Вэня.

Через два часа напряженной гонки мы увидели ходовые огни грузопассажирского парохода, шедшего встречным курсом, но с отклонением на запад. Тогда я сошел с нашего курса и направил «Золотого дракона» на сближение с ним.

Спустя полчаса мы поровнялись с пароходом настолько, что на борту его не только услышали наш барабан и гонг, но и разобрали все, что кричал Фу Тан в рупор по-английски. Пароход остановился, и мы подошли к нему еще ближе.

Вскоре из темноты до нас донеслось стрекотание небольшого бензинового двигателя, и к нашему борту подошла моторная шлюпка. На ее носу стоял человек в белом халате.

Он запросил название нашего судна и порта приписки. Потом назвал свой пароход. Это был пароход норвежской чайной компании. А человек в белом халате оказался врачом, случайно находившимся среди пассажиров. С ним кое-как объяснялся по-английски Фу Тан.

Мы спустили трап, и врач поднялся на палубу. Фу Тан проводил его в кубрик. Но не прошло и минуты, как они оба вышли назад.

Врач сказал, что Син Вэню осталось жить не больше часа, и тотчас же перешел на свою шлюпку. Оттуда он продолжал говорить со мной, а Фу Тан — переводить.

Он сказал, чтобы мы зашили труп нашего товарища в ткань, промасленную нефтью, и привязали бы к нему тяжелый груз, который потянул бы его быстро ко дну. После этого мы должны забить ход в кубрик и не выносить оттуда никаких вещей, пока кубрик не обезвредят газом. Палубу смазать нефтью и перекипятить запасы пресной воды.

Врач снял с себя халат и ботинки. Завернув ботинки в халат, он привязал сверток к пробковому кругу, который спустил на воду со шлюпки, и приказал своему матросу облить сверток бензином и поджечь. Потом достал из аптекарского ящика бутылку с каким-то лекарством и обмыл им свои руки и лицо. Протягивая мне эту бутылку, он сказал:

— После того, как опустите труп за борт, тщательно проделайте то же самое.

Он пожелал нам здоровья, и моторная лодка отчалила в темноту.

— Мы запросим для вас по радио врачебную помощь,— послышался его удалявшийся голос.

Я поспешно крикнул вслед:

— Не надо! Этого делать не надо! Прошу, не делайте этого!

Фу Тан повторял за мной, выкрикивая слова по-английски.

Я не услышал ничего в ответ, и мне казалось, что стрекотание двигателя заглушало наши слова.

☆ ☆ ☆

Мы продолжали путь на Киилун.

На рассвете наша гонка прекратилась, когда в штурвальную рубку ко мне вошел Ма Инь-чу и, не глядя на меня, сказал, что Син Вэню больше не нужна трепанговая настойка.

Чжао застопорил двигатель, и на «Золотом драконе» наступила тишина, как подобает дому, где есть покойник. Три акулы, неотступно следовавшие за нами, стали шнырять возле наших бортов.

Я с Фу Таном, промаслив нефтью рогожу, зашил в нее длинное тело Син Вэня и к его ногам привязал запасный якорь. Ма Инь-чу зажег курение и, ударив один раз в гонг, начал молча читать молитву. В то же время Чжао бросал за борт вяленых кальмаров, чтобы отвлечь акул. И акулы стремительно бросались на добычу, мгновенно заглатывая ее.

Улучив момент, я поднял тело товарища и опустил его за борт ногами вниз. Фу Тан перекинул якорь. От всплеска тяжелого якоря одна из акул метнулась к борту и тотчас же устремилась на глубину за телом Син Вэня.

Мы все замерли, свесившись у борта, словно хотели помочь Син Вэню быстрей добраться на дно вечного успокоения, прежде чем его настигла бы прожорливая акула.

Теперь нам не было нужды торопиться в Киилун, но мы сообща решили идти туда, чтобы изгнать заразу с «Золотого дракона», переменить пресную воду и пополнить запасы топлива.

Фу Тан сменил меня у штурвала.

Я с тоской следил, как за кормой два острых акульих спинных плавника резали поверхность воды. Я всматривался вокруг, но нигде не мог обнаружить третьей акулы.

Я зашел в рубку к Фу Тану.

— Как ты полагаешь,— спросил я у него после некоторого раздумья,— этот врач слышал, что мы кричали ему?

— Нет,— хмуро ответил Фу Тан.— А если бы и услышал,— какой был бы толк от этого? Он все равно бы сообщил в Киилун. И вообще он сообщит во все порты.

— Не нужно было никого звать,— сказал я.— Я поступил сгоряча...

— Теперь поздно об этом,— прервал меня Фу Тан.

Потом он обернулся ко мне.

— Возьми штурвал, Сяо Энь,— проговорил он глухо, выпуская из рук штурвальное колесо.— Меня что-то тошнит, и кружится голова.

Я увидел на его лице матовую бледность, как на плохо отшлифованной слоновой кости. Но, должно быть, в этот миг я побледнел еще больше, потому что он спросил у меня:

— Что с тобой, Сяо Энь? Ты побелел, как яичная скорлупа.

☆ ☆ ☆

После полудня прямо по нашему курсу поднялись из воды горные вершины острова и почти одновременно справа по борту показался на горизонте черный дымок. Дымок стал приближаться к нам, и через некоторое время мы увидели небольшое военное судно, несшее, повидимому, патрульную службу.

Судно шло с предельной скоростью, потому что его трубы усердно выбрасывали густые клубы дыма, ставшиеся по воде вытянутыми кольцами гигантского дракона. На его корме развевался флаг с красными продольными полосами и белыми звездами по темносинему полю.

Я узнал американский флаг.

Было очевидно, что патрульное судно догоняло нас. Когда оно приблизилось настолько, что можно было различать сигналы, на нем подняли флаг: «Остановитесь, или я открою по вас огонь!» Мы остановились и ждали дальнейших приказаний.

Патрульное судно обошло вокруг нас и, развернувшись правым бортом, остановилось в той близости, которая допускала переговоры без рупора.

После того как на нас были направлены пушка и пулеметы, на мостике появился американский офицер с переводчиком.

— Кто у вас капитан?! — крикнул офицер.

Я подошел к борту и представился.

Офицер развернул лист бумаги и пробежал его глазами.

— Четверо суток назад,— обратился он ко мне через переводчика,— вы оставили внутренний рейд Киилуна, имея у себя на борту экипаж в четыре человека, не считая вас. Я приказываю выстроить весь ваш экипаж вдоль борта.

— Что вы намерены делать, господин? — спросил я, глядя на пулемет, который брал прицел на меня.

— Спрашивать буду я,— сказал офицер,— а вам следует только отвечать.

Ко мне подошли Чжао и Ма Инь-чу.

— Вот весь мой экипаж,— сказал я, указывая на них.

— А где еще двое? — спросил офицер.

— Один умер,— ответил я,— а другой болен и не может подняться с койки.

— Кто умер от холеры? — спросил офицер, заглядывая в свой лист.

Я не сразу ответил.

Переводчик повторил вопрос.

— Син Вэнь,— ответил я, стараясь говорить спокойно.

Офицер что-то отчеркнул в листе.

— А кто болен холерой?

— Фу Тан,— ответил я.— У него на берегу осталось пятеро детей...

— Это меня не касается,— сказал офицер.— Они не значатся в моем списке.— Он что-то еще отчеркнул у себя: — Вот что, капитан, если вы не хотите, чтобы я пустил ко дну вашу скорлупу вместе с людьми и крысами, то отправляйтесь немедленно в Таито, держась не ближе трех миль от берега. Там вас встретят и поставят в карантин. А вот этот флаг вы немедленно поднимете на мачту. Если спустите, мы вас расстреляем.

— Слушаю, господин,— ответил я.

Мне перебросили пакет, в котором находился желтый флаг.

☆ ☆ ☆

Мы уже шли несколько часов вдоль восточных берегов Формозы, стараясь держаться в небольшом отдалении от них, Чжао не выходил из машинного отделения, я в рубке не отходил от штурвала.

Над нами развевался желтый флаг. В синей выси он казался блеклым, будто полинял от долгого полоскания в небе. Встречные суда, завидя издали наш флаг, отворачивали вправо или влево, обходя нас не меньше, чем на милю.

И только две акулы продолжали плыть за кормой, словно мы тащили их на привязи.

Жара уже спадала, когда я почувствовал запах дыма, принесенный слабым порывом ветра ко мне в рубку. И казалось, дым шел из трюма. Я глубоко втянул в себя терпкий запах и тогда понял, что это Ма Инь-чу зажег свою траурную курильницу.

Потом я услышал одинокий удар в гонг. Я высунулся из рубки.

Ма Инь-чу, одетый в выстиранную белую холщевую рубаху и штаны, суетился вдоль борта.

— Прочь, прочь! — кричал он кому-то за борт, тыча в воду длинным багром.

Я окликнул его.

Он отбросил багор и закрыл лицо руками.

— Они, они,— испуганно бормотал он,— бросились за его телом. Я хотел похоронить Фу Тана... Я хотел, как лучше...

— Успокойся,— сказал я ему.— Ты поступил хорошо. Они не догонят его.

Он подошел ко мне.

— У него осталось пятеро детей!..— почти выкрикнул Ма Инь-чу.

— Это... меня не касается,— строго сказал я.— Там в бутылке осталось еще лекарство. Обмой себе руки и лицо.

И я захлопнул дверь рубки.

Мы приближались к скалистому мысу, на котором возвышался белый восьмиугольный маяк. Между мысом и каменной опасностью лежал узкий пролив. Я взял левей, прижимаясь к подводным скалам, чтобы обойти мыс подальше от берега.

На траверзе маяка ко мне в рубку постучался Ма Инь-чу. Он приполз на животе.

— Разве не слышишь, Сяо,— злобно сказал он,— что по нас стреляют!

— Это тебе кажется,— успокоительно ответил я.— Мне не слышно выстрелов.

— Они стреляют из маяка, эти тухлые яйца в стальных шлемах!

Тут я услышал, как мою рубку пробили две ружейные пули.

Я приказал Чжао дать «самый полный», хотя и было это очень рискованно из-за подводной опасности, и продолжал идти проливом. Я не мог повернуть круто на борт и уйти в океан, потому что посадил бы «Золотого дракона» на камни, которые огораживали мыс подводной стеной.

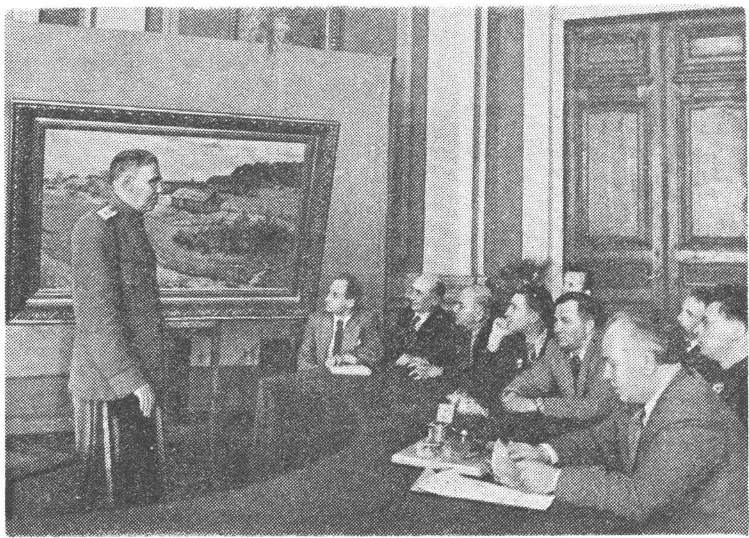
Частые пули с сухим треском расщепляли доски палубы и дырявили борт, пока узкий пролив не выпустил нас на океанский простор.

Наши баки с пресной водой были пробиты в нескольких местах, и Ма Инь-чу, прятавшийся от пуль в трюме, заметил это, когда из них вытекла почти вся вода.

— До карантина осталось теперь немного,— успокаивал он меня.— А там все равно нам не позволили бы пить эту воду.

Мигающие огни гавани Таито показались одновременно с мигающими звездами ночного неба. По темной зыби океана блуждал голубой луч

Профессор-студент

Сергей Владимирович Земблинов — крупнейший специалист железнодорожного транспорта, доктор технических наук, генерал-директор движения 2-го ранга. Он возглавляет государственную экзаменационную комиссию в Ленинградском институте инженеров железнодорожного транспорта. На первом снимке: С. В. Земблинов принимает защиту дипломного проекта у студента-выпускника Ю. И. Лисицына.

Профессор Земблинов сам учится экстерном в Институте имени И. Е. Репина Академии художеств СССР. Он сдал все теоретические предметы и под руководством академика живописи Б. В. Иогансона написал дипломную картину «Далекий уголок родины». На втором снимке: государственная экзаменационная комиссия в Институте имени И. Е. Репина, возглавляемая членом-корреспондентом Академии художеств профессором В. А. Серовым (справа), принимает защиту дипломной работы студента-профессора С. В. Земблинова.

Фото Д. Трахтенберга

прожектора с военного корабля. Освещая рыбацкие сампаны и шхуны, он надолго задерживался на них и бежал прочь в ночную мглу.

Наткнувшись на нас, луч остановился, поднялся на мачту, где бился желтый флаг, как коршун, привязанный за лапу, и затем снова опустился на палубу. Цепко, не выпуская нас, луч становился все ярче и ярче по мере приближения к нам военного судна.

Американское сторожевое судно, поровнявшись с «Золотым драконом» и продолжая идти с ним тем же курсом, освещало в упор его палубу.

Из непроглядной тьмы, уплотнившейся позади яркого прожектора, послышались два голоса: один говорил по-английски, другой, как эхо, повторял китайские слова.

— Поворачивайте обратно! — кричали два голоса.— Назад, в Киилун!

Я временно поставил у штурвала Ма Инь-чу и вышел из рубки для переговоров.

— Нам приказано,— кричал я в ответ,— прибыть в Таито и стать в карантин!

— Прочь отсюда! Здесь карантин только для белых!

— Но у нас нет ни лекарств, ни продовольствия, ни пресной воды!

Из тьмы заполыхали вспышки огоньков и гулко затрещала пулеметная очередь.

— Если сейчас же не повернете назад, расстреляю судно! — закричали два голоса вслед за выстрелами.

Я кинулся обратно к рубке. Распахнув дверь, я едва не упал, споткнувшись о лежавшее возле штурвала тело Ма Инь-чу. Из-под его головы стекал на палубу ручеек крови, озаренной ярким лучом прожектора.

* * *

Мы похоронили Ма Инь-чу перед рассветом, когда низко склонившаяся ущербленная луна казалась бледной и хилой, как роза, расцветающая зимой. Тех двух акул уже не было возле наших бортов.

Утром мы приблизились к Киилуну. Нас поджидало в открытом океане то же самое военное судно, что и накануне.

Я сказал в рупор американскому офицеру:

— Вчера в Таиго нас встретили... пулеметным огнем и убили товарища.

— Я ни о чем вас не спрашиваю,— ответил американский офицер.— Следуйте за нами и не пробуйте отговариваться отсутствием топлива. Будет хуже, если вы принудите взять вас на буксир.

— Куда вы хотите вести нас, господин?

— В карантин.

Мы пошли в кильватер за патрульным судном, удаляясь от берегов Формозы и держа курс на северо-восток в открытый океан.

Мы с Чжао не спали третьи сутки, и некому уже было сменить нас. Чжао жаловался на усталость, и его все время клонило ко сну. Он часто не отзывался из машинного отделения на мои сигнальные звонки, но двигатель все время работал исправно, как будто знал, что ему нельзя остановиться, пока он не поглотит последние капли горючего.

Я утолял голод вялеными кальмарами и очень бережно пользовался суточным рационом питьевой воды. К полудню появились тигровые акулы. Их было много. Они держались теперь стаями по обоим бортам.

Я с трудом справлялся у штурвала, потому что за трое суток непрерывного стояния у меня отекли ноги.

Говорят, самая длинная дорога та, на которой падают. Мы шли этой дорогой, и шли неизвестно куда.

Сбоку на откидном столике лежала карта, и я видел, что мы пересекли уже главный путь пассажирских и грузовых пароходов, идущих из Иокогамы и Кобе, и все продолжали идти на северо-восток к тридцатой параллели.

Перед заходом солнца наш двигатель остановился. На мой вызов звонком Чжао не отозвался. Тогда я сбежал в машинное отделение и нашел Чжао лежащим ничком на бамбуковой подстилке. Я не стал его будить и проверил топливные баки. В них не оказалось горючего.

Я кинулся на нос.

Патрульное судно, оторвавшееся от нас, уже повернуло назад и подходило к «Золотому дракону», безвольно покачивавшемуся на медлительных волнах мертвой зыби.

— У нас кончилось топливо! — крикнул я офицеру, появившемуся на мостике.— Мы готовы принять буксирный конец.

— В этом нет необходимости,— ответил офицер.— Здесь будет ваш карантин. Через двенадцать суток вас снимут, если найдут возможным. Ну, а судно придется потопить. Впрочем, это касается его хозяина, который будет получать страховую премию...— офицер остановился и откашлялся.—А вы мне нравитесь, капитан. Вы малый исполнительный...

— А как же быть с пресной водой?! — поспешно сказал я.— У нас осталось воды всего на трое суток! И кончился рис... и нет лекарств, чтобы обрызгать кубрик и палубу! И видите, вокруг — акулы...

— Ничего не могу поделать,— ответил офицер.— У меня на этот счет нет никаких указаний. Ну, прощайте. Желаю вам не попасть на обед к акулам.

Патрульное судно прибавило ход, и вскоре черный дым стал застилать пенистые буруны, оставляемые за кормой гребными винтами.

Я подошел к мачте и сделал на ней ножом зарубку, чтобы с этого момента начать счет дням нашего карантина.

Потом я спустился в машинное отделение и стал будить Чжао. Он не просыпался. Тогда я перевернул его на спину.

Его тело не согнулось. Кулаки были сжаты, зубы стиснуты, глубоко запавшие глаза сощурены. Нос, губы и веки почернели.

— Чжао!! — закричал я, не узнавая своего голоса.— Что же ты сделал, Чжао?!.

Ночью я похоронил последнего товарища, с трудом подняв и перекинув его тело через борт. От слабости я не мог уже зашить тело в рогожу и привязать к нему груз.

— Чжао,— обратился я к нему в последний раз,—прости меня, Чжао. Я ослабел и не могу достойно тебя похоронить.

Я отошел от борта и не стал смотреть, как его тело терзали акулы.

* * *

Я перестал считать дни после того, как на мачте сделал ножом двенадцать отметин. С последней отметиной я спустил желтый флаг и выбросил его за борт.

Я много дней уже был лишен воды. Потом отказался и от пищи, потому что вяленые кальмары еще сильней возбуждали жажду.

Воздух недвижим. Манильские тросы, казалось, тлели и дымились на солнце.

Крысы теперь попадались всюду и днем и ночью. Они дохли от жажды и в поисках влаги пожирали друг друга.

Меня сковала неподвижность, и глаза заливала красноватая мгла. Я потерял счет дням и, лежа под рогожами, отличал наступление ночи только по легкому спаду жары.

Прежде чем я полностью потерял сознание, меня преследовало одно и то же воспоминание. Я непрестанно слышал над ухом слова американского надсмотрщика.

Он говорил мне:

— Мы пришли сюда не для того, чтобы уходить.

И я отвечал ему:

— Неправда! Мы знаем, наше освобождение теперь близко. Оно идет с севера...

Отец мой говорил верно: «Тучи приходят и уходят, а небо остается». И я видел уже над собой это безоблачное китайское небо и радовался и улыбался ему».

Решено. Я подписываюсь: Райнис.

Тайный советник барон фон Мейендорф, наместник в Латвии, вызвал к себе поэта и предложил ему написать оду в честь царя.

Поэт Райнис посмотрел прямо в глаза высокомерному немцу и отказался. Мейендорф напомнил ему о славе Гете. Ведь Гете жил при дворе и выполнял многочисленные государственные «заказы».

— Благодарю вас за лестное сравнение, но я не имею чести претендовать на вакансию Гете при дворе.

Поэт отказался писать оду.

Таков один из значительных эпизодов фильма о жизни поэта Райниса — примечательной и яркой, о его борьбе за свободу и счастье латышского народа.

Фильм «Ян Райнис» по одноименному сценарию В. Рокпелниса и В. Крепса производства Рижской киностудии художественных фильмов рассказывает о национальном поэте Латвии. В действенном развитии конфликтов в фильме всесторонне показаны мрачные годы реакции и борьба рабочего класса против гнета и произвола.

Гнет этот Райнис называл тройным: немецкие бароны, самодержавная империя и латышская буржуазия. Борьбе с царским режимом и неправдой посвятил Райнис свою жизнь.

С большой впечатляющей силой разрешил постановщик картины лауреат Сталинской премии Ю. Райзман народные сцены в фильме. Они освещены огнем гнева и сопротивления латышских рабочих и крестьян. Лейтмотивом в этой величественной картине растущего революционного подъема, охватившего рабочий класс Латвии, звучат стихи Райниса:

Замолкнет голос, но в тот же миг
Другие десять подхватят крик.

Вот поэт приходит к рабочим после подавления забастовки на верфи. Он говорит старой женщине: «Есть два пути, мать. Один путь — это встать на колени. И есть другой — он бесконечно трудней. Это путь борьбы».

Райнис в фильме — поэт и трибун, революционер и романтик, выразитель лучших чаяний и надежд латышского народа, творец красивой сказки о человеке, который стал бессмертным, пройдя через тяжелые испытания жизни.

Режиссер Ю. Райзман пытливо и упорно работал над каждым эпизодом, добиваясь предельной сценической выразительности. К недостаткам этого своеобразного и яркого фильма нужно отнести несколько схематичные образы революционных сподвижников Райниса. В особенности это относится к эпизодам нелегального собрания на даче и встреч Райниса с рабочим-подпольщиком Александровым. Хорошо написанные в литературном сценарии эпизоды суда над Яном Райнисом не получили яркого осуществления в картине.

Рабочий момент съемки фильма «Ян Райнис». Сцена на лестнице. Аспазия — артистка М. Клетниеце. Райнис — Я. Грантинь.

...Петербургский адвокат, приглашенный подругой Райниса Аспазией, цитирует на суде невинные юношеские стихи поэта и вопрошает: «Где же здесь возмутитель спокойствия, политик и противник существующего строя?» Но Райнис не посчитался с апелляцией защитника и вместо последнего слова прочитал свои стихи «День страшного суда». Они пронеслись по залу, как дыхание бури, вызвали смятение среди присутствующих.

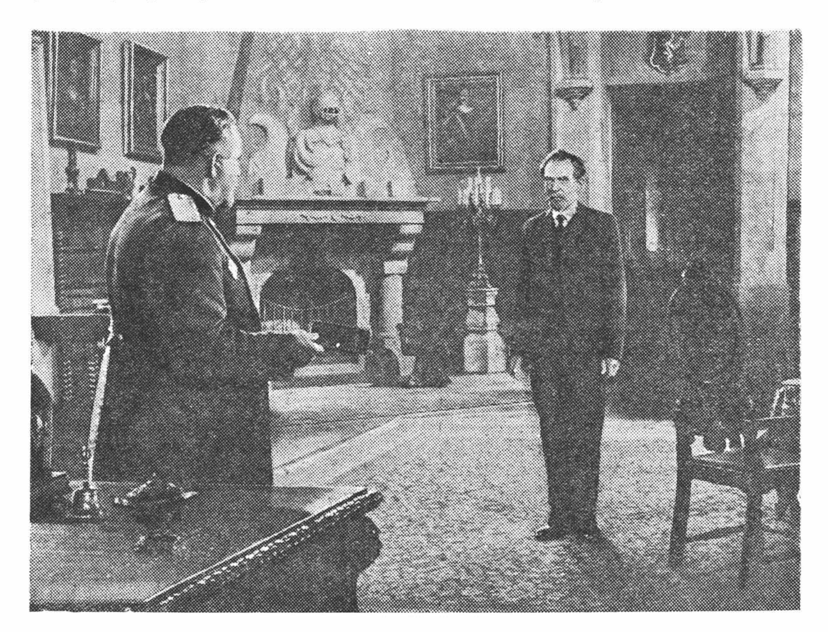
Председатель суда не может остановить Райниса:

— Я запрещаю вам... я лишаю вас слова!

Голос Райниса гремит:

Вас не укроет
И глубь болот,
Черней вы черных
Стоячих вод!

К сожалению, в фильме страсть обличителя Райниса превращается больше в декламацию, и поэтому сцена суда прозвучала недостаточно убедительно.

Кадр из фильма «Ян Райнис». Барон Мейендорф — Я. Осис, Райнис — Я. Грантинь.

Жизнь Яна Райниса — сложный путь романтика-поэта, познающего всю необходимость революционной, мужественной борьбы с черными силами реакции.

Поэт и писатель Плекшан в годы, предшествовавшие революции 1905 года, редактировал свободолюбивую газету, которая все же помещала довольно умеренные статьи, ибо пыл и темперамент редактора сдерживали его товарищи. Плекшан отправился в путешествие по Латвии. Однажды он встретил на дороге крестьянина, который вместо лошади сам впрягся в телегу и тащил непосильный груз. Это потрясло Плекшана: «Возьми деньги, купи себе лошадь».

Крестьянин отказался.

Вскоре Плекшан написал статью, призывающую к борьбе, к восстанию. Она была направлена против существующего порядка, звала к мести. Один из друзей редактора предложил подписать эту статью псевдонимом «Непримиримый».

— Нет, — ответил Плекшан. — Из всех встреч на моей дороге была одна, которую нельзя забыть! Я не видел человека беднее. Но больше его бедности была его гордость. Кто он такой? Его зовут Райнис. И в статье я многое сказал от его имени. Решено. Я подписываюсь: Райнис.

Так родилось новое имя поэта, которое стало гордостью латышского народа.

С большой вдумчивостью и убежденностью играет артист Я. Грантинь роль Яна Райниса. Смена чувств и переживаний поэта, переход от печали к радости, от гнева к торжеству победителя передаются молодым латвийским мастером сцены ярко и впечатляюще. Актриса Художественного театра Латвийской ССР М. Клетниеце сыграла поэтессу и подругу жизни поэта Аспазию с подлинным волнением, раскрыв многообразие чувств любящей женщины, постепенно осознающей, где настоящее место Райниса в жизни и в чем его конечная цель.

Трогательна и нежна Б. Индриксон, ученица средней школы, играющая Абелите, девушку из рабочей семьи. Она с неподдельной искренностью и горячностью передает свою веру в Райниса, в его слова о будущей счастливой жизни Латвии.

Картина «Ян Райнис» — значительное событие в культурной жизни Советской Латвии.

Вместе с такими этапными произведениями латышской прозы, как эпопея В. Лациса «В бурю» и роман писательницы А. Саксе «В гору», с пьесами Э. Григулис и А. Броделэ, сценарий и фильм о великом поэте Латвии Яне Райнисе утверждают прогрессивное движение советской латышской культуры.

Ян Райнис писал в своих стихах, воспевающих латышский народ:

Вздымай валы, упрямая стихия!
Нет, не порвешь ты паруса тугие.
Рычи, свисти, вступая снова в бой,
Но мы достигнем дали голубой.

Через несколько десятилетий продолжатели дела Яна Райниса, лучшие сыны и дочери латышского народа, при помощи русских братьев завершили великое освобождение своей родины.

И. ЧЕКИН

СОЗДАТЕЛЬ ТЕХНИКИ БУДУЩЕГО

Кирилл АНДРЕЕВ

Фото В. Евграфова

Завтрашний день наступил

Солнце садится за горизонт, и сумерки медленно падают на землю. Но, словно в ответ, ярко вспыхивают маяки, загораются огни бакенов в бухтах, на реках и каналах, зажигаются фонари на улицах городов. Этот непобедимый свет порождается самою тьмой: на маяках нет смотрителей, включающих лампы, никто не регулирует огней бакенов, нет фонарщиков, чтобы следить за фонарями,— все это вместо людей делает умный «электрический глаз».

На фабриках и заводах длинные линии сложнейших станков работают сами собой, без людей. Машины сами «читают» чертежи, производят обработку деталей, передают их на следующий станок, меняют инструмент и сами берутся за новое изделие. Всеми этими станками-автоматами управляют чудесные фотоэлементы.

Умные приборы следят за температурой печей во время плавки металла, бракуют окраску продукции — ведь фотоглаз различает оттенки цветов,— ведут счет готовых изделий, следят за чистотой воздуха, предупреждают несчастные случаи, сигнализируют о пожаре. И всем этим руководит мудрый «электрический глаз».

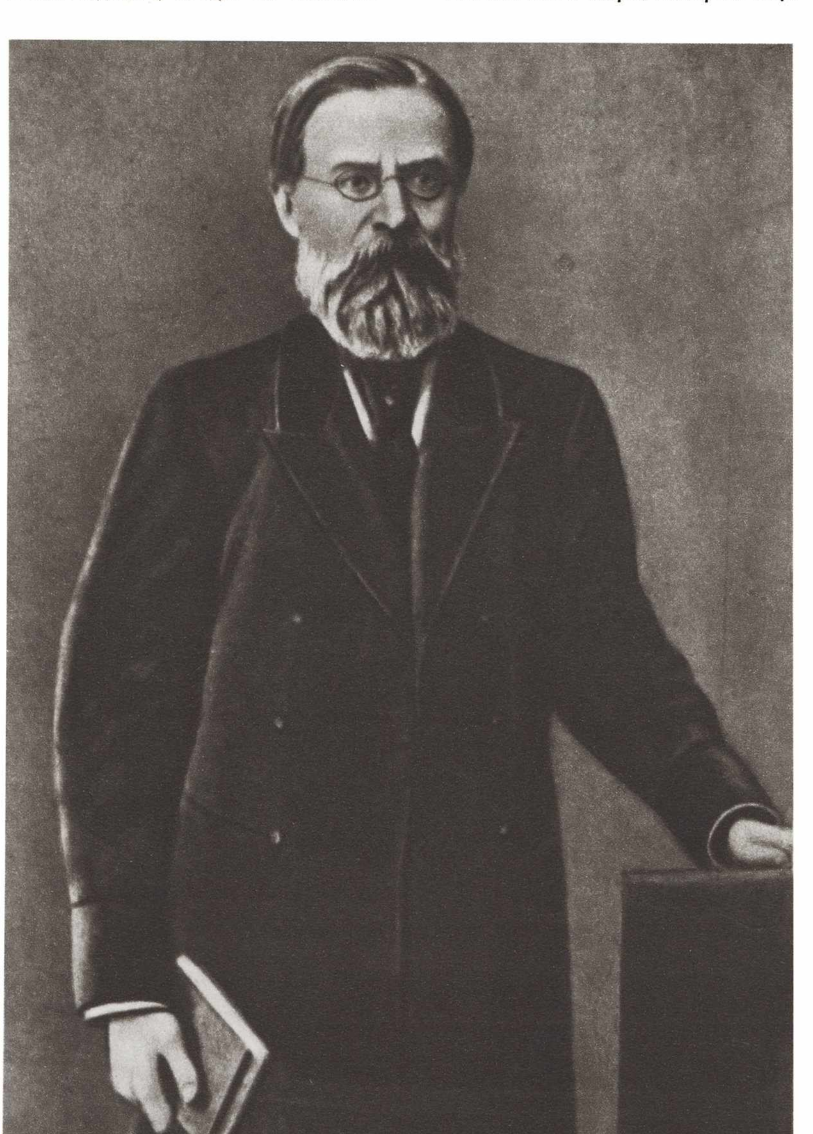
Наступает вечер. Миллионы, десятки миллионов людей входят в темные залы кинотеатров. И вот голубоватым светом озаряется экран, и воздух наполняется музыкой, человеческими голосами, пением птиц, шорохом листвы. Узкая целлулоидная лента говорит, плачет и поет, и звуки, давно записанные на пленке, пробуждаются к новой жизни волшебной силой фотоэлементов.

Но фотоэлемент только первый из огромной семьи электронных приборов, окружающих человека, «волшебных ламп» наших дней.

Во многих домах зажигается зеленый глаз радиоприемника, и голоса всего мира звучат в полированном ящике. На экранах телевизоров движутся и говорят люди, находящиеся далеко от нас.

Всем этим мы обязаны мудрым электронным приборам, в которых людям служат быстрые и послушные электроны.

Мы живем в мире, который еще полвека назад показался бы слишком чудесным авторам романов о будущем. Он создан трудом и гением многих людей, но начало ему положил тот, чье имя с каждым днем звучит все громче и горит все ярче. Человек этот — создатель техники будущего: электроники, автоматики, телемеханики. Его имя — Александр Григорьевич Столетов.

А. Г. Столетов (1839—1896).

Распыление электричества

Вернемся мысленно в девятнадцатое столетие и попытаемся по отдельным черточкам и словам, по воспоминаниям его друзей и учеников, представить себе того человека, кто всегда остается нашим бессмертным современником.

Мы видим маленькую комнатку в лабораторном корпусе Московского университета. Она освещена призрачным, дрожащим светом электрической дуги, наполнена шумом: жужжит и поет дуга, тихо гудит динамо, пыхтит старенький двигатель. Около лабораторного стола двое людей.

Один из них высокий, чернобородый, похожий скорее на сподвижника Ермака или Разина, чем на физика. Это Иван Филиппович Усагин, ассистент и верный помощник ученого. Склонившись над двигателем, он умелыми руками регулирует его ход.

Другой держится очень прямо, движения его размеренны и точны. На нем черный сюртук. Кто из учеников Столетова, доживших до наших дней, не помнит этот знаменитый сюртук, как будто вчера только полученный от портного. Лицо ученого строго, почти сурово.

Мотор останавливается. Гаснет мертвый голубой свет, комната погружается в тишину и полутьму — лишь горит керосиновая лампа, да откуда-то издалека доносятся звуки ночной Москвы: грохот извозчичьей пролетки по булыжной мостовой, ржавый скрип ворот. Но ученый видит только крохотный самодельный приборчик, расположенный на лабораторном столе, и прислушивается лишь к своим мыслям.

Прибор не сложен: в стеклянный баллон заключены два небольших металлических диска — один сплошной, другой сетчатый. От них выведены два провода. В цепь включен гальванометр. Вот и все.

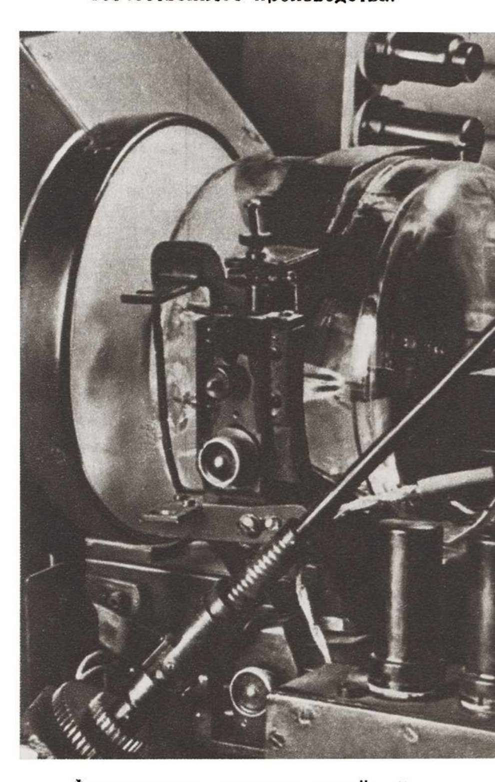
Усагин уверенным движением подключает батарею и смотрит на гальванометр. Но стрелка прибора неподвижна, тока нет, да и не мудрено: ведь цепь не замкнута, металлические диски разделены воздушной прослойкой.

Снова стучит двигатель, снова вспыхивает голубой свет. И вдруг — о чудо! — стрелка гальванометра начинает двигаться! В цепи ток!

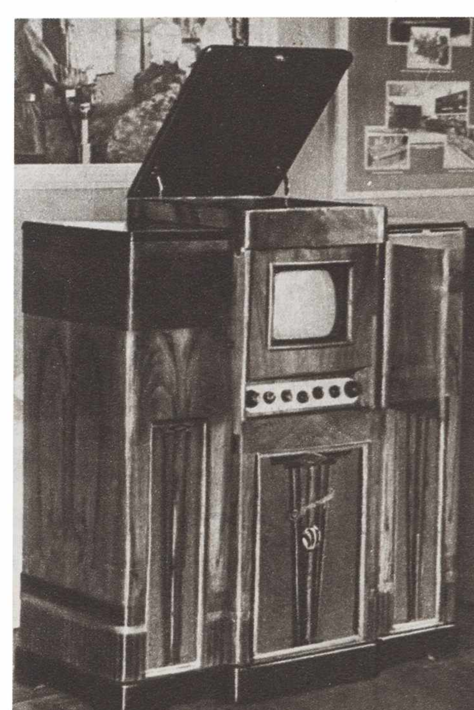
Столетов размышляет. Значит, отдельные электрические заряды уже не текут по проводнику, а свободно передвигаются в про-

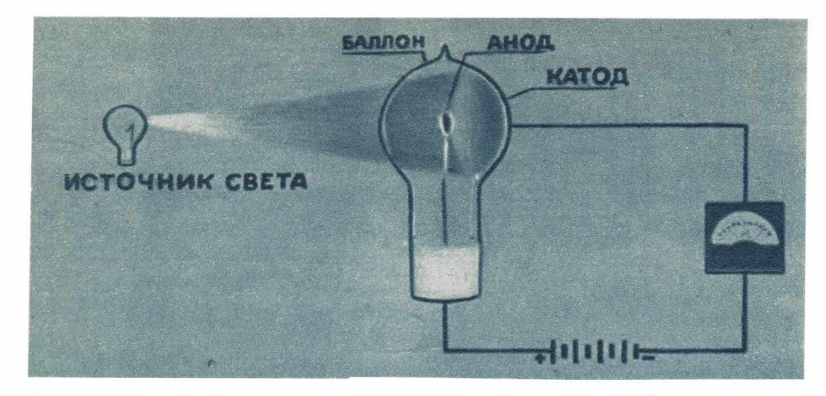
Передающая телевизионная камера отечественного производства.

Фотоэлемент телевизионной камеры, изображенной рядом.

Телевизор «Т-3» с приемником «Ленинград» и проигрывателем граммофонных пластинок, сделанный в Ленинграде.

Свет падает на катод — на покрытую металлом стенку фотоэлемента — и вырывает из металла электроны. Эти электроны устремляются к металлическому кольцу — аноду. Цепь батареи замыкается, и стрелка прибора отмечает появление тока в цепи.

странстве между дисками. Под действием света электричество как бы вышло на свободу. «Это можно назвать дроблением электричества»,— записывает Столетов.

— Теперь выключим батарею,— распоряжается он.

«Решающий эксперимент», как говорят ученые об опыте, открывающем науке новый путь.

Тонкий луч падает на маленький приборчик, проходит сквозь сетку и освещает второй диск. Лицо ученого, как всегда, бесстрастно, но он взволнован. Не отрываясь, он смотрит на гальванометр.

Стрелка как будто неподвижна. Но нет, она поворачивается—чуть-чуть, почти незаметно, однако достаточно, чтобы можно было сказать: в цепи есть ток.

Без батареи? Да, без батареи. Без динамомашины, без аккумулятора, без всякого источника электричества? Да, без всякого источника. Но разве это—не чудо? Чудо для всех современников Столетова, но не для него самого. Ведь это — завершение работ всей его жизни; когда-то в юности он записал как цель «превратить свет в электричество».

Теперь, спустя полвека, мы хорошо знаем механизм фотоэффекта. Лучи света, несущие энергию, при поглощении их поверхностью металла вырывают из него электроны, которые вылетают в окружающую среду. Так электрический ток проходил не только через газы, но и через пустоту.

Современные фотоэлементы совсем непохожи на приборчик Столетова, но основной принцип их тот же: превращение света в электрический ток, слишком слабый для работы, но достаточный для включения других приборов и для управления ими.

Столетов хорошо понимал сущность своего прибора и назвал его «гальванический элемент, в котором роль жидкости играет газовая среда». Но мог ли он видеть все последствия своего гениального открытия?

Ученый

Биография Столетова слагается из двух слов: университет и наука. В Московский университет он пришел семнадцатилетним юношей и не расставался с ним сорок лет. Заслуженным профессором Московского университета умер он в том же самом корпусе, где жил когда-то студентом-стипендиатом. Но это лишь внешняя рамка его жизни.

У Столетова было много врагов — так часто бывает с людьми, лично безукоризненными, но строгими к другим.

В университете, который был его домом, где плоды его деятельности были у всех на виду, ему приходилось сталкиваться с неблагодарностью, мелкими уколами самолюбию, оскорблениями. Его кандидатура в Академию наук была снята великим князем Константином Константиновичем. И пигмеи, наконец, сделали свое дело. «Бывали у меня неприятности и похуже,— говорил он в последние дни,— да и силы были не те». «В сентябре меня уже не будет в университете»,— с горечью сказал он при последнем свидании со своим другом Климентом Аркадьевичем Тимирязевым. Но уже через несколько дней скорая смерть отменила это решение.

Но жизнь великого ученого не была растрачена понапрасну. Вокруг него складывалась целая научная школа, получившая позже название «Столетовского кружка». Все физические кафедры русских университетов были заняты учениками Столетова, которые каждое лето съезжались к учителю, чтобы поработать в его лаборатории, получить его одобрение и вдохновиться его идеями.

Наука была страстью Столетова, но так же страстно он хотел сделать ее достоянием всего народа. Одним из первых в России он выступил с популярными лекциями. Это было удивительное сочетание глубокого научного анализа с художественным синтезом. Перед слушателями Столетов рисовал яркую и точную картину мира.

Его лекции, казавшиеся вдохновенными импровизациями, были рождены в бессонные ночи. Их легкость и непринужденность достигались тяжелым трудом, изящество — длительной шлифовкой каждой фразы. И только близкие друзья знали, что глубина и точность были плодом упорной работы.

Этот «кабинетный ученый» был человеком необыкновенной разносторонности и неисчерпаемой энергии. Он читал доклады, писал статьи и учебники, выступал на съездах и международных конгрессах, консультировал устройство электрического освещения в Москве, был председателем физического отделения Общества любителей естествознания, боролся с физиками-идеалистами...

Труд ученого стал достоянием всего человечества. «Всем, конечно, памятна та овация, которая была сделана Александру Григорьевичу на последнем общем заседании съезда,— писал Тимирязев о работе Московского съезда естествоиспытателей.— Громадная зала Благородного собрания в течение нескольких минут дрожала от аплодисментов двух тысяч русских ученых, руководившихся единодушным желанием выразить чувства благодарного уважения неутомимому ученому за все, что им было сделано для русской науки, для русского просвещения...»

Столетов всю жизнь был великим тружеником, и в его работах скрыта целая бездна упрямого и страстного труда, полного творческой мысли, доведенного до степени вдохновения.

Свой символ веры Столетов выразил в замечательных словах: «Физическая наука в ее идеальном виде является сочетанием творческой мысли с экспериментальным искусством».

Даже для многих историков науки работы Столетова кажутся разбросанными. Но это всегда поиски объединяющего целого, и ключ к ним дает фраза: «Всем управляет электричество».

Но наряду с высокой теорией он постоянно думал о практическом применении своих работ. Исследуя намагничивание мягкого железа, он говорил, что знание свойств железа при намагничивании так же необходимо для конструкции электрических машин, как знание свойств пара для теории паровых машин. И до сих пор инженеры всего мира, рассчитывая огромные генераторы, мощные моторы и крохотные электроприборчики, вспоминают имя Столетова, заложившего основы теории электрических машин.

Определяя «величину V» — скорость распространения электромагнитного процесса,— он искал доказательств единства света и электричества.

И в то же время на этих опытах выросло лабораторное мастерство московской физической школы, доведенное до предела учеником Столетова, «гением эксперимента» П. Н. Лебедевым.

Исследуя фотоэлектрический эффект, он создавал технику будущего и в то же время думал об окончательном объединении разрозненных теорий в одно стройное целое. «Мало-помалу,— писал он,— открылся новый и удивительный мир явлений, долго бывший как бы под спудом. Это — вся физика будущего в ее окончательном объединении... Все заставляет думать, что теории света и теплоты были только подготовительной работой для будущей механики электромагнитных процессов и войдут в нее, как часть...»

В этом предвидении науки будущего весь Столетов. Не стихийным, а сознательным материалистом мы видим его, когда он борется против попыток примирить науку с верой и первый выступает против философов - идеалистов Оствальда и Маха, отрицавших существование материи. И высокое вдохновение двигало пером ученого, когда он говорил, что мы должны узнать рычаги и веревки механизма природы — узнать затем, чтобы управлять ими по нашей воле.

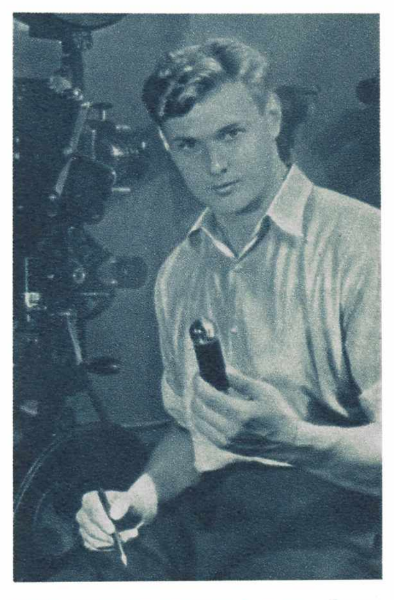
Будущее

Великие ученые имеют разную судьбу не только при жизни, но и после смерти. Те, кто завершает большие периоды развития науки, кто обобщает то, что сделано веком, обычно становятся баловнями и современников и потомства. Иным путем приходит слава к пролагателям новых путей. Часто непонятные или недооцененные при жизни, они лишь с каждым шагом человечества в будущее вырастают в его глазах. Так было и со Столетовым. Его «распыление электричества» было первым в мире опытом, доказывающим сложность устройства атома, открывающим атомистическое, прерывное строение самого электричества. Столетов остановился у самого порога нового века в физике, его работы подготовили открытие электрона, рентгеновых лучей и радиоактивности. Мы знаем, что на этой основе родились теория квант и теория относительности.

Трудно исчислить подлинное наследие ученого. Это его работы, письма, обращенные к потомству. Два любимых ученика Столетова, выдающиеся русские ученые, Николай Егорович Жуковский и Петр Николаевич Лебедев, сами основали крупные научные школы. Но и это еще не все. Идеи, рожденные Столетовым и пущенные им в ход — в лекциях, статьях, даже в частных беседах,— и ныне действуют среди нас, продолжают жить как бы самостоятельной жизнью, разрабатываются другими, получают более богатое содержание и более полную форму, потому что мысли великого ученого,— нечто более вечное, чем короткий жизненный срок одного человека и чем даже его посмертная слава.

Будущее, о котором мечтал Столетов, уже наступило. Оно создано нашими руками, и мы живем в нем — в удивительном мире воплощенной мечты человечества. Но впереди еще более блистательный мир цветущего коммунизма. И снова, когда мы думаем о технике коммунизма, перед нами встает имя Столетова. Это он открыл прямой путь к превращению солнечных лучей в универсальную силу электричества.

В будущем труды Столетова сомкнутся с работами его друга, великого русского ученого Климента Аркадьевича Тимирязева. Тимирязев глубже кого бы то ни было проник в тайну хлорофилла, «быть может, самого удивительного вещества на земле», проник в фантастическую лабораторию природы, где из углекислоты воздуха и воды создается крахмал, из мертвой материи ткется органическое вещество. Ученый открыл, что весь животный мир, а в том числе и человек, живет за счет зеленого листа. Но когда-нибудь люди совершат и последнюю победу над светом и заставят солнце не только работать, но и создавать органическую материю по воле человека. И во главе списка тех, кто создал этот будущий мир, встанет имя Александра Григорьевича Столетова.

Киномеханик держит в руке фотоэлемент «ЦГ-4», применяемый для чтения фотограмм в звуковом кино.

ТЕАТР В ТАМБОВЕ

Возникновение театра в Тамбове связано с именем великого русского поэта Г. Р. Державина, который в 90-х годах XVIII века был тамбовским губернатором. Державин устраивал у себя в доме спектакли, для которых сам писал пьесы в стихах. Но профессиональный театр открылся в Тамбове много позже — только в 1815 году.

Его судьба была похожа на судьбу десятков других провинциальных театров, разбросанных по необъятной России.

Невежественные антрепренеры, бессодержательный репертуар, наспех поставленные спектакли, нищие и бесправные актеры,— словом, мы встречаем в тогдашнем Тамбовском театре все то, о чем неоднократно читали в записках корифеев русской сцены П. Стрепетовой, М. Савиной, В. Давыдова.

И как изменились условия существования периферийных театров в наше время! Их искусство, как и искусство всего нашего народа, наполнено новым содержанием.

На сцене Тамбовского театра имени Луначарского ставятся лучшие произведения советской драматургии, русской и западной классики.

Советские спектакли отличаются глубоким и правдивым изображением нашего современника с его высокой идейностью и любовью к Родине. Тамбовский театр сумел показать индивидуальные особенности своих героев, рассказать о них живо и взволнованно. Поэтому его постановки по-настоящему трогают зрителей. Их искренно волнует судьба Воропаева (актер А. Годаевский) в «Счастье», напряженно следят они за приключениями советских ученых в пьесе «Тайна вечной ночи» и горячо сочувствуют Ирине Гриневой (актриса М. Коваленко) в спектакле «Московский характер».

Коллектив театра много работает и над классическими произведениями. Серьезно и вдумчиво поставлен спектакль «Последние» М. Горького (постановщик — В. Демерт); много юмора, задорного веселья, сочетающегося с мягкой лиричностью, в «Укрощении строптивой» (постановщик — В. Галицкий).

Свое мнение о спектаклях тамбовские жители привыкли высказывать на конференциях зрителей, которые регулярно проводит театр. Выступают рабочие, офицеры, учащиеся и домохозяйки. Их суждения и пожелания коллектив театра всегда выслушивает со вниманием и интересом.

Стремясь расширить круг своих зрителей, театр дает много выездных спектаклей не только в черте города, но и в области, в районных клубах и домах культуры, где его хорошо знают и любят.

Тамбовский театр работает много и напряженно. Работники театра повышают свой идейный и творческий уровень: проводятся политзанятия, при подготовке спектаклей организуются обсуждения, лекции и доклады; для молодых актеров руководство театра организовало своеобразный семинар; молодежь изучает мастерство актера, технику речи, ритмику — все то, что ей помогает овладеть увлекательной и трудной профессией актера.

Так живет и работает Тамбовский театр — один из сотен периферийных театров нашей страны.

И. НИКОЛАЕВА

Тамбов.

«Великая сила» Б. Ромашова на сцене Тамбовского театра имени Луначарского. Лавров — артист В. Витрищак. Милягин (справа) — И. Марин.

Сцена из пьесы М. Горького «Последние». Иван — В. Витрищак, Александр — М. Астров, Надежда — М. Коваленко, Вера — М. Чарская.

ЭНТУЗИАСТЫ ПЕСНИ

Выступление Тульского хора.

Фото А. Гостева

К гастрольной поездке в Москву Тульский областной государственный хор готовился с понятным волнением. Впервые за шесть лет существования коллектив должен был выступить перед музыкальной общественностью столицы и показать свое творческое лицо.

И вот Тульский хор на сцене Государственного оперного театра имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко. В коллективе около 40 человек, преимущественно молодежь, причем многие пришли сюда из хоровой самодеятельности. Художественный руководитель и дирижер В. Успенский, ученый-музыковед, страстный энтузиаст хора, в небольшом вступлении рассказал о творческих исканиях коллектива, о работе над классикой, советскими и народными песнями, над собиранием местного тульского песенного фольклора.

— Мы хотим, — говорил он, — в Москве поддержать славу тульских народных певцов, так вдохновенно описанных Тургеневым.

Тульский областной хор, организованный в годы войны, сначала как народный русский хор, затем ставший ансамблем песни и пляски, непрерывно совершенствуется. Теперь это один из наиболее культурных музыкальных коллективов РСФСР. Творческий рост хора сказался и в разнообразии репертуара, и в сложности исполняемых произведений, и в музыкальной монолитности, и в чувстве стиля исполняемого произведения.

В обширной программе концерта наряду с сильно и проникновенно звучавшими «Песней о Сталине» Хачатуряна, «Гимном Москве» Мурадели, народными песнями, с успехом исполнялись такие сложные и трудные для небольшого хора классические произведения, как хор из оперы «Нижегородцы» Направника, «Сторона ль сторонка», «Поражение Сеннахериба» Мусоргского, «Кондор» Калинникова, «Lacrymosa» из Реквиема Моцарта.

В Тульской области любят свой хор, он популярен в колхозах, районных центрах, где его концерты превращаются в праздник для колхозников.

Рождение танца

О. ПОЗДНЕВА

Фото А. Воротынского

Выступление Государственного ансамбля танца Туркменской ССР, танец «Хлопок».

Народная артистка Казахской ССР Шара исполняет грузинский танец.

«Не танцевал спокон веков народ моей страны!» — восклицает туркменский поэт Берды Кербабаев в своей поэме «Айлар». И действительно, туркменский народ, видимо, не знал никогда искусства танца. Сведений об этом не дают ни история, ни литература... Да и могла ли танцовать туркменка? Ее ребенком выдавали замуж за старика, продавали за деньги, меняли на товары.

Первые же страницы новой истории страны — истории Советской Туркмении — отмечены появлением в республике профессионального искусства, а семь лет тому назад был организован первый Туркменский ансамбль танца. Танцы ансамбля быстро стали народным достоянием.

Ансамбль побывал во всех уголках республики. Он не только выступает с концертами, но и помогает своим зрителям учиться танцовать. И теперь в дни народных праздников в городах и аулах танцуют туркмены и туркменки. Их пляски радуют непосредственностью, широтой чувств, свежестью рисунка.

Организатор и руководитель ансамбля И. Бойко долго изучал исторические материалы и литературу о туркменах, знакомился с их трудом, бытом, играми, обычаями. Перед ним раскрывался красочный мир древнего народного творчества. Так, изучение орнаментов знаменитых текинских ковров помогло созданию танца «Халы». Движения танцующих складываются в затейливые сочетания узоров, и на сцене как будто ткется ковер. Хороводная пляска девушек «Гульяка» [1] навеяна рисунками старинного туркменского искусства — чеканки.

Вот пестрая стайка девушек исполняет танцы хлопка, роз, сбора винограда. Не менее разнообразны пляски юношей: яркие хореографические сценки передают то отвагу джигитов, то ловкость охотника, побеждающего барса. Мы видим, как чолыки — пастушонки — отдыхают и пляшут под напев тростниковой дудки. А вот и маленький проворный чайчи угощает посетителей чайханы!

Хороша лирическая сценка «Ожидание», навеянная поэтическими образами легендарных возлюбленных «Зохрэ и Тахира».

Ансамбль создал удачные хореографические композиции на современную тематику: «танец с ружьями», «праздник танца» и другие.

Работа ансамбля — яркое свидетельство роста культуры и творческих сил туркменского народа.

[1] Гульяка — нашейное украшение туркменки.

Артисты ансамбля танца Туркменской ССР Л. Курбанова и А. Ташлиев исполняют «Танец нежности».

Танцует Шара...

Она появляется на сцене, закутанная в какое-то зеленое облако. Гордо посаженная голова то покачивается, то кивает в такт плавному ходу неслышно скользящих, скрытых под складками платья ног, движениям гибких открытых рук. Сила и женственность, грация и точность, национальное своеобразие и высокая культура — таково искусство казахской танцовщицы.

Ее зовут Шара. Это имя известно всем в Казахстане. Каждый танец Шары — художественная миниатюра. Как зеленая ветка, свежа и гибка ее «Садовница», а грузинский танец полон спокойного величия и скромной неотразимой прелести!

Окрыленное талантом, согретое глубоким, непосредственным чувством, мастерство Шары радует зрителя.

Рождение мастера

М. ДАЛЬЦЕВА

У каждого есть запрятанные где-то далеко в памяти первые детские воспоминания: узор на обоях, зеленая ветка за окном, морщинистое бабушкино лицо в платочке с горошками... Когда Виктор Дробинский пытался вызвать в себе самые первые воспоминания, ему часто представлялись серые и белые ромбы и квадраты с волнистыми, переливающимися контурами. Ромбы и квадраты — дно бассейна. От постоянного движения воды оно шевелится и изменяется, будто живое, а четырехлетний малыш, толстый и задумчивый, сидит на краю бассейна и неотрывно смотрит на воду. Впрочем, этого Виктор уже не помнил. Это мама рассказывала.

Мама рассказывала, что когда ему хотелось купаться, он медленно и важно спускался в воду и окунался, приседая и выпрямляясь, как на зарядке.

Мама Виктора — тренер по плаванию. Очень часто она брала мальчика с собой на работу. Годам к шести Виктор хорошо знал, что бассейн — это не речка на даче, куда идут поплескаться в летнюю жару все, кому не лень. В бассейне люди занимаются делом: учатся и работают.

Бассейн начинается с вестибюля. К кабинам для раздевания проходят рабочие автозавода, еще не успевшие сменить спецовки, ученицы музыкальных школ с нотами, свернутыми в трубочку, летчики с голубыми петлицами на шинелях.

Вдоль края бассейна спешит вслед за пловцом толстый человек с пушистыми белокурыми усами, на шее у него висит на шнурке секундомер. Он сжимает рукой секундомер и отрывисто приговаривает:

— Пятнадцать, четыре... Не вижу гребка...

Виктор смотрит на голову пловца в плотной резиновой шапочке, ежесекундно скрывающуюся под водой и выныривающую только для короткого вдоха, и чувствует, с каким упорством тот борется с водой, преодолевая ее силу.

Рядом с пловцом, на соседней дорожке, девушка. Руками она держится за доску и неутомимо отталкивает воду ногами. Виктор уже знает, что она отрабатывает движения ног для «кроля», но сколько раз она проплыла вдоль 25-метрового бассейна, сколько раз сделала повороты, он не в силах сосчитать. Терпение у нее большое.

Пловцы выходят из воды. На вышке, на краю доски, висящей над опустевшим бассейном, появляется худенькая девушка в черном купальном костюме. На секунду девушка замирает на краю доски и, резко оттолкнувшись, прыгает в воду, делая «сальто» в воздухе. Потом вылезает из воды, поднимается по лестнице и снова прыгает. Виктор начинает считать, сколько она сделает прыжков, и замечает:

— Сорок раз боялась и сорок раз прыгнула.

Усатый тренер разговаривает со смуглым молодым человеком в красных плавках. Ребятишки из маминой группы стоят в отдалении и не сводят глаз с молодого человека. До Виктора доносится их громкий шопот: «Чемпион!.. Побил рекорд!..» Виктор спокойно смотрит на чемпиона. Он кажется ему гораздо менее удивительным, чем девушка-ученица, которая прыгала с вышки.

Папа Виктора, инженер Михаил Александрович Дробинский, был чемпионом Москвы в 1927 и в 1928 годах, мама, Тамара Владимировна Дробинская (Ануфриева), — чемпионка Москвы 1928 года по плаванию стилем «брасс».

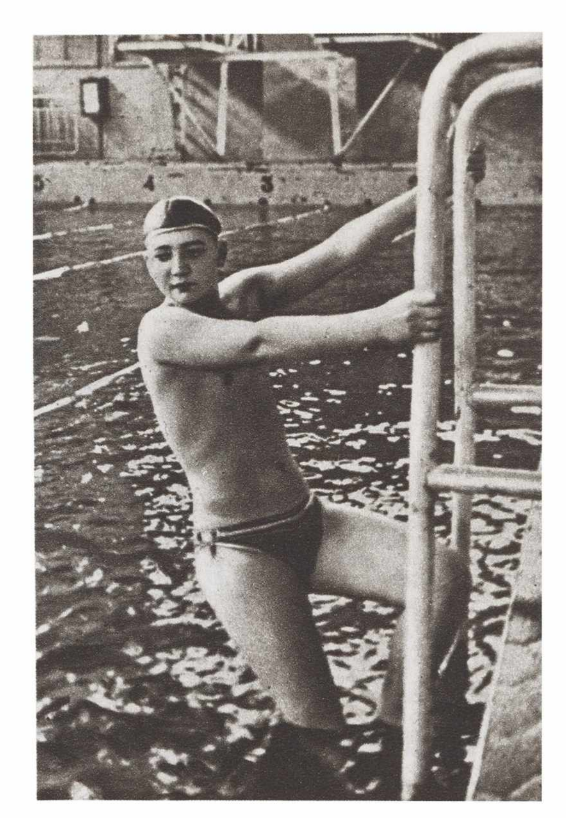
Вечером, дома, Виктор снова вспоминает о бассейне. Соседка рассказывает маме:

— Я вчера в цирке была, силача видела... Одной рукой штангу подымает, как перышко. Сам маленький, коренастый, а плечи вздутые, как арбузы. Вот силища-то! Я подумала, вот бы из него пловец!..

— Пловец должен быть высокого роста, с длинными руками и ногами, — объясняет мама, — с широкими, но покатыми плечами, иметь фигуру обтекаемую, «каплеобразную».

— А Китаев? — резко вмешивается папа.— Пловцом может быть всякий, кто привык работать, у кого воля к труду. Ну, а кроме того надо иметь здоровое сердце, хорошие легкие.

Папа и мама не спорят, они только дополняют друг друга. Оба хорошо знают, что пловцом может быть любой здоровый человек, что для каждого вида спорта существуют наиболее благоприятные внешние данные, отсутствие которых можно заменить упорной работой. Но в тоне разговора их слышатся отзвуки затаенного спора. Михаил Александрович уже давно выступает на соревнованиях только как судья всесоюзной категории, а Тамара Владимировна работает лишь как тренер. Но когда-то они занимались в соперничающих спортивных обществах. Михаил Александрович — в «КОР» (клуб железнодорожников), Тамара Владимировна — в «Пищевике».

Виктор Дробинский в бассейне.

* * *

Плавать по-настоящему, «стильно», Виктор научился в 1943 году, когда семья Дробинских возвратилась из эвакуации. Там, в пензенской деревушке, мама немножко учила его плавать стилем «кроль», но это была азбука. Вернувшись в Москву, Тамара Владимировна работала старшим тренером Мосгороно. Виктор занимался у нее в группе.

Теперь он сам уже трудился в бассейне, как те пловцы, запомнившиеся с детства. У Виктора появилось «чувство воды», он понял, что ее надо брать не только силой, но и мастерством. Каждое движение делать не так, как легче и удобнее, а по правилам, чтобы потом было совсем легко. Уметь в течение одного движения и расслабляться и напрягаться. Отдыхать и в то же время сокращать секунды заплыва.

После нескольких месяцев работы Виктор выиграл первенство среди школьников. С 1943 года он стал постоянно участвовать в детских соревнованиях.

В книжном шкафу у Дробинских лежит папка с грамотами, полученными Виктором за участие в соревнованиях по плаванию. Уже это говорило о том, что у него определенные способности. А между тем на уроках мать уделяла ему меньше внимания, чем остальным ученикам.

Виктор начал тогда заниматься у Петра Андреевича Жаринова — тренера с двадцатилетним стажем. За долгие годы работы у него появился своеобразный подход к отбору учеников: он любит трудновоспитуемый «материал»; его не пугают двойные и тройные усилия, которые приходится затрачивать на начинающих пловцов, лишь бы эти усилия не прошли даром.

Жаринов очень охотно согласился заниматься с мальчиком, так успешно начавшим свою спортивную жизнь. Внешние данные Виктора он не находил блестящими. Правда, мальчик высокого роста, но склонен к полноте, и плечи у него хотя и широкие, но приподнятые, какая уж тут «каплеобразность»!.. И если при этих данных Виктор выигрывал первые места, — значит, он умел и хотел работать. А это самое главное.

Прежде всего Жаринов начал совершенствовать физические данные Виктора: ежедневная зарядка, трехкилометровые прогулки дважды в день, специальные упражнения для голеностопного сустава.

Летом прошлого года в матче десяти городов и в соревнованиях школьников на первенство Советского Союза Виктор занял первое место по группе юношей. Тогда же в городских состязаниях учащихся детских спортивных школ он оказался первым в заплыве на 100 метров. Но время, показанное на дистанции, не удовлетворило его. Он решил повторить заплыв. Это решение обрадовало Жаринова, который увидел в этом прежде всего черту характера — упорство.

В повторном заплыве Виктор поставил новый всесоюзный юношеский рекорд — 1 минута 2,6 секунды. Прежний рекорд Н. Крюкова держался около девяти лет.

В стране, где спорт — занятие массовое, рекордсмену нельзя почивать на лаврах. Через несколько месяцев на соревнованиях восьми городов рекорд Дробинского был побит львовским комсомольцем Эдуардом Городецким: он проплыл дистанцию в 100 метров за 1 минуту 2 секунды. Зато в следующие дни Виктор получил полное удовлетворение. Он поставил два новых всесоюзных рекорда для юношей: проплыл 200 метров вольным стилем за 2 минуты 18 секунд и 400 метров за 4 минуты 59 секунд. Вскоре он получил звание мастера спорта СССР.

Шестнадцатилетний мастер готовился к школьным экзаменам за восьмой класс, когда его пригласили участвовать в соревнованиях Москвы и Ленинграда. Участвовать он должен был вне конкурса, так как соревнования устраивались для взрослых. Времени для тренировки было очень мало: Виктор никогда не пренебрегал школьными занятиями ради спортивных.

Жаринов с интересом наблюдал за новым качеством своего ученика. Виктор старался присоединиться к какому-нибудь мастеру и в течение всей тренировки плыл рядом с ним. И куда девалась его флегматичность, созерцательность, на которую обычно сетовал Жаринов во время занятий! Стиль его становился необычайно агрессивным, волевым.

На соревнованиях эти новые качества Виктор продемонстрировал с особенной силой. В первый день он шел в заплыве на 100 метров с Кучеровым и Либелем и был у финиша на корпус впереди своих «противников». В этом заплыве он перекрыл рекорд Городецкого, пройдя 100 метров в 1 минуту 1 секунду.

На второй день в заплыве с Либелем, Ушаковым и Кузнецовым Виктор пришел вторым и снова поставил всесоюзный рекорд для юношей на дистанции 200 метров. И, наконец, на третий день он был вторым, за чемпионом Советского Союза В. Ушаковым, пройдя 400 метров в 4 минуты 55 секунд.

Для Жаринова новые достижения Виктора были и большой радостью и поводом для размышлений. Он увидел у своего ученика новые качества: не только трудолюбие и терпение, но и волю к победе — истинный дух соревнования.

— Ты для меня непонятный человек, Витя, — схитрил Жаринов, подойдя к Дробинскому после соревнований. — На земле вроде спишь, а в воде тигр!..

«Тигр» посмотрел на тренера смеющимися глазами и, надвинув кепку, помчался к себе домой на улицу Жданова, где третий день ждал его учебник физики.

НА ПОЛЕ выходит дублер

Нападающий В. Чайчук (ЦДКА), заменивший заслуженного мастера спорта Г. Федотова в матче с «Даугавой» (Рига).

Фото Г. Дубинского

В самый разгар футбольного матча, когда у ворот разыгрываются драматические ситуации, а над стадионом стоит гул восторженных голосов, вдруг неожиданно диктор сообщает:

— Внимание, внимание! В команде «Торпедо» вместо Чайко, игравшего под номером пятым, играет Запрягаев под номером двенадцатым.

За минуту до этого зрители видят, как один из игроков покидает поле, а другой быстро включается в соревнование. Он всегда бывает приметен своей подвижностью и чрезмерной энергией, ибо он попадает в среду достаточно уставших футболистов.

Э. Юст (киевское «Динамо») ждет выхода на поле.

Очень часто этот свежий игрок-дублер вносит остроту в атаки команды или делает надежной ее оборону.

Двенадцатый номер выпускается на поле по разным причинам: то ли игрок основной команды захромал, то ли у него не клеятся комбинации, а чаще всего тренер, пользуясь правом замены одного игрока, просто меняет наиболее уставшего.

Под двенадцатым номером в свое время выбегали на поле многие ныне известные футболисты. Москвичи помнят первые выходы Вячеслава Соловьева, А. Водягина, Ю. Седова, А. Анисимова, Г. Бондаренко и др.

В момент, когда судья вызывает футболистов на поле, запасный игрок-дублер, с двенадцатым номером на спине, сидит на скамеечке.

Он внимательно следит за ходом матча и подергивает то рукой, то ногой, словно сам участвует в игре. Приходит момент — приказ тренера — и дублер выходит на поле.

Каждый коллектив мастеров имеет дублеров на все одиннадцать мест команды, иначе говоря, имеет второй состав. Это резерв тренера.

Команды дублеров также принимают участие в розыгрыше. За день до встречи мастеров играют команды дублеров. Как правило, это бывают очень содержательные встречи, в которых чувствуются молодой задор, темперамент.

Не все дублирующие составы следуют примеру своих старших товарищей. Так, мастера московского «Динамо» к концу розыгрыша первого круга вышли на первое место, а их второй состав лишь на... девятое место. Команда «Зенит» заняла третье место, а ее «дубль» — лишь восьмое.

Победителями в соревновании вторых составов оказались футболисты киевского «Динамо». Они провели 17 матчей без единого поражения, добились победы в тринадцати случаях и четыре встречи закончили вничью. Нападающие киевлян вбили 33 мяча, а пропустили в свои ворота 11.

У победителей отличаются нападающие З. Дерфий, М. Коман, полузащитник Э. Юст и др. Команда играет очень дружно, коллективно, и большинство ее игроков хорошо владеют мячом.

На второе место вышел молодой коллектив «Спартака»: он имеет хорошую защиту (К. Малинин, А. Юнисов и В. Малявкин) и живое нападение, которое возглавляется способным Анатолием Ильиным. Дублеры «Спартака» потерпели лишь одно поражение и набрали 27 очков.

Такое же количество очков получила и сильная команда ЦДКА.

Армейские футболисты ровно провели весь первый круг, а их нападающие добились рекордного числа вбитых мячей — 47.

В нападении ЦДКА особенную активность проявляли М. Мухортов, М. Дидевич и способный В. Чайчук. В защите отличается В. Меньшиков.

На четвертое место вышла команда «Локомотива» (Москва) и на пятое — «ВВС».

Коллектив авиаторов делает заметные успехи. Его дружное нападение, в котором хорошо играли К. Ширинян и А. Анисимов, вбило 34 мяча (больше, чем лидер).

Футболисты-дублеры — это будущие игроки основных составов команд мастеров, это смена советского футбола.

Вот почему хочется, чтобы матчи вторых составов привлекали больше внимания не только руководителей обществ, но и комитетов по делам физкультуры и спорта.

М. М.

«Кубок СССР» по теннису

Шестой розыгрыш «Кубка СССР» по теннису продолжался более полутора месяцев. Самый почетный теннисный приз оспаривало свыше трехсот мужских и женских команд.

Команда общества «Спартак» (Москва), выигравшая «Кубок СССР» по теннису. Слева направо: З. Зигмунд, Н. Озеров, А. Правдин, С. Андреев, М. Корчагин, В. Спиридонов (тренер).

Фото М. Суюшева

Неумолимая олимпийская система, отсеивающая любую команду, потерпевшую первое же поражение, придала соревнованиям особую остроту.

Самым крупным сюрпризом кубковых игр нынешнего года было поражение еще в предварительных зональных соревнованиях прошлогоднего финалиста — мужской команды Таллина. Эстонцы, имеющие таких сильных игроков, как О. Аллас и Э. Крее, несколько переоценили свои силы и за это незамедлительно поплатились. Выступив не в полном составе, они были выбиты из состязаний теннисистами Риги.

С большим спортивным интересом прошла полуфинальная встреча между московскими динамовками и киевлянками. Успешная игра молодой теннисистки Надежды Байрачной решила исход борьбы в пользу украинок. Именно благодаря ее блестящей победе над четвертой ракеткой страны Н. Лео (6 : 4, 7 : 5) и выигрышу в паре с О. Калмыковой у Н. Лео и Г. Кондратьевой (6 : 3; 4 : 6; 6 : 4) киевская команда с минимальным счетом 5 : 4 выиграла у москвичек и завоевала право играть в финале.

В финале мужских соревнований на живописном теннисном стадионе в Киеве встретились команды «Спартак» (Москва) и «Динамо» (Ленинград).

Ленинградцы, возглавляемые Э. Негребецким, упорно сопротивлялись очень сильной четверке «Спартака», в составе Н. Озерова, С. Андреева, М. Корчагина, З. Зигмунда.

Негребецкий нанес поражение Зигмунду и в паре с Л. Мищенко — Озерову и Зигмунду. Чемпион Ленинграда имел полную возможность взять у москвичей и третье очко. В финальном матче против Озерова, прошедшем в стремительном темпе и мощных взаимных атаках, Негребецкий вел 5 : 3 в пятой решающей партии. Был момент, когда от победы его отделял выигрыш лишь двух мячей. Однако неиссякаемая воля к победе, умение Н. Озерова мобилизовать все силы в критические моменты матча решили исход трехчасовой борьбы в его пользу — 6 : 3, 2 : 6, 4 : 6, 6 : 1, 8 : 6.

С большим перевесом ленинградских теннисисток (7 : 2) закончились финальные игры у женщин.

В центральном матче между эксчемпионками СССР Г. Коровиной («Динамо») и О. Калмыковой (Киев) долгое время преимущество было на стороне киевлянки. Она выиграла первую партию — 6 : 3 — и была впереди во второй — 4 : 3. Но настойчивость и отличная спортивная форма привела к победе ленинградку. Коровина победила со счетом — 3 : 6, 6 : 4, 6 : 0.

«Кубки СССР» по теннису еще на один год остались у прежних владельцев — теннисистов московского «Спартака» и теннисисток ленинградского «Динамо».

В. КОЛЛЕГОРСКИЙ

Проценты — пополам!

Рассказ о том, как колледж святой Марии стал безукоризненно лойяльным

Виллис К. ЛАРЮ

Рисунки Г. Валька

В колледже святой Марии занятия шли обычным порядком: два первых курса играли в регби, третий курс повзводно отшлифовывал строевой шаг, а четвертый курс скучал на лекциях. Казалось, все шло хорошо, но директор Вурдль уже сменил пять носовых платков: директор был толст, трусоват, и от страха лоб его, как стакан со льдом, покрывался холодными каплями. А потеть было от чего: утром в колледж прибыли мистер Рук, представитель комиссии по проверке лойяльности, и мистер Кларки, биржевой воротила, крупный делец и по совместительству попечитель колледжа святой Марии. Оба прибывших джентльмена имели озабоченный вид. Они прошли в кабинет мистера Вурдля, и Кларки спросил:

— Слушайте, директор, как у вас дела с профессурой? Настроения? Симпатии? Мысли? Мистер Рук облечен чрезвычайными полномочиями, и мы обязаны помочь ему...

— Мне кажется... я думаю... — забормотал мистер Вурдль, комкая промокший платок, — у нас в Марии... в нашем колледже ничего особенного...

— Я застану ваших преподавателей врасплох, — сказал Рук и шагнул к дверям. — Идите вперед, показывайте, где читаются лекции!

К ужасу мистера Вурдля, Рук и Кларки не только не вошли в аудиторию, но даже не открыли двери. Рук достал из кармана какой-то приборчик с двумя парами наушников, Кларки взял одну пару, Рук — другую. Потом Рук всунул в замочную скважину что-то похожее на карандаш.

— Специальный микрофон для подслушивания,— сказал Рук ошеломленному Вурдлю. — Наша комиссия купила патент на этот прибор у бюро изобретений агентства Пинкертон. Мы можем, не входя в комнату, слышать все, что там говорится! А то, знаете, некоторые преподаватели, если их слушает инспектор...

— Одну! — пробормотал Кларки. — Еще одну... двадцать... тридцать... раскроемся? Флешь-рояль! Стрит! Странно!

— Ничего странного, — сказал Рук. — Просто студенты на ближней к двери скамье играют в покер!

— Странно, зачем он прикупал, если у него был стрит? — сказал Кларки.—И раскрыться на стрите! Мальчишки!

Рук подвинтил какой-то стерженек, и в наушниках послышался приглушенный смешок.

— Муж моется в ванной, а его жена с полицейским... хи-хи!

— Вот черти! — хмыкнул Кларки.— Я только что слышал этот анекдот в Нью-Йорке, мне выдали его за новинку, а до них уже дошло.

Рук опять подвинтил стерженек, и теперь стал слышен голос профессора.

— У них сейчас астрономия, — сказал Вурдль. — Это очень хороший преподаватель, он председатель астрономического общества нашего штата...

— Ага! — радостно закричал Рук. — Вы слышали, Кларки? Слышали, что он сказал?

— Что-то вроде того,— сказал Кларки, — будто Марс отличается от других планет тем, что имеет характерный красноватый оттенок...

— Вы слышали, Вурдль? — торжествующе произнес Рук. — Понимаете, что говорит ваш астроном? Агитация! Я ему покажу красный оттенок!

— Я его уволю, — пробормотал Вурдль, вынимая мокрый платок. — Не стоит беспокоиться... Будьте уверены, мистер Рук, будьте уверены, мистер Кларки, он уже не работает в колледже святой Марии...

— Пошли дальше! — скомандовал Рук, извлекая микрофон из замочной скважины и переходя к двери напротив.

— Тут антропология... происхождение человека, — сказал Вурдль.— Очень знающий преподаватель...

Рук вставил микрофон в дверь. Голос преподавателя удалось поймать не сразу: во-первых, профессор ходил по аудитории, а во-вторых, на каждой скамье играли или в кости, или в покер, или в какую-то непонятную игру, правила которой не были известны даже мистеру Кларки и о которой мистер Вурдль — с присущим ему страхом — сказал, что «она местного изобретения» и называется «шлеп-шлеп-сорок восемь».

— Записывайте! Записывайте!— воскликнул вдруг мистер Рук.— Пишите, Вурдль! Слышите, Кларки, что говорит этот старый жулик?! Что все люди, в том числе и американцы,— потомки обезьян?! Все люди? Значит, и негры тоже?! Выходит, что мы с вами, Кларки, родственники негров? Каков тип!

— Я его уже увольняю,— вынимая запасной платок, сказал Вурдль,— не волнуйтесь, мистер Рук, он уже все равно что не работает!

— Шлеп-шлеп-сорок восемь! — задумчиво повторял Кларки. — Очень любопытно! Шлеп-шлеп? Гениально! Сорок восемь? Феноменально!

— Пошли дальше,— сказал Рук.

— Я не помню точно, какая тут лекция,— сказал Вурдль.— Здесь обычно читают историю...

— Сейчас узнаем!—и Рук включил микрофон.

— Самое лучшее, джентльмены,— это не утомлять своих мозгов! — послышалось в наушниках.— Пусть этим занимаются те, кто против наших хозяев, а мы, если не хотим попасть в тюрьму, должны меньше слушать лекции и читать книги, а больше играть в футбол и... прочие развлечения... Наука, леди и джентльмены.— чепуха! Можете об этом спросить хотя бы самого президента! Образование — бред! Любовь — еще туда-сюда... А вот доллары... Но на них мы остановимся в следующий раз... Самое главное — не соваться в те дела, куда нас не просят соваться. Если правительство говорит, что черное — это белое, а белое — это черное,— значит, так оно и есть... На подробной характеристике членов этого правительства мы остановимся в следующий раз... Мысли свои, леди и джентльмены, я черпаю из личного опыта, как старый член республиканской и демократической партий...

— Это настоящий американец! — воскликнул мистер Рук, и глаза его вспыхнули.— Я хочу пожать его мужественную руку! — и он распахнул дверь.

Аудитория была пуста. На кафедре, перед картиной, изображающей заседание сената, сидел старичок в соломенной шляпе с бутылкой виски в одной руке и стаканом в другой.

— Это... это наш ночной сторож,— обливаясь пóтом, сказал Вурдль.— Он любит забираться в какую-нибудь аудиторию и разговаривать сам с собой... Студенты оставляют бутылки под кафедрой, а он их допивает...

Сторож не удивился, увидя вошедших.

— Привет, леди и джентльмены! — сказал он. — Присаживайтесь, здесь хватит на всех!

— Хорошее виски,—потянул носом Кларки.

— У нас в колледже продаются только высшие сорта! — сказал Вурдль.

— Единственный настоящий американец на все учебное заведение — и того вы держите в ночных сторожах! — сказал Рук.

— Я его сегодня же сделаю профессором,— согласился Вурдль.— Не извольте беспокоиться!

— Идемте! — сказал Рук, выходя из комнаты.

— Какие же вы джентльмены, если отказываетесь от виски? — послышался голос старика, когда все трое уже были в коридоре.

— Все ясно,— зловеще сказал Рук.—Из двух преподавателей, которых мы проверили, ни в одном не было обнаружено хотя бы капли лойяльности!

— Безобразие! — подтвердил Кларки.

— Что же делать, джентльмены? — растерялся Вурдль.

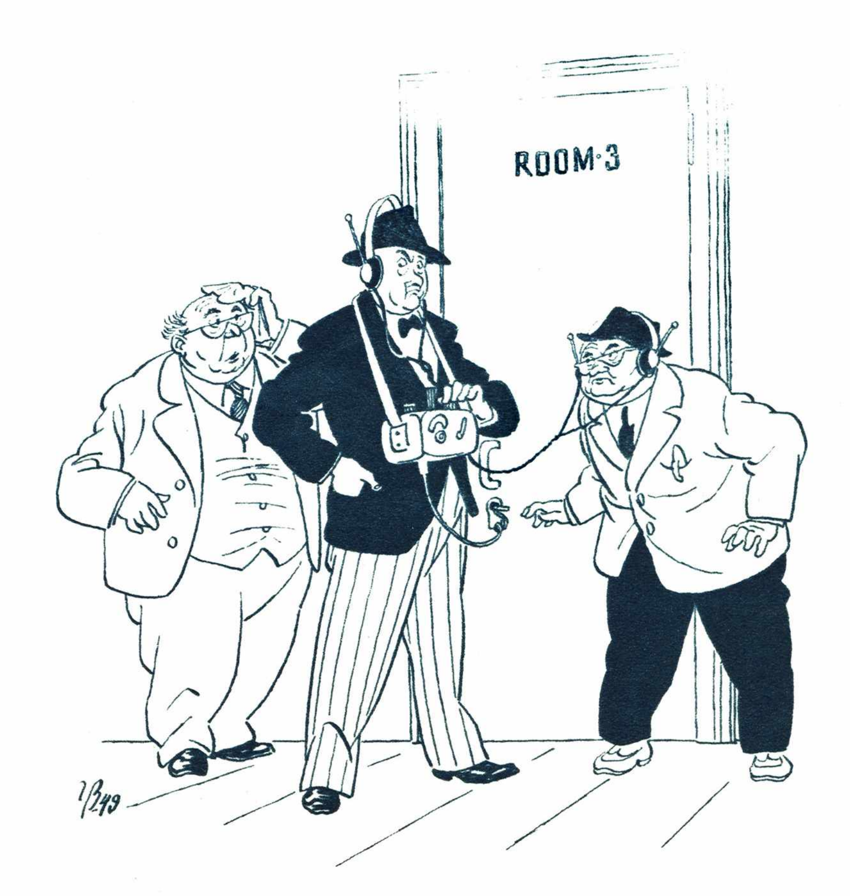
Дальнейшие события развивались молниеносно. На следующий день студенты, явившиеся на лекции, напрасно ждали профессоров. Вместо них явились Вурдль и Виллиам, ночной сторож.

— Леди и джентльмены,— сказал Вурдль,— мы упразднили с сегодняшнего дня систему преподавания... то есть систему очного преподавания... Преподаватели сохраняются только по военному делу и спорту. Все остальные предметы по предложению комиссии по проверке лойяльности будут преподаваться механически...

Виллиам включил рубильник, и из маленького черного ящика, стоявшего на кафедре, раздался голос:

— Начинаем лекцию по истории Америки. Прежде всего надо осветить период...

— Выключайте, Виллиам! — сказал Вурдль.—Итак, леди и джентльмены, перед вами аппарат «механический профессор». Профессор-автомат действует безотказно. Формулы и чертежи зажигаются вот на этом экране. Автомат можно заставить повторить одно

и то же место лекции несколько раз... прервать изложение в любую минуту...

Студенты одобрительно захихикали.

— Я думаю,— подмигнул студентам Виллиам,— вы с этим аппаратом быстро договоритесь!

Леди и джентльмены загоготали...

—...Ну как? — спросил поджидавший его Рук, когда Вурдль вернулся в кабинет.

— Ол райт! — сказал Вурдль.— Они очень довольны!

— Теперь у меня в колледже,— ухмыльнулся Кларки,— не то чтобы красной, но ни одной розовой личности не найти...

— Не считая Виллиама,— поправил Вурдль,— но у него красноватый оттенок лица вполне объясняется особыми причинами.

— Шлеп-шлеп-сорок восемь! — буркнул Кларки.— Я спокоен за святую Марию! Из наших студентов и студенток вырастут настоящие американцы, нужные нам люди! Их можно будет рассматривать хоть в спектроскоп — ни одной красной черточки не обнаружишь!

После обеда Рук, Вурдль и Кларки пошли проверять, как идут занятия.

Третий и четвертый курсы занимались на плацу военным делом, второй курс играл в регби, налицо были лишь две группы первого курса.

— Как вам нравится механический принцип обучения?—спросил Рук первого попавшегося студента.

Студент был явно навеселе. Он подмигнул представителю комиссии, шаркнул зачем-то ножкой и сказал, блаженно улыбаясь:

— Очень... нра... нравится...

— Что я вам говорил? — сказал Рук.— Вот вам не предвзятое мнение рядового студента! Ему можно верить безусловно!

— Конечно,— сказал Виллиам, присоединяясь к высокопоставленной комиссии.—Ему можно верить... Ведь недаром говорится: «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке»!

Подойдя к двери аудитории, Рук вставил микрофон в замочную скважину. В наушниках, которыми вооружились Рук и Вурдль (Кларки в это время интервьюировал

Виллиама о правилах игры в «шлеп-шлеп-сорок восемь»), послышалась мелодия буги-буги и пьяный смех девушек.

— Они танцуют... — произнес ошеломленный мистер Вурдль, обливаясь пóтом.— Они, очевидно, принесли с собой пластинки и закладывают их в аппаратуру вместо лекций! Что же делать, мистер Рук?

— Не стоит подавлять инициативу! — сказал Рук.— Если рядовому американцу буги-буги нравится больше, чем лекции по математике, пусть будет буги-буги! Все же это лучше, чем слушание розовых профессоров! В буги-буги нет крамолы! Это вполне лояльный танец!

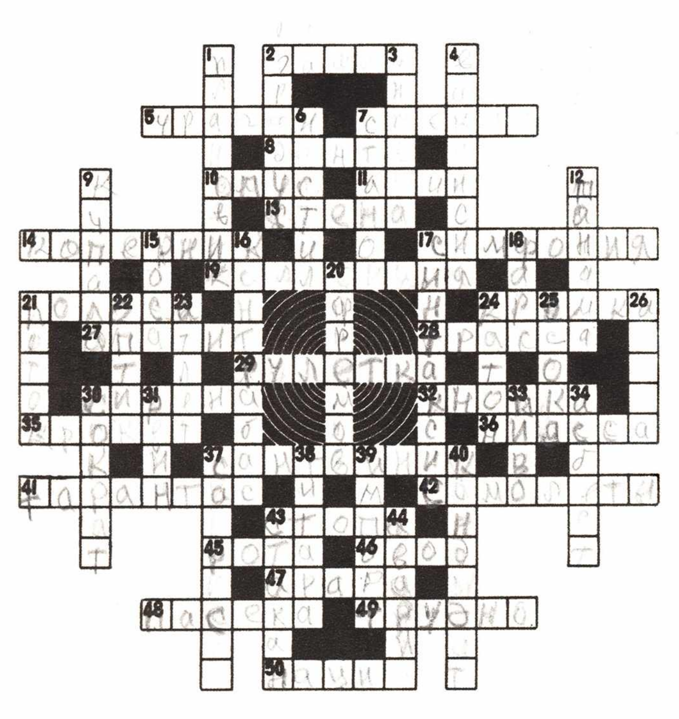
— Я тоже так думаю,— поспешно согласился Вурдль.— Совершенно справедливо, сэр...

...Когда автомобиль мистера Кларки отъехал от колледжа святой Марии, попечитель поглядел на представителя комиссии, представитель комиссии — на попечителя и оба — Кларки и Рук — расхохотались.

— Неплохое дело мы обстряпали,— сказал Рук.— Я добьюсь того, что все учебные заведения штата перейдут на механическое обучение. Сколько профессоров-автоматов ты продашь за это время? В десять раз больше, чем я в прошлом месяце! Придется тебе, старина, увеличить мне процент комиссионных...

— Проценты пополам,— усмехнулся Кларки.— Сейчас главное — перевести все штаты на нашу аппаратуру: и вам, политикам, это выгодно и нам... А поделить доходы мы сумеем...

Сокращенный перевод с английского
Б. Привалова и И. Савицкого

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» Н. БОГАЧЕНКОВ (Орел)

По горизонтали:

2. Буква греческого алфавита. 5. Сильная буря. 7. Прозрачное вещество, получаемое из кварцевого песка. 8. Итальянский поэт. 10. Произведение. 11. Народный певец. 13. Часть здания. 14. Польский астроном. 17. Музыкальное произведение. 19. Собрание однородных предметов. 21. Линия. 24. Край ткани. 27. Минерал. 28. Дорога. 29. Прибор для измерения длины. 30. Сигнал. 32. Застежка. 35. Игра. 36. Озеро в Африке. 37. Вспыльчивый человек. 41. Легкая повозка. 42. Летательные аппараты. 43. Часть ноги. 45. Воинское подразделение. 46. Насекомое. 47. Порода попугаев. 48. Пчельник. 49. Физическое явление. 50. Исторически сложившаяся народность.

По вертикали:

1. Специалист по планированию. 2. Единица измерения угла. 3. Учреждение для отпуска лекарств. 4. Свободное место. 6. Деревянный помост. 7. Техническое оборудование на заводе. 9. Белорусский поэт. 12. Летняя шляпа. 15. Атмосферный осадок. 16. Музыкальный инструмент. 17. Часть грамматики. 18. Персонаж пьесы Чехова. 20. Город в Тульской области. 21. Конвейерная система производства. 22. Специалист. 23. Спортсмен. 24. Древнеримский писатель. 25. Растение. 26. Ароматичное вещество. 30. Древнегреческий философ. 31. Река в Европе. 33. Напиток. 34. Огнеупорный материал. 37. Русский художник. 38. Музыкальный инструмент. 39. Ввоз. 40. Духовное звание. 43. Сосуд для питья. 44. Крушение.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 31

По горизонтали:

1. Конституция. 5. Кузина. 7. Райком. 10. Портрет. 12. Серенада. 13. Авангард. 14. Еда. 15. Кессон. 16. Деликт. 18. Армавир. 19. Арзамас. 21. Виварий. 23. Карета. 25. Копыто. 27. Папка. 29. Молотьба. 31. Автограф. 33. Планиметр. 34. Лаборант. 36. Нигилизм. 38. Обуза. 39. Нектар. 41. Тирада. 43. Команда. 47. Рубрика. 50. Паралич. 52. Аспект. 53. Гарпун. 54. Оса. 55. Катафалк. 56. Колорадо. 57. Алидада. 58. Мораль. 59. Калька. 60. Турчанинова.

По вертикали:

1. Кавалер. 2. Тургенев. 3. Тореадор. 4. Ярмарка. 5. Кассир. 6. Зарплата. 8. Квадрант. 9. Мадера. 10. Пассив. 11. Таллий. 15. Китель. 17. Трепет. 18. Аккумулятор. 20. Серафимович. 22. Амплитуда. 23. Кулибин. 24. Адаптор. 25. Кларнет. 26. Окраина. 27. Право. 28. Арена. 30. Тир. 32. Очи. 35. Аптека. 37. Гурман. 40. Ефрейтор. 42. Двадцать. 43. Клетка. 44. Методика. 45. Нагасаки. 46. Африка. 48. Уникум. 49. Асфальт. 50. Публика. 51. Идиома.

ОТВЕТ НА ЗАДАЧУ

«Разговор по телефону» (№ 31)

В Москве 21 час, а в областном центре 3 часа. Разница во времени — 6 часов. Так как Москва находится во втором часовом поясе, то областной центр — в восьмом. В этом поясе два крупных центра — Якутск и Чита, но Якутск — столица Якутской АССР, а не областной центр. Следовательно, из Москвы разговаривали с Читой.

ОТВЕТ НА ОЧЕРК-ЗАДАЧУ «НА ОЗЕРЕ» (№ 31)

1. Лягушка дышит легкими, поэтому прожить под водой целый час она не могла.

2. Квакают не все лягушки, а только самцы.

3. Рыба в корзине, опущенной в воду, лежит не на дне ее, а плавает. Поэтому без камня, от веса одной только рыбы, корзина на дно озера опуститься не могла.

4. Лучи восходящего солнца, проходя у поверхности земли через самый плотный слой воздуха, грéют очень слабо, и зажечь ими через лупу папиросу и костер невозможно.

5. Луч зрения на пути к горизонту встречает много промежуточных предметов, а на пути по вертикали предметов нет. Поэтому расстояние до горизонта и предметы, находящиеся на горизонте, вследствие обмана зрения кажутся большими по размеру, а не наоборот, как написано в рассказе.

6. Ветер дул северный. Рыбаки прижимались спинами с надветренной стороны, то есть к южной части стволов, где мох не растет. Поэтому очищать его со спин своих пиджаков рыбаки не могли.

ШАШКИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ МАСТЕРА Г. Я. ТОРЧИНСКОГО

Окончание партии

Мордушенко (Запорожье) — **Бернштейн** (Львов)

Играна в командном первенстве Украины, Львов, 1948 год.

Позиция черных безрадостна. Осуществить окружение центральных шашек белых они не могут и решаются на временную жертву шашки.

15.	. . .	b6—c5
16.	d4 : b6	b8—a7

Теперь, казалось бы, черные уравнивают позицию, однако в распоряжении белых оказывается любопытный комбинационный маневр, не оставляющий черным никаких шансов на спасение.

17.	d2—c3	a7 : c5
18.	f4—e5!	d6 : f4
19.	c3—b4!	e7—d6

Другого ничего нет. Если 19. . . . c5—d4, то 20. f2—g3 h4 : f2; 21. e1 : c3 с легким выигрышем. На 19. . . c7—d6 последовало бы 20. f2—g3 h4 : f2; 21. e1 : c7 d8 : b6; 22. b4 : f8 и т. д.

20.	f2—g3	h4 : f2
21.	e1 : e5	d6 : f4
22.	b4 : b8	f4—e3
23.	g1—f2!	e3 : g1
24.	b8—a7, и черные сдались.	

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, С. И. СОКОЛОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А — 09509. Подписано к печати 2/VIII—49 г. Изд. № 549. 5½ печ. л. Тираж 350 000. Заказ 1572. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

Министерство пищевой промышленности СССР
Главпарфюмер

Цена
3 руб.